

МИР

№ 3 - 1926

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
« П. П. СОЙКИН »
ЛЕНИНГРАД . СТРЕМЯННАЯ 8

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
«УДАР АВТОБУСОВ»,—рассказ Жюль Ромэн, иллюстрации Мишо	1
«ГОЛИАФ»,—рассказ Джека Лондона, иллюстрации И. А. Владимирова	27
«ВОЙНА ДВОРЦОВ и ПУСТЫНИ»,—рассказ А. Сытина, иллюстрации М. Я. Мизернюка	61
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ Д-РА ХЭКЕНСОУ»: VII. «ТАЙНА АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ»,—рассказ К. Фезандие .	89
«ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА»,—задача № 3 и решение задач №№ 1 и 2	101
«НА МЕЛЯХ ТУЛАНГА»,—рассказ Г. Шеффауера.— с иллюстрациями	103
«ЖЕНЩИНА С ШУМОМ В УШАХ»,—рассказ А. Хельригеля, с иллюстрациями	121
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ»—задача № 13,—«Испанского узника»	137
«ТАЙНА СПИРИТИЧЕСКИХ СЕАНСОВ»,—очерк О. Г. с иллюстр. .	139
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». Откровения науки и чудеса техники: Человек—источник электромагнитных волн,—П. Рымкевича .	151
Великий Сфинкс,—с иллюстрациями	155
Чтение с закрытыми глазами,—с иллюстрациями	157
На гибель человечества: Аэроплан без пилота, с иллюстрациями .	159
Подводные аэропланы, с иллюстрациями	160
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК на 3-й стр. обложки.	
Обложка работы худ. М. Я. Мизернюка.	

ПОДПИСКА НА 1926 ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ выходит ежемесячно книгами, со множеством иллюстраций русских и иностранных художников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год с доставкой и пересылкой 5 руб., на 6 мес.—3 рубля.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“
Стремянная, 8.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ за прежние годы распродан. Имеются сборники: №№ 1, 2 и 3 за 1924 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 за 1925 г. Цена каждого № 50 к., с перес. 60 к.

Рассказ Жюль Ромэн.

Перевод Ек. Летковой.

Иллюстрации Мишо.

Когда раз Бенэну и Брудье, чтобы добраться поскорее до площади Бич, захотелось сесть в старый омнибус Клиши-ля-Виллет—они увидели, что Компания Омнибусов, по своему капризу, заменила лошадиную тягу—тягой механической.

Войдя в „Посольство“ и увидя там одного из шофферов, потягивавшего коньяк, они поздравили его.

— Значит вам дали автобусы?

— Не очень давно... с понедельника.

— Вы теперь ездите до Троицы?

— До Троицы.

— Они очень удобны!

— Да, ходят недурно, жаловаться нечего!.. Легкие; прекрасно пробираются в тесноте, хорошо влезают на гору. И для пассажиров лучше: удобно сидеть. Тесновато проходить за платой, но при известной любезности... А главное— скоро!.. Против этого уж ничего не скажешь и в этом прогресс!

Он подумал с минутку.

— И все таки они не имеют того значения, что первые автобусы с империалями.

— Как!.. Те-то, громадные фуры?

— Ну да!.. монументы! Верно! Помню кто-то в свое время прозвал их „гиппопотами“. И сравнил правильно! Я и не спорю об изяществе, но с ними, вот с теми машинами—то можно было проделывать такие штуки, каких с этими уже нельзя.

— Вы может быть ездили на них?

— Да что, я только с понедельника вожатым, что-ли? Я—вожатый

с самого их появления. Я открывал одну из первых линий.

Он опять помолчал.

— Можно себе представить, сколько горя я испытал: меня ведь перевели кучером, на омнибус!

Он опять о чем то задумался. Бенэн и Брудье скромно молчали.

Тот начал снова:

— Оттого я вам так и говорю о прежних автобусах, что очень хорошо знаю их... И повторяю, что с ними, вон с теми машинами, с гиппопотами, можно было ити на такие штуки, решаться на такие удары, какие с другими не выгорели бы. По крайней мере—я в этом убежден.

— Удары?

— Да. Вы помните дело об автобусной атаке?.. На улице де-ля-Шапель?..

— Атаке?.. Автобусной атаке?.. Нет!

— То-то я и вижу, что вы ничего не понимаете. Но, чтобы знать все до тонкости, надо было самому быть там. Газеты писали только глупости. Да и Компания, вероятно, постаралась.

В то время я был шоффером на линии Пото-Сен-Мишель. И жилось недурно. Служба трудная, площадки прилажены не так, как в нынешних, особенно передние, и моторы неважные. Сиденье плясало под тобой. Многие заболели. Точно весь спинной мозг съезжал вниз хребта. И руль не слушался из-за малейшего пустяка. Бывало, все руки обло-

маешь. Но платили не плохо, да и жизнь была не так дорога, как сейчас. Это, чтобы сказать вам, чтобы мы не предъявляли никаких требований... Или ровно настолько, чтобы не совсем забыли нас. О стачке никто и не думал.

Но вот зашевелились железнодорожные рабочие. Помните?

Это тянулось неделями. И в один прекрасный день вспыхнуло. Особенно много шума было в той стороне, на улице де-ля-Шапель. Там были тысячи страшно возбужденных людей: им хотелось заставить говорить о себе... Но надо отметить, что их требования были совершенно справедливы.

Да, кроме того, когда в одном месте собирается слишком много людей,—то, в конце концов, появляется какая-то блажь, она скопляется и ищет выхода. Если бы заставить тысячи богачей день за днем, годами, дышать одним и тем же воздухом, то и они под конец устроили бы стачку, или революцию.

Меня очень занимало синдикалистское движение. Я постоянно бегал на улицу Гранж-о-Бель. В депо Шампионне со мною очень считались.

Я за всем следил. В самом начале движения меня пощупали, спросили:

— В случае надобности—могут ли железнодорожные рабочие рассчитывать на Омнибусы?

Я ответил:

— Неизвестно. Надо посмотреть. Попробуйте извернуться сами; сейчас нам забастовка не нужна. Но если бы понадобилось небольшое содействие—мы готовы.

Забастовка была в полном разгаре. Днем, по всем улицам, бродили с опущенными руками рабочие.

Я как то был приглашен вместе с другими на митинг, к Каршэ, на улицу де-ля-Шапель. Вы знаете?

Это—громадный ящик. Надо было лезть на второй этаж, но уже и первый был набит народом, как бульвары во время гуляния. Чтобы добраться до лестницы, нужно было затратить не мало времени. Двигались, отдаваясь общему течению.

Наконец, очутился во втором этаже. Довольно тихо; табачный дым, густой, точно соус, и главное, какая-то придавленность. Такое впечатление, точно тысяча человек поддерживает какую-то вертящуюся крышку, величиной в целую площадку.

Вопрос шел о громадном выступлении в ближайшее воскресенье, днем, а наше собрание, кажется, было в четверг. Предполагалось устроить несколько митингов в один и тот же час, в разных помещениях этого квартала; затем—все должны были сойтись на улице де-ля-Шапель, как вам известно.

Речи лились одна за другой. И толпа мало по малу зажглась. Меня точно приподняло от земли... Я уже не чувствовал ног под собой... Толпа росла, точно ее накачивали насосом. И будто висела в табачном дыму. Страшный шум лез в меня во все поры. Кажется голосовали порядок дня.

И, в конце концов, постановили собраться в воскресенье днем.

При выходе ко мне пристали члены стачечного комитета и какие-то типы с улицы Гранж-о-Бель.

— Мы рассчитывали, что и вы примкнете... Чем больше наберется народу, тем будет значительнее. Надо поддержать нас... Если бы вы могли созвать у себя собрание и привести к нам подкрепление!

Я отвечаю, не обещая ничего особенного.

— Я в этот день дежурный... Многие из вожатых—тоже... Это неудобно. Во всяком случае—поговорю, подумаю...

Но когда я ушел, в голове у меня забурили мысли. Я думал: „Их манифестация не приведет ни к чему. Конечно, будет много народу. Только они полагают, что полиция и правительство не примут своих мер. Все их планы отлично известны. И они сломают себе шею об войска. Сначала их пустят, пусть идут! Но как только папаша Лепин решит, что наигрались достаточно,—драгуны и полицейские начнут чистку“.

Я все думал об этом и на следующий день, управляя автобусом. И

вдруг, мало по малу, у меня в голове родилась мысль... И я просто, ради забавы, не гнал ее.

Я, бывало, часто говорил себе, сидя за рулем, когда спускался по улице Рош-Шуар, особенно начиная с улицы Мобеж, близ Плейеля: „Стоит мне захотеть, и никто не сможет остановить меня. Если такую машину да пустить как следует? На ней—я сильнее всех! Будь их хоть сотни—я проеду через них“.

Иногда, гуляя, я останавливался минут на пять внизу улицы де-Мортир и смотрел, как скатывался автобус линии Пигаль-Галь-о-Вен. Спуск—страшно крутой, улица узкая, троттуары тоже. Движение громадное. Очень многие идут прямо по улице, как им свободнее, и не обращают никакого внимания на экипажи. И площадь внизу—всегда одна из самых запруженных во всем Париже.

Я смотрел на улицу, поднимающуюся в гору. И вдруг, там, на верху, показалось что-то в роде желтой башни, высотой в два этажа. Она качалась, переливалась, скатывалась вниз, точно пьяная, разъяренная. Казалось, что она выростала между домами: рос и шум мотора и железа. Передняя часть виляла из стороны в сторону; задняя—приподнималась. Империял раскачивался точно голова какого-то зверя.

Являлся вопрос: какой фиакр башня сейчас раздавит? Какую лавку распотрошит? Пешеходы разбегались, точно крысы. А башня свободно вкатывалась на площадь, которая стремительно очищалась для нее.

И вот мне, на моем месте, пришла в голову такая мысль. Я представлял себе установленные войска, кавалерию, пехоту и полицейских, заграждающих широкую улицу. И с другой стороны представил себе автобусы, десятки и десятки автобусов... И они атакуют войска.

Это смешит вас? Я сам смеялся. Мальчишеская затея! Но я не мог отделаться от нее. И думал об этом с утра до вечера, езда на автобусе. Я воображал себя во главе такой атаки. И помимо воли отдавался

этому. Чуть было не наехал на две, на три фуры.

Как-то я завтракал с одним из товарищей в погребке на улице Сент-Андрэ-Де-Э-Ар. И никак не мог отвязаться от моей мысли; а сказать ему не смел. Не то, что не верил ему,—напротив. Это был, может быть, лучший из моих товарищей. Одних взглядов со мной. Но я боялся, что найдет меня просто чудачком. К тому же когда он пришел, он так весело сел за стол, в нем не было ни малейшей злобы. Кругом нас молодежь болтала, смеялась. Я точно с неба упал с моей идеей. И уверен, что никогда бы не посмел высказать ее—не пролей он по столу свою кружку с вином. Чудно это; я не буду пытаться объяснять вам... Но как только он локтем толкнул кружку, как только я увидел это вино, растекающееся по мрамору и льющееся струйкой со стола.—колебания уже не было. И я все высказал. Сначала представил все, как шутку, как предположение,—не больше. Он ответил мне совершенно спокойно.

— Видели и почище.

И рассказал, что читал, как в Америке стачечники пустили на фабрику поезд с заженным керосином.

Я набрался храбрости, разгорячился и сказал:

— Только трусы не смеют делать попыток. Но для убежденных, для смельчаков—очень многое совершенно легко. Ведь какой это случай пострашать буржуа и дать пример рабочему классу.

— Что взяли?!

Он не очень-то увлеклся, но и не отнекивался. Мы встали из за стола и направились к нашим машинам. Я и говорю:

— Послушай... Мне хотелось бы поговорить об этом с товарищами... Надо бы подготовить это. Представляется случай попытаться в будущем воскресенье. Если-бы нам собраться в нашем погребке, на Пуассонье. Но только—одним верным ребятам.

— Сегодня я дежурю, от девяти до двенадцати.

— Но ты сейчас-то свободен?

— Да, через сорок минут и до обеда.

— А я освобожусь в четыре. Слушай! Вот что ты должен сделать: Если ты встретишь надежных товарищей в конторе или в депо—зови их всех сегодня на улицу Пауссонье. Только советуй не болтать. Теперь проезжай по улице Орденэ. Ты знаешь всех с линии Монмартр-Сен-Жермен-де-Пре. Передай и им тоже. Они расскажут один другому. А я увижусь с товарищами с линии Нейи-Порт Майо и Клиши-Одеон... Может быть и с Пигаль Галь-о-Вен. Ты встретишь и еще кой кого. Всем скажи. Ты знаешь где? Говори, что дело идет об очень важном сообщении на счет синдикалистского движения.

— А нужно объявлять, что это ты собираешь сходку?

— Не стоит.

— Напротив. Так как ты в почете, то придадут больше значения... Подумают, что стоит и побеспокоиться.

Много я похлопотал в этот день; он, вероятно, тоже.

Пришел я на Пауссонье. Перед входом в погребок семь-восемь человек, болтая, поджидали меня. Они сказали, что внутри уже куча народу.

Вхожу в бильярдную. Шофферы—мы не созывали кондукторов; они должны были вступить в нашу затею позже,—шофферы расселись вокруг бильярда в два-три ряда, за маленькими столиками между ними, чтобы поставить стаканы.

Я не знал куда мне деться. Меня, главное, стесняло какое-то смешное

расположение: посредине громадное поле бильярда, а кругом, четырехугольником—люди. Я не люблю пустых мест; не люблю и неподвижной вещи, занимающей так много пространства. И потом, совершенно не умею говорить сидя. Не люблю, когда глаза слушателей приходится на одном уровне с моими глазами. Я тогда чувствую, что становлюсь идиотом.

К счастью, все стали уже разговаривать и спорить между собой. Я сде-

лал вид, что поджидаю заподаввших.

Когда достаточно пошумели—я встал. Бильярд уже не стеснял меня; и я не видел его. Не чувствовал пустого места среди комнаты. Шум от голосов

Меня сначала стесняло громадное поле бильярда, а кругом, четырехугольником—люди..

покрывал все, и я мог опираться на него, как на что то прочное и солидное.

Я бросил свою мысль.

— На днях вспыхивает стачка железнодорожных рабочих. Силы капитала соединяются против них. Борьба не равна. Правительство на жаловании у частных Компаний. Оно мобилизует солдат против восстающих рабочих. Железнодорожники делают в будущее воскресенье последнюю попытку. Но они будут раздавлены, а вместе с ним весь пролетариат. На нашем поражении восторжествует капитализм. Есть только один способ спасти положение. И это зависит от вас; я прямо говорю: именно от вас пятидесяти, собравшихся здесь. Вы держите в своих руках и спасение, и честь пролетариата.

Все умолкли. Я опять видел перед собою и бильярд, и четырехугольник из людей. Но это уже не смущало меня. Напротив. Мне не зачем было ни усиливать голос, ни настаивать на своем. Я уже нашел отклик. Точно кто-то натянул барабанную кожу и прикрепил ее с четырех сторон к публике, как к колышкам, и я играл на ней пальцами, как на тамбурине.

В минуту полнейшей тишины—я, без всяких прикрас, высказал свою мысль. И на секунду испугался, как тот мальчишка, что бросил камень и подумал: „Вероятно, я выбил стекло“!

Но я и сейчас слышу, как какой-то тип на углу бильярда, напротив меня, на право, крикнул:

— Понимаю! Bravo!

И в один миг, со всех четырех сторон посыпались рукоплескания.

Шофферы, знаете, гордятся своими машинами. И, кроме того, им, конечно, всегда хочется досадить чем-нибудь Компании и уже из за одного этого моя мысль понравилась всем. Сделать же что-то совсем необыкновенное с помощью своих машин, что-то такое, чего никто другой не может сделать—это уже звало гордость.

Признаюсь, я не надеялся на такой успех. Оставалось условиться на счет выполнения. Я объясняю:

— Это совершенно просто. Вот ты, например,—приедешь к Одеону, выпустишь пассажиров и, не останавливаясь на стоянке, не отдавая никакого отчета, уедешь. Контролер только руками разведет. А ты сделаешь тоже самое на площади Отель-де-Виль. Третий устроится во время перегона. Начнет возиться с мотором, развинчивать, свинчивать, пока пассажиры не потеряют терпения и не разбегутся. Тогда он спокойно усядется и присоединится к нам. А тот, кто в этот час должен будет возвращаться в депо, просто переменит направление. Я указываю вам только несколько приемов. Есть много других. Каждый выберет подходящий для себя.

Но вдруг из гуши левого ряда послышалось:

— Верное средство потерять место!

Я с минуту не знал, что ответить. Стало еще тише. Мне показалось, что у всех глаза потухли, успокоились, отвернулись от меня. Я увидел перед собою поле бильярда и оно мне показалось бесконечным; увидел четыре стены моих слушателей вокруг зеленого поля. Все точно ждали от меня какого-то фокуса.

Наконец, я нашел подходящие слова.

— Ошибаетесь, товарищ. Компания страшится стачки. И будет очень счастлива, если мы удовлетворимся только небольшой демонстрацией, да и то не против нее направленной. Если кто и рискует, так только я. Узнают, что я заварил все. Но ведь существуете вы. И меня не тронут, побоятся мщения.

Кругом зажужжали. Я не мог разобрать, что они говорили, но понимал, что благоприятное для меня. Шоффер легко узнает по шуму мотора—все ли в нем благополучно, не попортилось-ли что-нибудь. Человек, привыкший выступать на собраниях, никогда не ошибается в значении шума, поднятого его слушателями.

Но вдруг, в ряду напротив меня, заволновались. Здесь то и засела оппозиция. Я уже раньше чувствовал, откуда она должна проявить себя, и приготовился.

— Мы не все дежури́м в воскресенье днем... Вот я, к примеру... Я ничего не могу сделать.

Я ответил:

— Что ты там рассказываешь! Предложи кому-нибудь из вожатых заменить его и посмотри: откажется ли он? В воскресенье-то!

Я чувствую, что в середине ряда напротив меня протест тает; но ведь это в роде склеенных двух листов бумаги: одно место выпатится, хочешь уровнять его—выпучится в другом месте. Здесь—протест перекинулся налево и остановился в кучке людей, собравшихся около угла бильярда.

— А полиция не удивится, что столько пустых автобусов разъезжает по улицам?

— Она удивилась-бы, если-бы мы поехали по Парижу один за другим.

Но все подъедут к условленному месту с разных сторон. Это так легко устроить. Да и кроме того: пустой автобус уж не такая редкость. Возвращение в депо; проба новых машин; обучение шофферов...

— А кондуктора? Они тоже отправятся?

— Разбирайтесь сами. Вы знаете своих. Если у вас человек надежный, положительный—берите его с собой. Если это тип подозрительный—отвяжитесь от него.

— Отвязаться? Но как?

— Надо все сказать ему в последнюю минуту. Если упрется, вы велите ему сойти и оставить вас в покое.

Больше никто не сказал ни слова. Аудитория была гладкая, ровная. И я катился, как по макадаму.

Что-бы убедиться все ли готово, все ли прочно, я сказал:

— Нельзя заставить человека быть смелым и исполнять долг. Кто боится—пусть уходит и только не предаст нас! Большого я не требую!

Я умолк и все точно ждали, чтобы трусы проявили себя. Но ни один тип не пошевелился. Этот прием всегда удается.

— Прекрасно. Нам остается только действовать.

В нашем погребке, сзади, была очень большая зала. Она отдавалась под балы, общественные собрания, под свадьбы. У меня в голове созрел план. Я сказал своим:

— За мной! Пройдемте в залу. Оставьте стаканы здесь. Так будет лучше.

Они отрываются от биллиарда без труда. Я проталкиваю их в залу и кричу:

— Молчание и дисциплина! Станьте в два ряда и, по возможности, знакомые между собой—поближе один к другому.

Они не удивляются и довольно скоро устанавливаются в два ряда. Надо вам сказать, что все они—бывшие солдаты.

— Сосчитайте, сколько вас.

— Оказалось—сорок семь; со мною—сорок восемь.

— Прекрасно. Нас—сорок восемь. Оставьте место для меня в конце

первого ряда, направо. Потеснитесь-ка. Теперь занумеруйтесь по четыре. Прекрасно! запомните хорошенько каждый свой номер. Я разделю вас на шесть отрядов по восьми.

Сказано—сделано. Я даю каждому отряду номер и начальника. Вынимаю из кармана полдюжины свистков—я запасся ими раньше—и раздаю начальникам отрядов.

— Вот. Теперь я научу вас искусству и способу ими пользоваться.

И продолжаю.

— Каждый из вас получит номер своего отряда и свой собственный номер. Например—ты; у тебя номер 3 второго отряда. У тебя—7-ой № четвертого отряда. Понятно? Вы сделаете мне удовольствие, сфабрикуете на завтра по два небольших плаката: вы напишите на них очень крупно номер вашего отряда и направо поменьше ваш номер. Вот смотрите—так.

И я показываю им.

— Вы захватите с собой оба плаката в воскресенье. Перед тем, как подъехать к месту сбора—вы привесите один из них к радиатору, а кондуктор—если он у вас будет—прицепит второй сзади, на видном месте.

Они отвечают, что все прекрасно понимают. Тогда я прошу у хозяина погребка план Парижа. Мне дают, но ужасно потрепанный. Когда я разобрался в нем, то сказал:

— Вы понимаете, что мы не можем подъехать всей кучей, при въезде в улицу де-ля Шапель. Мы налетели бы друг на друга, да и полиция разогнала бы нас раньше, чем мы успели бы сорганизоваться. Я укажу каждому отряду свой особый пункт. Ровно в три—каждый явится на свое место и сейчас-же все двинутся дальше. Я беру близко один пункт от другого, чтобы на слияние отрядов и установление колонн потребовалось не больше одной-двух минут.

Первый отряд, мой, соберется у станции метро-Шапель, тут же на бульваре, при въезде в улицу. Запомните это. Второй—на улице Луи-Блана, на Восточном мосту. Подой-

ди-ка сюда, начальник второго отряда, взгляни на план. Ты должен все объяснить своим. Третий отряд на улице Акведук, на другом Восточном мосту. Четвертый—на перекрестке Ля-Файет-Сен-Мартен. Пятый—на улице Луи-Блана, на мосту через канал. Шестой—на перекрестке—Луи-Блан-Гранж-о-Бель, недалеко от станции Битвы.

Господа! Если вы не очень хорошо знаете этот квартал, если у вас нет перед глазами всех этих улиц и мостов—то вы не можете отдать себе отчета, как все это тонко придумано.

Прежде всего я был уверен, что в этой стороне все будет спокойно и безопасно. Не только не будет никакого специального наблюдения, но даже и обычных постовых, так как все знали, что выступление готовилось в другом месте. А, затем, здесь каждый отряд мог со своего пункта увидеть предшествующий и последовать за ним.

Когда я объяснил им все это,—то прибавил:

— Довольно теории. Поупражняемся немного. Вы должны представить себе, что вы на машине, рука—на руле.

Я заставил их маневрировать и всех вместе, и по отрядам. Ставил их в колонны: по двое, по четверо. Показывал сигналы свистком; начальники отрядов повторяли; остальные усваивали их. Были специальные сигналы, чтобы сказать: „Вперед“, „Стой“, „Тихий Ход“, „Полный Ход“, „Малый Промежуток“, „Большой Промежуток“, и т. д. Я обо всем подумал и, в частности, о том, что надо оставить на всякий случай известное расстояние между рядами автобусов.

Но когда дело дошло до атаки—тут уж я не пожалел ни объяснений, ни указаний.

— Прежде всего вы устаетесь в колонны, по два, и внимательно будете ждать моего свистка: „По четыре“. Начальники, один за другим, повторяют приказ. Никакой кутерьмы. Четные ряды встанут налево от нечетных. Головные должны замедлить-

ся, чтобы не рассыпался хвост колонны. Надо следить за промежутками между вами.

Когда я скомандую: „В атаку“,—летите на всех парах! И уже не думайте ни о чем, только о направлении и расстоянии между вами. Если попытаются вас остановить, если бросятся между вами на лошадях—не останавливайтесь! Если один из вас опрокинется—летите втроем, вдвоем, как можете, только не останавливайтесь! Главное—не затормозите машинально. Лучше снимите ногу с педали.

Мы так привыкли обходить препятствия, что, понимаете,—это делается само собою. Какая-нибудь старуха переходит улицу в четырех шагах от тебя—объедешь, сам того не замечая.

И пошумели же мы в этой зале!

Пятьдесят человек, маневрирующих по паркету! И свистки—до дыр в ушах! Хозяин ничего не сказал нам: думал, что мы основываем гимнастическое общество.

На следующий день, в субботу, я должен был дежурить с десяти часов. Лег я поздно. Но уже в восемь часов вышел из дому.

Покупаю газету. Рассказывается подробно о приготовлениях железнодорожных рабочих на воскресенье; о предполагающейся громкой манифестации, о нападении на товарную станцию. Называются места митингов, все пункты сборов и путь, по которому они должны идти. Рядом с этим дают и план действий полиции и администрации. Все это надо было ожидать. Шпионы подробно разузнали обо всем, что было решено на собрании в четверг. Правительство еще допускало митинги, но запрещало выступления. Оно мобилизовало кавалерию и пехоту—до отказа. Муниципальная гвардия, драгуны, кирасиры, армейцы—не считая центральных бригад. Площадь деля-Шапель и примыкающие к ней улицы будут заткнуты прочно.

Иду в стачечный комитет. Он должен собраться в половине девятого. Жду. До девяти—никого. Эти негодяи были рады поспать вволю. Не для

того делают стачки, чтобы опять подниматься в шесть часов!

Наконец, появляются один за другим. Устраиваются в комнатке, не больше столовой. Мне предлагают стул.

Собралось нас человек двенадцать; одеты немного получше, чем обыкновенно, по крайней мере—они. Совершенно—семейное собрание в день похорон.

Да! Совсем такое, судя по тому, как все смотрели друг на друга.

Председатель Комитета, тип не глупый и более любезный, чем другие, сказал мне:

— Товарищ! Слово принадлежит вам.

Я решил по некоторым соображениям сказать ровно столько, сколько было надо.

— Дело идет о завтрашней манифестации. Вы совершенно правы, что считаете ее очень важной и добиваетесь успеха. Но необходимо, чтобы она удалась. Если вы провалитесь—стачка погибла в общественном мнении. Вас будет много и очень убежденных,—в этом я не сомневаюсь. Но ведь вы, как и я, читали газеты. Правительство не намерено сидеть сложа руки, и папа Лепин задаст вам перцу.

Они хитро улыбаются. Пожимают плечами.

— Да! Да! Вы думаете то-же самое. Признайтесь, что вы немного трусите, не за себя, но за дело. Ну, так я предлагаю в ваше распоряжение—полный успех. Не спрашивайте меня, я не могу больше ничего сказать. Мое дело может выгореть, если только не будет ни малейшего отступления. Оставьте наши руки свободными и рассчитывайте на нас. Я только должен спросить: ваши митинги назначены в час? Общій сбор в половине третьего? Прекрасно! Держитесь до трех. Не сдавайте улицу де-ля Шапель—от бульвара до перекрестка Орденэ—до трех часов. Уж это не бог знает что! Полиция, главным образом, боится нападения на станцию. Она будет охранять ее, а вовсе не защищать улицу. Значит—держитесь и установитесь

так, чтобы посередине улицы было бы посвободнее. Вы имеете достаточно влияния на ваших, чтобы добиться этого. Заявите об этом на митингах, но не очень настаивайте, никаких таинственных намеков, скажите, как о совершенно естественной мере, имеющей значение в смысле дисциплины. Само собою разумеется, что нельзя допустить полицию захватить эту середину улицы. Для этого вам надо только установить заграждения по обоим концам.

Президент Комитета оказался очень понятливым. Он улыбнулся и сказал:

— Я догадываюсь о плане товарища. Но так как он не хочет давать разъяснений, то я и не спрашиваю их. Он может рассчитывать, что мы приложим все усилия, чтобы участие товарищей из Компании Омнибусов не пропало даром.

Остальные члены Комитета ничего не понимали и только смотрели то на меня, то на председателя.

Он продолжал:

— Но не разрешите ли вы, товарищ, заявить завтра на подготовительных митингах, что мы ожидаем к трем часам решающего удара, такого грозного выступления, от которого будет зависеть исход всего дня... Это имело-бы громадное значение. Прежде всего они приняли бы безо всякого обсуждения ваше приказание и слепо исполнили бы его. И затем, скорее бы умерли, чем сдались бы раньше трех часов.

— Не вижу препятствий. Только храните это про себя до завтрашних митингов. Если вы станете разглашать сегодня, у них вскружатся головы, они вообразят бог знает что... А с другой стороны—я всегда побаиваюсь полицейских ушей.

На этом мы расстались. На следующий день, в воскресенье, когда я проезжал с моим автобусом перед часами Дворца Юстиции,—было двадцать минут третьего. Через две минуты я должен был доехать до площади Сен-Мишель, высадить пассажиров, сделать полукруг и под носом розини-контролера быстро уехать назад.

Я здорово волновался. Кажется, что я дрожал не меньше, чем цилиндры. Париж как-то необыкновенно пугал меня. Хотя вы сами знаете, какой он тихий по воскресным дням. Может быть я дрожал скорее от нетерпения, чем от страха.

Я говорил себе:

— Вот сейчас — митинги оканчиваются. Железнодорожники выходят; наводняют улицы; собираются все вместе; направляются занять улицу де-ля Шапель. Стачные комиссары хлопчут, чтобы не было беспорядка. Запрещают выкидывать красные знамена и петь „Интернационал“. Полиция делает легкие попытки очистить улицу. Но не очень усердно. Только устанавливает прочную преграду между улицей Орденэ и Рикэ. Я так и видел их; в три ряда. В глубине, наверху у церкви; на спуске — у переулков налево, а главное там, где улица расширяется: — стража, пехота, составившая ружья в козлы, гвардейцы и драгуны.

Являюсь на площадь Сен-Мишель. В автобусе оставалось только трое. Остановливаюсь. Все выходят. Кондуктор звонит. Я опять уезжаю. Но перед фонтаном Сен-Мишель, вместо того, чтобы повернуть направо, я беру налево, мимо загородки спуска в метро, пересекаю бульвар под носом у трамвая и мчусь по направлению к центру. Я думаю, что в ту минуту никто не заметил этого. Проезжаю опять мимо Дворца Юстиции: на часах половина третьего.

Мой кондуктор — славный малый, вполне надежный человек, загородил вход на площадку доской от скамейки. Мы были у себя, дома. И потом, в этот час, в воскресенье, всегда тихо.

Я выбрал путь, как птицы летают. Проехал через площадь Шателэ, по Авеню Виктории направо и пошел полным ходом.

Экипажи нам не мешали. Но мне было не по себе. Главное — я чувствовал, что в моей колымаге пусто. Мне казалось, что и во мне самом нет достаточно веса и значения, и что я не имею права по-прежнему занимать середину улицы. И потом меня

начинало как-то тошнить от этого длинного пути по пустому пространству. Я никогда не страдал от морской болезни, но думаю, что это нечто в том-же роде. Я и прежде нередко испытывал это по воскресеньям, с тех пор, как ввели еженедельный отдых. Теперь где-то внутри, в груди, все спуталось. Эти пустые улицы положительно вызывают тошноту!

К счастью, на площади Отель-де Вилль я увидел два пустых автобуса. Они летели один за другим, мне показалось, что они с линии Галло-о-Вен. Мне захотелось догнать их: но это было-бы неосторожно. Да и улица Сен-Мартэн манила меня. В будни на ней постоянная толчея. Приходится иногда по четверть часа пролезать между всяких повозок. Но по воскресеньям вы здесь, как дома. На ней тихо, точно в церкви.

Я через минуту был уже у Школы Искусств и Ремесл. И мог бы радоваться. Нет! Я скорее беспокоился. Все казалось мне слишком уж легким и неестественным. Париж представлялся какой-то западной. Иногда так бывает во сне: скользишь и не можешь остановиться.

Решаю ехать бульварами. Здесь, по крайней мере, и по воскресеньям — жизнь. Нужно известное усилие, чтобы проехать. Мне это было необходимо. И я развеселился.

Пролетаю Сен-Мартэнские ворота и продолжаю дальше. Предо мною, в нескольких стах метрах, — три автобуса.

Я опять пришел в хорошее настроение. Этот квартал идет в гору, он длинный и широкий. Внушает желание чего-то очень далекого, необычайно грандиозного. Я спрашивал себя: так ли это действует и на прохожих? И точно шел на штурм. И не побоялся бы смерти!

Но мне не хотелось ни догонять товарищей, ни ехать по их следам. Я повернул налево и попал на Страсбургский Бульвар.

Вдруг из боковой улицы вылетел автобус: повернул и покати́л вперед по тому-же направлению, что и я.

Я—за ним. Он поворачивает на бульвар Мажентэ, потом в улицу Мобеж.

Улица—не веселая. Не подбадривающая. Наводит на мрачные мысли о жизни. Как те поучения, которые слушаешь при катехизисе. Я был доволен, что передо мной ехал товарищ. Только он бежал слишком скоро. Я хотел крикнуть ему: „потихе! Приедем слишком рано!“ Но он сам пошел тише. Кондуктор наклонился с площадки, поискал что-то и привесил совсем сзади, при входе, на перила лестницы:

1—4.

„Номер четвертый первого отряда“.

Я просто расцеловал бы его. Я тоже затормозил. Вынул свой плакат и повесил перед радиатором:

1—1.

И стукнул в окно, чтобы мой кондуктор сделал то же.

Автобус 1—4 поехал еще тише и взял правее; я сравнялся с ним. Маневры начались. Это было прекрасно! Точно мы всю жизнь только это и делали!

На тротуаре стоял шпик; он смешно взглянул на нас, схватился за нос, дернул его, точно желая от него получить объяснение, и, в конце концов, не сказал ничего.

Было без шести минут—три. Я веду поезд медленно, чтобы приехать во время, точка в точку. На улице—ни одного экипажа; но видно, что где-то собираются люди. Пятнадцать-двадцать пешеходов, не больше, но все идут бодро и в одном направлении. Нельзя удержаться, чтобы не отправиться туда-же, куда и они.

Мы прибыли к бульвару де-ля Шапель.

Три часа без четырех минут. Я еще задерживаю ход. Мы делаем круг. Я вижу там, внизу, толпу, что-то густое, волнующееся, но ни одного автобуса. Я похолодел с головы до ног и подумал:

— Где же остальные шесть из отряда? Струсил? Помешали им?

И опять смотрю на часы. Три без трех минут. Они хотят приехать

минута в минуту. Тем лучше. Не будет времени накрыть нас.

Сзади затрубили. Я наклоняюсь. Два автобуса быстро догоняют нас. Вывешены плакаты: Успеваю прочитать:

1—2

1—3.

Я роюсь. Достая свисток и даю приказ:

— „По два. Шагом!“

1—2 становится налево от меня. 1—3 и 1—4 останавливаются сзади нас.

Слышу еще трубу. Две машины несутся с улицы Стефенсона. Они, должно-быть, наткнулись на полицию и не вывесили плакатов. Я свищу: „Плакат“. Надписи появляются.

1—5

1—7

Это было превесело. Повторяю приказ: „По два!“

Они подъезжают к нам, сделав небольшой крюк, из за тротуара посредине. Мы были в ста метрах от площади. В ушах у меня шумело, в глазах темнело. Я уж и не знаю, что вело меня дальше.

Но я прекрасно понимаю, что кругом громадная толпа, но тихая и подвижная, скорее помогающая нам, чем ставящая препятствия. Я снова овладел собой.

Для полного отряда недоставало двух автобусов. На моих часах было без одной минуты три. Остальные отряды, вероятно, собрались все и ждали сигнала. Я чувствовал, что они направо, в гуще квартала.

Мы двигаемся вперед. Мне казалось, что толпа слилась с землей, с воздухом. Я искал врага. И ничего не видел. Но не удивлялся этому.

Какой-то автобус вылетел со стороны Сен-Дени. Плакат—„1—6“. Я рукой дал приказ остановиться и присоединиться к нам в хвосте. Он задерживается, колеблется, вертится немного в толпе, но кончает тем, что останавливается перед театром Буфф.

Мы проходим. Теперь у меня недоставало только одного человека.

Когда мы оказались посреди площади, — я вдруг увидел и второй отряд: он загромождал улицу Луи-Блана и очень шумел. Точно целая куча расшевелившихся домов. Я опять схватил свисток и что было мочи свистнул:

„По два! Вперед!“

Слышу, как мой приказ повторяется начальником второго отряда, слышу ворчание машин, пускаемых в действие, слышу, как содрогаются дома.

Улица де-ля Шапель пред нами. Я смотрел точно грузчик, наблюдающий, как выгружают уголь из барки.

Тротуаров не было видно совсем. С каждой стороны — по куче народа: две стены.

Улица не очень чистая, но ни экипажей, ни трамваев, никаких преград.

Мы шли шагом, или почти шагом, чтобы дать возможность колонне установиться сзади нас. Я страдал, что не мог собственными глазами отдать себе отчет. Но я доверял. До меня, как ветер, доносился страшный шум моторов и колес. Мостовая и дома дрожали так сильно, что, казалось, сидишь в жерле пушки.

Повидимому только тогда толпа заметила наше появление. Она видит нас все ближе и ближе, все больше и больше. Она орет; настораживается. Волнение уже перекидывается вперед, куда мы еще и не доехали.

Я кричу моему соседу изо всех сил: — обернись... взгляни... догнали нас отряды!

— Да... кажется, да!...

Все дело было в том, чтобы не дать разделить нас. Я просвистал приказ: „Теснее ряды!... Малый промежуток!“

Приказ повторяется три раза и очень ясно. Но я еще не уверен.

Мы едем еще с минуту между двумя рядами, в толпе, становящейся все гуще и гуще, но она сжимается так тесно, что на мостовую попадают лишь немногие.

Вдруг с троттуара сходят трое полицейских, становятся посреди улицы и поднимают руки.

Вся колонна автобусов двинулась в атаку.

Я кричу соседу:

„Не обращай внимания! По-езжай!“

Смотрю в перед. Свободное пространство суживается и кончается остроконечно, в двухстах метрах от нас, в густой толпе. Она казалась твердой, точно сделанной из черного дерева.

Как ни чувствовал я нашу силу, но мне все-таки было совершенно непонятно, как будет возможно проехать через эту толпу.

Я не увидел никаких полицейских преград.

Это был последний миг моих страхов, сомнений, разсуждений за и против. Я вынимаю свисток и свищу так, что чуть легкие не лопнули:

„По четыре! Вперед!“

Сзади меня мой приказ прокатился от отряда к отряду.

1—2 прилепился ко мне слева. Второй ряд догнал нас. Я уже не думал о трех полицейских. Где они?..

Толпа точно опьянела от радости. Право! От нее шло какое-то тяжелое дыхание, как у пьяного. Она вздувалась, будто хотела броситься на нас. И сейчас опять сжималась.

Я свищу приказ:

— „Полный ход!“ „В атаку!“

Мой первый ряд двинулся дружно, сразу. В ту же минуту свободное пространство перед нами расширилось, заволновалось. Точно завертелся какой-то коловорот и в один миг вырыл все.

Но сзади нас толпа была уже увлечена, захвачена. Она бежала за автобусами, между ними, цеплялась за железные прутья, висела на перилах, наполняла карету внутри, даже взлезла на империал и гудела в тон цилиндрам. В каждом автобусе был полный комплект пассажиров, делавший его еще значительнее изнутри; снаружи каждый из них был весь облеплен людьми. Вы можете себе представить, как они соединяли ряд с рядом, один конец колонны с другим, как заполнили все промежутки и все стояли между собою.

Мы бросились в атаку всей массой.

Свободное пространство отодвигалось дальше и дальше. Но вот все остановилось в смятении. Ряд полицейских заграждает улицу наверху спуска. Он прикрывает второй склон.

Я ору соседним: — Не обращайтесь внимания! Вперед! Вперед! Закройте глаза!

Я нажимаю на колесо руля; напирая на него всем телом; закрываю глаза.

Слышу гром автобусов и смешанные крики.

Секунд тридцать пробыл я так, точно в туннеле.

Открываю глаза. Никакого заграждения. Ни одного полицейского. Удивительный спуск—широкий и пустой. Даже на тротуарах—ни души.

Только вдали, на перекрестке—кавалеристы. И вдруг, что-то вспыхнуло. Они обнажили сабли. Развертываются. Двигаются; переходят в галоп! Точно улица стала подниматься на нас.

Мы прибавили скорости. Качало нас отчаянно. Рулевое колесо выбивалось из рук, точно пойманный вор.

Я нажимаю на трубу, как только могу. И опять! и опять! Трое в первом ряду делают то же самое; за ними второй ряд, затем третий и все остальные, вместе, не переставая.

Вы ведь знаете, что такое труба автобуса, но вы, может, не знаете, что такое пятьдесят автобусов, трубящих без перерыва.

И вот лошади драгун начинают танцевать. Делают скачки в сторону, кружатся, встают на дыбы, брыкаются; некоторые бросаются на тротуар; другие наскакивают на деревья. Драгуны падают, вертятся, поднимаются и бегут без сабель и без касок.

Но человекам тридцати удалось сдержать лошадей; худо-ли, — хорошо-ли, но они держались. Шпорили изо всех сил; ругались.

Но когда мы были в десяти метрах друг от друга, — лошади уже ни с чем не считались. Они точно обезумели. У меня в глазах потемнело, но мне касалось, что они разбежались по всем направлениям.

Я, как сказал вам, был на правой стороне. Вдруг из под моих колес, как из под земли, выскочила лошадь без всадника. Я налетел на нее, прямо в брюхо. Тело скорчилось и отскочило на три шага. Я ни на минуту не затормозил. Налетел на нее, но правое колесо попало на шею, и левое на живот. Я качнулся направо и наткнулся на фонарь. Я почувствовал, что он сломался; но этим падение было ослаблено, и автобус мягко остановился у большого дерева.

Я очнулся в ручье. Все члены как будто были на своем месте. Я поднимаюсь на локте, гляжу... Неслась атака. Я не мог разобрать ни рядов, ни отрядов. Это была одна машина, сбита из людей и автобусов, одинаково сильная во всех своих частях. Она не задела нас и вонзилась в площадь, как пробка в графин. Я встал на колени.

Смешнее всего был зад колымаги. На перилах площадки, на лестнице, на империале, люди висели, как гусеницы. Хотелось собрать их.

Голова лошади была рядом со мной. Из нее текла кровь. Все мои штаны были полны ею.

Я встаю; пробую ходить. В боках боль, но я чувствую себя счастливым.

Вблизи, у открытого погребка, стоял его хозяин и с состраданием глядел на газовый фонарь.

Я сказал ему:
— Не плачьте, будет новый.
И я вошел выпить коньяку.

— Чем же все кончилось?

— Большинство автобусов докати-
лось до ук-
реплений.

Некото-
рые про-
летели в
п р е д-
местье и
вернулись
очень поз-
дно, через
дальнюю
заставу.

— Атол-
па?

— Бро-
силась по
д о р о г е,
расчищен-
ной нами.
Оказалось
что поли-
ция не
б о л ь ш е,
как через
пять ми-
нут, опять
встала на
свое место
и уже в три
раза гуще.

Но было
уже слиш-

ком поздно. Площадь де-ля Шапель
сразу заполнилась толпой, и двери то-
варной станции под ее напором затре-
щали. Сейчас же начался разгром...
Навалили ящики в кучу и подожгли...

— А вы?

— Я сидел в уголку у себя в по-
гребке. С улицы летел такой шум,
точно конец света наступил. Но мне
уже ни до чего не было дела. После
коньяку я спросил еще винца.

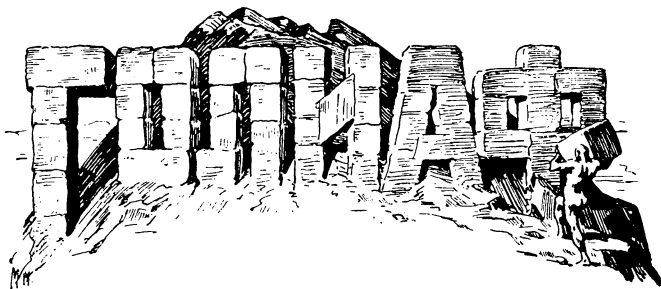
— Вам не было никаких неприятно-
стей после
всего это-
го?

— Нет!
Северной
Компании
и полиции
очень бы
хотелось
забрать
меня. Да
Компания
Омнибу-
сов побоя-
лась стач-
ки. И за-
тушили де-
ло. Только
перевели
на омни-
бус, дали
мне клеен-
чатую шля-
пу и навоз-
ный двига-
тель.

— Я налетел на лошадь прямо в брюхо.. Фонарь сломался..
Я очнулся в ручье...

Рассказ Джека Лондона.

Пер. М. Матвеевой.

Иллюстрации И. А. Владимирова.

В 1924 г. (чтобы быть точным — утром, 3 января) жители города С. Франциско, проснувшись, могли прочесть в одной из ежедневных газет любопытное письмо, полученное Вальтером Бассетом и, очевидно, написанное каким то сумасшедшим. Вальтер Бассет был виднейший из главарей промышленности к западу от Скалистых Гор и принадлежал к той небольшой группе людей, которая неофициально управляет всей страной. Вследствие этого он получал всякого рода ахиною от бесчисленного количества сумасшедших и чудаков. Но это произведение так отличалось от обычного вороха подобных писем, что, вместо того, чтобы бросить его в корзину для ненужной бумаги, он передал его репортеру. Оно было подписано „Голиаф“ и наверху был приписан адрес: „Остров Палграв“. Письмо гласило следующее:

„М-ру Вальтеру Бассету.

М. Г.

„Приглашаю вас, наряду с девятью другими вашими сотоварищами, навестить меня на моем острове, с целью обсуждения плана переустройства общества на более разумных основаниях. До настоящего времени социальная эволюция была слепым, бесцельным заблуждением. Наступило время все изменить. Человек возвысился от оживотворенного ила первобытных морей до господства над материей, но он еще не господствует над обществом. Человек теперь является в той же степени ра-

бом своего коллективного тупоумия, в какой сто тысяч поколений тому назад он был рабом материи.

Есть два теоретических метода, посредством которых человек может достигнуть господства над обществом и сделать из общества разумное и действительное средство к преследованию и достижению счастья и радости. Первая теория выставляет положение, что никакое правительство не может быть умнее и лучше, чем сам народ, составляющий это правительство; что все преобразования и все развитие должны исходить из личности, что поскольку отдельные личности становятся умнее и лучше, постольку же становится умнее и лучше правительство. Короче говоря, что, прежде чем правительство станет умнее и лучше, должно стать умнее и лучше большинство людей. Толпа, политическая условность, дикая жестокость и непроходимое невежество народных масс — опровергают эту теорию. В толпе коллективная интеллигентность и милосердие — это интеллигентность и милосердие наименее интеллигентных и наиболее жестоких элементов, из которых эта толпа состоит. С другой стороны, во время бури на море тысяча пассажиров корабля подчиняется мудрости и благоразумию капитана, зная, что в таком деле он умнее и опытнее, чем они.

Вторая теория выставляет положение, что большинство народа не является пионерами, что большинство находится под гнетом инерции того, что уже существует, что пра-

вительство, которое является представителем большинства, воплощает только его слабость, мелочность и тупоумие, и то, что мы слепо называем правительством, не является рабом воли этого большинства, но что это последнее—в рабстве у правительства; короче: продолжая говорить о больших массах,—что не они делают правительство, а правительство их делает и что правительство есть и всегда было глупым и ужасным чудовищем, незаконнорожденным исчадием проблесков разума, подавленных инерцией масс.

Лично я—склоняюсь в пользу последней теории. Кроме того, я нетерпелив. В продолжение ста тысяч поколений, начиная с первых же социальных групп наших прародителей, правительство так и осталось чудовищем. Сегодня подавленная инерцией масса знает меньше веселья, чем когда либо раньше. Несмотря на господство человека над материей, человеческие страдания, нужда и унижение омрачают прекрасный мир.

Вследствие этого, я решил вмешаться и сделаться капитаном мирового корабля. Я обладаю разумом и широтою взглядов искусного эксперта. Я также обладаю властью. Я заставляю себе повиноваться. Люди всего мира будут исполнять мои веления и создавать такие правительства, которые будут производителями веселья и счастья. Эти созданные правительства, согласно моему намерению, не будут делать людей счастливыми, умными и благородными путем декретов, но будут давать людям возможность сделаться счастливыми, умными и благородными.

Я сказал: я пригласил вас и девять ваших сотоварищей, главарей промышленности, ко мне на совещание. 3 марта яхта „Энергон“ уйдет из С. Франциско. Вы приглашаетесь прибыть на берег накануне вечером. Это серьезно. Мировые дела должно решить непременно сильною рукою. Эта сильная рука—моя. Если вы не повинуетесь моему призыву—вы умрете. Откровенно говоря, я не

ожидаю, что вы будете повиноваться. Но ваша смерть из-за того, что вы не повиновались, заставит повиноваться тех, кого я потом призову. Вы сослужите вашу службу. И помните, пожалуйста, что у меня нет никакой ненаучной сентиментальности во взгляде на ценность человеческой жизни. Я всегда держу в глубине моего сознания идею о бесчисленных миллиардах жизней, уделом которых будет смех и счастье будущих поколений на земле.

Голиаф“.

Опубликование этого письма не позабавило даже местных обывателей. Может быть, некоторые люди и улыбались про себя, читая его, но было до такой степени очевидно, что это произведение сумасшедшего, что о нем не стоило и говорить. Интерес был возбужден только на следующее утро. Благодаря телеграмме агентства Соединенной Прессы Восточных Штатов и последовавшим за нею интервью юрких репортеров, выяснились имена других девяти главарей промышленности, которые тоже получили подобные письма, но нашли, что это не так важно, чтобы предавать их гласности. Но интерес был все таки слаб и скоро бы иссяк, если бы не появилась карикатура Габбертона на одного хронического кандидата на пост президента, изображенного в виде „Голиафа“. Затем появилась шансонетка, распевавшаяся от моря до моря, с припевом: „Не зевайте! Не зевайте! Вас поймает Голиаф“.

Прошло несколько недель. Этот инцидент был позабыт. Позабыл о нем Вальтер Бассет, но 22 февраля вечером он был вызван к телефону портовым сборщиком податей:

— Я только хотел вам сообщить,—сказал тот,—что яхта „Энергон“ вышла в гавань и стала на якорь у пристани „Семь“.

Вальтер Бассет никогда не рассказывал о том, что произошло с ним в эту ночь. Но известно, что он, поехав на своем автомобиле на набережную, нанял один из катеров Броулея и был на нем доставлен на неизвестную яхту.

Вальтер Бассет.

Кроме того известно, что, когда три часа спустя, он вернулся на берег, он немедленно отправил пачку телеграмм своим девяти сотоварищам, получившим письма от Голиафа. Телеграммы эти были одинакового содержания: „Яхта „Энергон“ пришла. В этом что то есть. Советую вам поехать“.

Над Бассетом только посмеялись. Смеха было много (так как телеграмма его попала в газеты), а популярная песенка о Голиафе возродилась и сделалась еще более популярной. На Бассета и Голиафа посыпались пасквили и беспощадные карикатуры, причем в последних Голиаф изображался в виде водяного, сидящего на шее Бассета. Смех раздавался в клубах и гостинных; сдержанно—весело звучал на столбцах газет и превращался в громкий хохот в юмористических журналах. Но тут была и серьезная сторона. Многие, в том числе торговые компаньоны Бассета, начали сомневаться в состоянии его умственных способностей.

Бассет всегда был вспыльчив. После того, как он разослал вторую пачку телеграмм и над ним опять стали смеяться, он замолчал. В этой второй пачке он говорил: „Поедьте, умоляю вас. Если вам дорога жизнь, поедьте“. Он заблаговременно устроил все свои дела и вечером 2 марта отправился на „Энер-

гон“. Яхта, очистив должным порядком свои документы, на другое утро вышла в море. И на следующее утро мальчишки, продавцы газет, выкрикивали экстренное прибавление.

Говоря воровским языком, Голиаф „дал сдачи“. Девять главарей промышленности, не принявших его приглашения, умерли. Вскрытие тел убитых миллионеров указывало на какое то сильное распадение тканей, но врачи и хирурги (в вскрытии принимали участие все знаменитости страны) не решались утверждать, что они были убиты. Еще менее решались прийти к заключению, что смерть была „делом неизвестных рук“. Все это было слишком таинственно. Они были поражены. Научное легковерие их рухнуло. Во всей науке им не на что было опереться, чтобы допустить, что неизвестное лицо на острове Палграв могло убить несчастных джентльменов. Скоро однако выяснилось одно, а именно, что остров Палграв не был мифом. Он был нанесен на карте и был хорошо знаком всем мореплавателям. Находится он на 160-м градусе западной долготы, в точке пересечения ее 10-тым градусом северной широты, только в нескольких милях расстояния от отдели Диана. Подобно островам Мидево и Фаннин, остров Палграв был одинок, вулканического происхождения, с коралловыми рифами. Он был необитаем. В 1887 году одно дозорное судно посетило остров и донесло о нахождении на нем нескольких ключей и хорошей гавани, к которой было очень опасно подходить. И это было все, что знали об этой крошечной крупинке земли, которой скоро суждено было обратить на себя испуганные взоры всего света.

Голиаф молчал до 24 марта. В этот день утром в газетах появилось второе его письмо, копии с которого были получены 10-ю главнейшими политическими деятелями Соединенных Штатов,—10-ю выдающимися политическими людьми, известными, как „государственные мужи“. Письмо с тем же заголовком заключало в себе следующее:

„М. Г.

„Я говорил не в шутку. Мне должны повиноваться. Вы можете смотреть на это, как на приглашение, или как на требование, но если только вы желаете остаться в живых и смеяться, вы будете на яхте „Энергон“ в гавани С. Франциско не позднее вечера 5-го апреля. Я желаю и хочу, чтобы вы явились на совещание со мной сюда, на остров Палграв, по вопросу о переустройстве общества на каких либо разумных основаниях.

Во избежание всяких недоразумений, скажу вам, что у меня есть своя теория. Я хочу ее привести в исполнение и поэтому обращаюсь к вашему содействию. В этой моей теории я имею дело с множеством жизней, а отдельные жизни являются лишь пешками. Я стремлюсь к радости, и те, которые преграждают путь к ней, должны погибнуть. Игра крупная. В настоящее время на нашей планете насчитывается полторы тысячи миллионов человеческих жизней. Что такое ваша единственная жизнь в сравнении с ними? По моей теории, все равно, что нуль. И помните, что за мною сила. Помните, что я—человек науки, и что одна жизнь или миллионы жизней для меня ничего не значат, при сопоставлении их с бесчисленными миллиардами миллиардов жизней грядущих поколений. Я стремлюсь перестроить теперь общество, чтобы дать радость этим поколениям и в сравнении с ними ваша собственная мелкая жизнь, действительно, ничтожна. Тот, кто имеет силу, может повелевать себе подобными. Благодаря военному изобретению, известному под именем ф а л а н г и, Александр Македонский покорил себе клочок света. Благодаря химическому изобретению пороха, Кортес со своими несколькими сотнями головорезов покорил империю Монтезумы. Что касается до меня, то я тоже имею свое собственное изобретение. В течение одного столетия делается не более полудюжины великих открытий или изобретений. Я сделал такое изобретение. Обладание им дает мне гос-

подство над миром. Я использую это изобретение не в целях коммерческой эксплуатации, но ко благу человечества. Для этой цели я нуждаюсь в помощниках: добросовестных агентах и послушных руках. Я достаточно силен, чтобы заставить слушать себе. Я избираю кратчайшую дорогу, хотя я и не тороплюсь. Я не замедлю своего успеха торопливостью.

Стремление к материальным выгодам развило человека от дикаря до состояния полу-варвара, каковым он является в настоящее время. Это побуждение оказалось надежным и полезным средством для развития человечества, но теперь оно уже исполнило свое назначение и годно лишь для того, чтобы выбросить его в смешанную кучу таких пережитков старины, как, например, жабры в человеческом горле или вера в божественное происхождение королевской власти. Конечно, вы не такого мнения, но я не вижу почему это может помешать вам помочь мне выбросить эти анахронизмы в мусорную яму, ибо,—говорю вам,—пришло время для того, чтобы пища, кров и тому подобные мерзости имели автоматический характер, сделались бы так же легко доступными и произвольными, как приток воздуха. И я их сделаю автоматическими с помощью моего открытия, с помощью силы, которую это открытие мне дает. И коль скоро пища и кров сделаются автоматическими, стремление к материальным выгодам навсегда исчезнет со света. Когда пища и кров станут автоматическими, возымеют всемирное преобладание высшие стремления—духовные, этические, интеллектуальные побуждения, которые поведут к развитию, украшению и облагораживанию тела, ума и души.

Тогда над всем миром воцарится счастье и радость. Наступит всемирное царство счастливого смеха.

Ваш, в ожидании этого дня,

Голиаф“.

Но мир все же не желал поверить. Десять политических деятелей находились в Вашингтоне и поэтому не

имели такого случая убедиться, какой имел Бассет. Ни один из них не дал себе труда поехать в С. Франциско, чтобы создать этот случай. Что касается Голиафа, то газеты его приветствовали, как второго Тома Лаусона с его всецелебным средством; нашлись даже специалисты по болезням мозга, которые путем анализа писем Голиафа неопровержимо доказали, что он страдал бредовой идеей.

Яхта „Энергон“ вошла в гавань С. Франциско 5 апреля после полудня, и Бассет съехал на берег. Но „Энергон“ не ушла на следующий день, потому что ни один из приглашенных политических деятелей не заблагорассудил предпринять путешествие на остров Палграв. Мальчишки, продавцы газет, на следующий день выкрикивали экстренные прибавления во всех городах. Эти десять политических деятелей внезапно умерли. Яхта, мирно стоявшая на якоре, возбудила общий интерес. Ее окружала целая флотилия катеров и лодок, и множество буксиров и пароходов организовывали экскурсии на нее. В то время, как чернь была самым решительным образом отстранена, власти и даже репортеры были допущены на борт. Мэр города С. Франциско и начальник полиции заявили, что ничего подозрительного на ней не замечено, а портовые власти объявили, что все ее документы были в полном порядке до мельчайших подробностей. В газетах появилось много фотографий и целые столбцы описаний яхты.

Согласно этим описаниям, экипаж ее состоял, преимущественно, из скандинавцев—белокурых, голубоглазых шведов, страдающих свойственной их расе меланхолией, норвежцев и тупых русских финнов, с небольшой примесью американцев и англичан. Было замечено, что у них не было ничего летучего и быстрого. Они казались чрезвычайно тяжеловесными, исполненными какого-то воловьего, печального и тупого прямодушия. Все они отличались трезвой серьезностью и большой уверенностью. Они, казалось, не имели

нервов и не знали страха, как бы поддерживаемые всеобъемлющей силой или какой то сверхчеловеческой рукой. На капитана яхты, американца с резкими чертами лица и печальными глазами, появилась в газетах карриатура, изображавшая его в образе „Мрачного Гесса“, (пессимистического героя приложения к юмористическим журналам).

Какой то морской капитан узнал в „Энергоне“ яхту „Бег“, принадлежавшую некогда Мерривалю, члену Ньюйоркского яхт-клуба. Затем удалось установить, что „Бег“ исчез несколько лет тому назад. Продавший его агент уверял, что покупателем являлся другой агент, которого он ни до того, ни после не видал. Яхта была перестроена на корабельной верфи Деффи в Нью-Джерсей. В это время она была переименована и вновь зарегистрирована. После этого „Энергон“ исчез во мраке таинственности.

Тем временем Бассет как бы помешался; по крайней мере, как говорили его ближайшие компаньоны и друзья, он совершенно удалился от своих обширных коммерческих предприятий, и говорил, что должен иметь руки свободными, пока к нему не присоединятся другие владыки мира, чтобы общими силами приступить к перестройке общества—несомненное доказательство, что его укусила Голиафская муха. Он почти ничего не мог сказать репортерам. По его словам, он не имел права рассказывать о том, что видел на острове Палграв, но он мог их уверить, что это дело серьезное и самая серьезная вещь, какая когда либо встречалась. В заключение, он заявил, что мир находится накануне переворота, к лучшему или худшему—он не знал, но так или иначе был абсолютно убежден, что переворот приближается. Что касается торговли, то пусть торговля идет к чорту. Он увидел такие вещи... такие вещи...

Между местными федеральными властями и государственными и военным департаментом в Вашингтоне происходили оживленные переговоры по телеграфу. Произведена

была в большой тайне, как то довольно поздно днем, попытка взять на бордаж „Энергон“ и арестовать капитана, так как, по мнению генерал-прокурора, ему могло быть предъявлено обвинение в убийстве десяти „государственных мужей“. Видели, как казенный катер вышел из верфи Мейча и взял курс на „Энергон“, но после этого катера с его экипажем больше и не видели.

Правительство старалось потушить дело. Но правда выплыла на свет, благодаря нескромности родных исчезнувших людей, и газеты были заполнены чудовищными версиями этой истории. Тогда правительство приняло крайние меры. Броненосец „Аляска“ получил приказание захватить незнакомую яхту и, в случае неудачи, потопить ее. То были секретные инструкции, но тысячи людей на берегу и на стоящих в гавани судах были свидетелями того, что произошло в этот день. Броненосец развел пары и тихо направился к „Энергону“. В расстоянии полумили от него броненосец взорвался—просто взорвался и больше ничего; развалившийся корпус его пошел ко дну залива, а обломки его и несколько спасшихся людей остались на поверхности. В числе уцелевших находился молодой лейтенант, заведывавший беспроволочным телеграфом на „Аляске“. Репортеры ухватились за него и заставили его говорить.—„Не успела „Аляска“ развить ход, как получилось сообщение с „Энергона“,—рассказал лейтенант,—это предостережение было сообщено на международном кодексе и заключало распоряжение, чтобы „Аляска“ не приближалась на расстояние меньше полумили. Он немедленно передал это распоряжение капитану по трубке. Больше он ничего не знал, кроме того, что „Энергон“ повторил это предостережение два раза и что через пять минут после этого произошел взрыв“. Капитан „Аляски“ погиб вместе со своим кораблем и больше ничего нельзя было узнать.

Между тем, „Энергон“ быстро снялся с якоря и вышел в открытое море. Газеты подняли страшнейший

шум, обвиняя правительство в трусости и нерешительности действий по отношению к простой увеселительной яхте и к какому-то сумасшедшему, называвшему себя Голиафом, и требовали принятия немедленных, решительных мер. Кричали также о потере стольких человеческих жизней и о попустительстве убийству десяти „государственных мужей“. Голиаф не замедлил ответом.

Ответ его получился так скоро, что эксперты в беспроволочном телеграфировании заявили, что раз сообщение по беспроволочному телеграфу на таком большом расстоянии представлялось совершенно невозможным, Голиаф должен был находиться среди них, а не на острове Палграв. Письмо Голиафа было доставлено Агентству Соединенной Прессы посыльным, взятым на улице. Оно гласило следующее:

— „Что такое несколько ничтожных человеческих жизней? В ваших безумных войнах вы уничтожаете миллионы жизней, и это вам нипочем. В вашей братоубийственной коммерческой борьбе вы убиваете бесчисленное множество детей, женщин и мужчин, и победоносно называете трупы их „индивидуализмом“, я же называю это „анархией“. Я положу конец вашему оптовому уничтожению человеческих существ. Я хочу счастливого смеха, а не войны. Те, которые преграждают путь к радости, пойдут на бойню!

— Ваше правительство старается заставить вас поверить, что уничтожение „Аляски“ было делом несчастной случайности. Так знайте же теперь, что „Аляска“ была уничтожена по моему приказанию. Через несколько недолгих месяцев все броненосцы на всех морях будут уничтожены и развеяны по ветру, и все государства будут разоружены; крепости будут снесены, армии распущены, и войны прекратятся на земле. Сила в моих руках. Я—воля бога. Весь свет будет работать мною, но это будет рабством мира.

„Голиаф“.

„Остров Палграв должен быть сметен с лица земли“,—так озаглавлен был крупными буквами ответ газет на это письмо. Правительство было того же мнения. Оно начало мобилизовать флот. Вальтер Бассет тщетно попытался протестовать, но угроза подвергнуть состояние умственных его способностей исследованию психиатрической комиссии заставила его быстро замолчать. На остров Палграв выпущено было пять больших морских едициц: Азиатская эскадра, Южная эскадра Тихого Океана, Северная Эскадра Тихого Океана, Эскадра Караибского Моря и половина Северной Эскадры Атлантического Океана, причем две последних прошли через Панамский канал.

„Честь имею донести, что мы стали ввиду острова Палграва к вечеру 29 апреля“,—так начиналось донесение командира броненосца „Северная Дакота“, капитана Джонсона, Штабу Морских Сил. „Азиатская Эскадра задержалась. Состоялось совещание адмиралов, и было решено приступить к атаке на следующее утро с рассветом. Минный истребитель „Свифт VII“ пробрался незаметно и донес, что на острове не видно никаких военных приготовлений. В гавани он видел несколько небольших торговых пароходов, а также обнаружил небольшое поселение на совершенно открытом месте, которое легко могло быть обстреляно нашими орудиями.

„Было решено, что все суда будут направлены в рассыпном строе на остров, открыв огонь на расстоянии трех миль от берега, продолжая его вплоть до оконечности рифа, чтобы и там, сохранив то же построение, продолжать бой. Остров Палграв повторно предупреждал нас по беспроволочному телеграфу на международном кодексе: не выходить из пределов десятимильного расстояния, но на эти предостережения не было обращено никакого внимания.

„Северная Дакота“ не приняла участия в действиях 1-го мая, вследствие происшедших в предыдущую ночь несчастного случая, который

временно повредил ее штурвал. Погода утром 1-го мая была ясная и тихая. С юго-запада дул небольшой ветер, вскоре затихший. „Северная Дакота“ стояла в расстоянии двенадцати миль от острова. По данному сигналу эскадра полным ходом со всех сторон двинулась на остров. Радио-телеграф все время отмечал предостережения с острова. Суда вышли из-за десятимильной полосы и ничего не произошло. На расстоянии пяти миль ничего не произошло; на расстоянии четырех миль ничего не произошло; на расстоянии трех миль „Нью-Йорк“, шедший в голове колонны с нашей стороны острова, открыл огонь. Он сделал только один выстрел. После этого он взорвался. Остальные суда не дали ни одного выстрела. Они стали взрываться перед нашими глазами со всех сторон. Некоторые из них повернули кормой и двинулись назад, но им не удалось спастись. Минный истребитель „Эротик ХХХ“, едва удалившись от острова на расстояние десяти миль, также взлетел на воздух. Он был последним, единственным уцелевшим из всех. „Северная Дакота“ повреждений не получила, и, по исправлении штурвала, я отдал приказание взять курс на С. Франциско“.

Сказать, что Соединенные Штаты были поражены, было бы слишком слабо. Весь мир был поражен. Он оказался лицом к лицу с этим проклятием человеческого разума—отсутствием прецедентов. Человеческие усилия были не более, как шутка, чудовищный пустяк, если безумец, живший в совершенно открытом со всех сторон селении, на одиноком острове, и обладающий только яхтой, мог истребить пять могущественнейших в мире флотилий. Как он это сделал? Никто не знал. Люди науки посыпали пеплом головы, стонали и несли какую то тарабарщину. Они ничего не знали. Военные эксперты десятками лишали себя жизни. Созданная ими непроницаемая броня орудий войны оказалась лишь паутиной, в клочки разорванной жалким безумцем. Рассудок их не мог

этого выдержать. Простой человеческий разум не мог противостоять этому удару. Подобно дикарю, подавленному фокусом чародея, мир был подавлен магической силой Голиафа. Как он это делал? Мир созерцал страшный лик неизвестного, и в трепете его у него стерлась память и о своих величайших достоинствах.

Но не весь мир был потрясен. Было одно, неизбежное всегда, исключение—то была островная Японская Империя. Опыленная успехом, без предрассудков и без веры во что бы то ни было, кроме как в собственную восходящую звезду, издеваясь над крушением науки и обзумев от национальной гордости, она вступила на путь войны. Американский флот был уничтожен. С высоты небесных крепостных зубцов склонялись к своим потомкам тени минувших японских поколений. Представлялся ниспосланный богом случай. Микадо был, поистине, братом богов!

Военные чудища Японии были выпущены в виде могущественных флотов. Филиппинские острова были забраны, как ребенок собирает цветы. Несколько больше времени требовалось для перехода броненосцев к Гавайским островам, Панаме и Тихо-Океанскому побережью. Соединенные Штаты были охвачены паникой. Образовалась могущественная партия позорного мира. В разгар этой сумятицы „Энергон“ пришел в С. Франциско, и Голиаф заговорил еще раз. При входе его в гавань произошло небольшое столкновение и последовало несколько взрывов пороховых складов, расположенных вдоль укрепленных возвышенностей, сопровождавшихся разрушением береговых укреплений. Взрыв минных заграждений в Золотых Воротах также представил собою грандиозное зрелище. В газетах появилось послание Голиафа к населению С. Франциско, как всегда, помеченное островом Палграв. Оно гласило:

„ Мир! Да будет с вами мир! Вы получите мир! Я уже раньше говорил в этом духе. Но и вы дайте мне мир! Оставьте мою яхту „Энергон“ в покое. Попробуйте только ее тро-

нуть, и от С. Франциско не останется камня на камне.

„Пусть все добрые граждане соберутся завтра на возвышенности, спускающейся к морю. Идите с музыкой, с радостным смехом и гирляндами цветов. Отпразднуйте занимающую зарю новой эры. Будьте как дети на ваших горах, будьте свидетелями исчезновения войны. Не упускайте этого случая. Вам представляется последний случай увидеть то, что с этих пор придется разыскивать в музеях старины.

„Обещаю, что вы проведете весело день“.

„Голиаф“.

В воздухе царило волшебное безумие. Народу казалось, что все боги рухнули, между тем, как небо еще держалось. Порядок и законность исчезли с лица земли, но солнце еще светило, ветер еще дул, цветы еще цвели,—вот, что было изумительно. Что вода продолжала стекать с гор—казалось чудом. Все устои человеческого разума и человеческих достижений рассыпались в прах. Непокоренным оставался один лишь Голиаф, безумец на острове. Вот каким образом случилось, что на другой день все население С. Франциско, в безумном веселии, высыпало на высоты, господствующие над морем. Впереди шли оркестры, развевались знамена, затем фургоны с пивом, ученики воскресных школ,—все странные, разнородные сочетания кишашей столичной жизни.

На линии горизонта виднелись дымящиеся трубы сотни вражеских военных судов, сходящихся к одной точке, к беспомощным, беззащитным Золотым Воротам; не вполне, впрочем, беззащитным, так как через них прошел „Энергон“,—белая крохотная игрушка, качающаяся, подобно соломинке, на бурных волнах, там, где сильный отлив встречался с дующим в лоб летним морским ветром. Но японцы были осторожны. Их броненосцы в тридцать и сорок тысяч тонн уменьшили ход на расстоянии шести миль от берега, тяжело маневрируя, между тем как крошеч-

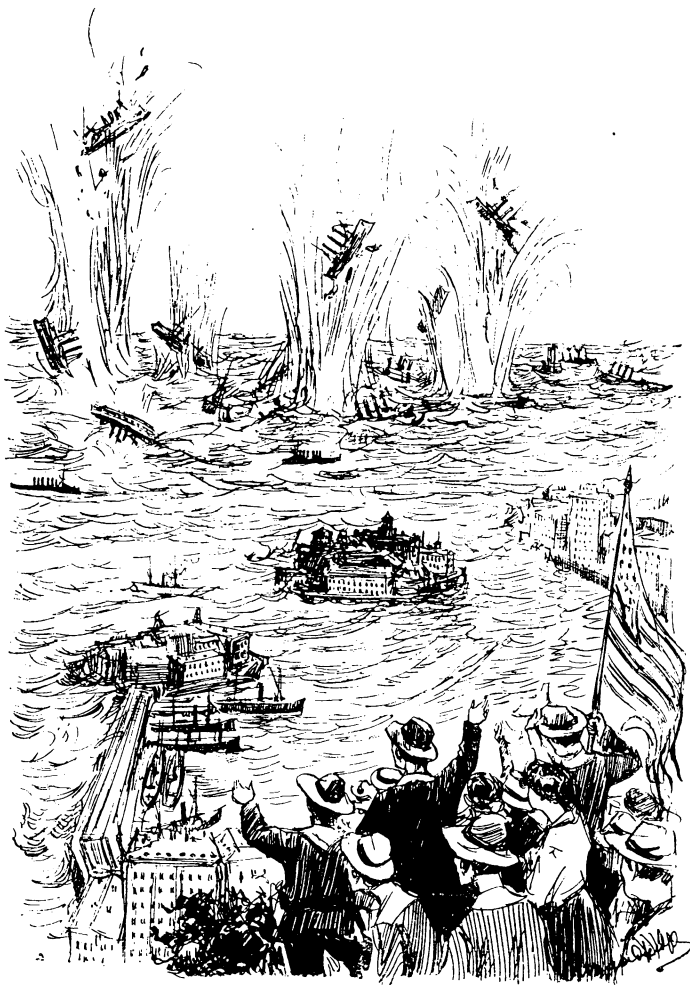
ные дозорные суда (тонкие шести-трубные истребители) неслись вперед, бороздя сверкающее море черными полосками, как акулы. По сравнению с „Энергоном“ они казались левиафанами. „Энергон“ был как бы мечом архангела Михаила; они казались предвестниками адских полчищ.

Но мирное население С. Франциско, собравшееся на высотах, так и не увидело сверкания меча. Невидимый и таинственный, он рассекал воздух, нанося самые мощные удары, какие либо видел свет. Мирное население С. Франциско видело очень мало, а поняло еще меньше. Оно увидело только, как полтора миллиона тонн, пресрезающих морскую пену, испускавших грома орудий войны, взлетело к небу и опустилось на дно морское, потеряв все вооружение. Все было кончено в пять минут. На широкой морской поверхности осталась только „Энергон“, качающийся, как белая игрушка.

Голиаф обратился с несколькими словами к Микадо и старейшим госу-

дарственным мужам. Это была самая обычная телеграмма, отправленная по кабелю С. Франциско капитаном „Энергона“, но достаточно многозначительная, чтобы Япония моментально очистила Филиппинские Острова

и отозвала из морей свои уцелевшие корабли. Скептическая Япония сразу уверовала. Она почувствовала на себе тяжелую руку Голиафа. И она кротко повиновалась, когда Голиаф приказал ей разоружить все военные суда и превратить их в полезные орудия мира. Во всех портах, на всех корабельных верфях, машиностроительных заводах в Японии десятки тысяч загорелых

Население С. Франциско видело, как в пять минут полтора миллиона тонн, испускавших грома войны, взлетело к небу и опустилось на дно морское...

рабочих переливали броню морских чудовищ в миллиарды полезных предметов, как плуги (Голиаф особенно настаивал на плугах), газолиновые моторы, стропила для мостов, телеграфные и телефонные проволоки, стальные рельсы, локомотивы и весь подвижной состав железных дорог. Мир был свидетелем общественного покаяния. Каким жалким, в сравнении с ним, казалось ранее покаяние

стоявшего в снегу босиком перед папой в Каноссе императора, осмелившегося восстать против духовной власти.

Следующий призыв Голиафа был обращен к десяти выдающимся ученым Соединенных Штатов. На этот раз ему повиновались без всяких колебаний. Ученые проявили забавную поспешность. Некоторые из них прибыли в С. Франциско еще за несколько недель, чтобы не пропустить назначенного отъезда. Они уехали на „Энергоне“ 15 июня, и, пока они находились в море, Голиаф дал еще одно предостережение. Германия и Франция готовились схватить друг друга за горло. Голиаф приказал им помириться. Они не вняли приказаниям, молчаливо согласясь между собою драться на суше, как более безопасном месте для проявления их воинственных наклонностей. Голиаф назначил 19 июня сроком прекращения приготовлений к войне. Оба государства закончили мобилизацию своих армий 18 июня и бросили их на общую границу. 19 июня Голиаф нанес удар. Все генералы, военные чиновники и патриоты обеих стран умерли в этот день, и в тот же день две огромных армии, оставшиеся без руководителей, разбежались, как стадо баранов, затем перешли общую границу и побратались. Но германский верховный вождь избежал общей участи. Потом стало известно, что он спрятался в громадном сейфе, в котором хранился секретный архив его империи. Он выбрался оттуда вполне раскаявшимся военным вождем и, подобно японскому Микадо, был усажен за перековку сабельных клинков в сошники и сохи.

Но спасение германского императора многим показалось знаменательным. Ученые всего мира опять набрались храбрости и приободрились. Одно—было несомненно, что Голиаф не обладал магической силой. Законность попрежнему царил в мире. Власть Голиафа имела свои пределы, раз германский император мог спастись тем, что спрятался в нескораемом шкафу. По этому по-

воду в газетах появилось немало ученых исследований.

Десять ученых вернулись назад с острова Палграв 6-го июля. Сильные полицейские отряды ограждали их от репортеров. „Нет, мы не видели Голиафа“,—сказали они при единственном данном ими официальном интервью—но мы говорили с ним и много насмотрелись. Нам не было разрешено определенно сообщить обо всем, что мы видели и слышали, но можно сказать, что весь мир будет революционизирован. Голиаф обладает страшным открытием, которое ставит весь мир в зависимость от его милосердия, и было большим счастьем для мира, что Голиаф милосерден.

Десять ученых немедленно отправились в Вашингтон со специальным поездом и проводили целые дни в тайных совещаниях с людьми, стоявшими во главе правительства, между тем как страна с затаенным дыханием ожидала результатов.

Но результаты заставили долго себя ожидать. Из Вашингтона президент отдавал приказания выдающимся деятелям. Все это держалось в тайне. День за днем приезжали депутаты от банкиров и всевозможных тузов, промышленных королей и верховных судей и, приехав, оставались в Вашингтоне. Медленно тянулись недели и, наконец, 25 августа приступили к изданию знаменитых сообщений. Конгресс и Сенат действовали сообща с Президентом, в то время, как Верховные Судьи санкционировали распоряжения, а денежные и промышленные тузы соглашались.

Капиталистам, хозяевам страны, была объявлена война. Соединенные Штаты были объявлены на военном положении. Верховная власть была вручена Президенту. В один день труд малолетних был уничтожен во всей стране. Это было сделано в порядке декрета, и Соединенные Штаты были готовы даже силой армии поддерживать свои декреты. В тот же самый день все женщины, работавшие на заводах и на фабриках, были отпущены по домам, и все

мелкие торговые предприятия, эксплоатировавшие трудящихся, были закрыты. „Но мы тогда не будем извлекать никаких выгод!“—жаловались мелкие предприниматели. „Болваны!—отвечал Голиаф:—разве цель жизни заключается в выгоде? Бросайте вашу торговлю и торгашеские расчеты!“—„Но некому купить наше дело—жаловались капиталисты!“—„Купить—продать, разве в этом заключается смысл жизни?“—возражал Голиаф. Передайте все ваши мелкие кровожадные торговые предприятия правительству, чтобы оно могло их разумно организовать и вести“.

На следующий же день, на основании декрета, правительство начало забирать в свои руки все заводы, магазины, угольные копи, корабли, железные дороги и обработанные земли.

Национализация средств производства и распределения шла быстрым шагом. Здесь и там попадались скептические, но влиятельные капиталисты, но их сейчас же арестовывали и отправляли на остров Палграв, и когда они возвращались, они всегда соглашались с действиями правительства. А немного спустя миновала надобность в путешествиях на остров Палграв. На всякие возражения капиталистов официальные власти отвечали: „Так сказал Голиаф“. Это было равносильно: „Вы должны повиноваться“.

Промышленные короли стали главами департаментов. Обнаружилось, что инженеры так же хорошо работали на службе у правительства, как раньше на частной службе. Затем выяснилось, что люди, одаренные высокой трудоспособностью, не могли насиловать своей природы. Они не могли помешать себе применять к делу свою работоспособность, как краб не может помешать себе ползать, а птица летать. И так случилось, что вся могучая сила людей, которая прежде работала только на себя, стала работать на общественное благо. Полдюжины железнодорожных тузов вступили в кооперацию с целью организации национальной системы железных дорог,

оказавшейся изумительно прекрасной. Никогда уже не было больше слышно о недостатке вагонов. И эти люди теперь не были тузами из Уолл-Стрита¹⁾, а были, действительно, теми людьми, которые когда-то состояли на службе у тузов Уолл-Стрита. Улица Уолл-Стрит замерла. Не было больше ни купли, ни продажи, ни спекуляций. Ни у кого не было, что купить или что продать, и не было на чем спекулировать.

„Заставьте работать биржевиков“—сказал Голиаф:—„тем из них, которые молоды и хотят работать, дайте случай научиться полезному ремеслу. Заставьте работать сидельцев, агентов по рекламному делу и купле-продаже недвижимой собственности“.

Сотни тысяч бесполезных прежде посредников и паразитов обратились к полезной деятельности. Четыреста тысяч бездельничавших прежде джентльменов, живших раньше на свои доходы, были приучены к труду. Затем нашлось большое количество беспомощных людей, занимавших высокие должности, которые были смещены, при чем самое замечательное было то, что они были выставлены своими же товарищами. К этому же классу принадлежали и профессиональные политики, способности и сила которых направлялись только на интриги и махинации. Их также убрали. Так как не существовало частных личных интересов, побуждающих к покупке различного рода привилегий, то законодателям больше не предлагалось взяток, и в первый раз законодатели начали издавать законы для народа. В результате получилось, что люди, оказавшиеся неспособными к подкупам, проложили дорогу законодательству. Эта рациональная организация общества привела к изумительным результатам. В стране был установлен 8-ми часовой рабочий день, а между тем, производство увеличилось. Несмотря на большие постоянные усовершен-

1) Уолл-Стрит—лучшая улица Нью-Йорка, где живут крупнейшие богачи и промышленные короли.

ствования и на огромный запас энергии, затраченный на систематизацию хаотического общественного соперничества, производство удвоилось и утроилось против прежнего.

Материальные условия жизни улучшились и все таки потребление не могло сравниться с производством. Максимальный возраст трудоспособности был понижен до 48 лет. Минимальный возраст повысили с шестнадцати до восемнадцати лет. Восьмичасовой рабочий день превратился в семичасовой, а после нескольких месяцев был доведен по всей стране до пяти часов.

Бросить луч света на самую личность Голиафа, тем временем, никак не удалось. Не удалось даже узнать, каким путем он действовал и готовился принять на себя управление миром. Проскальзывали всякие мелочи, как бы открывающие ключ, наводившие на свет, сопоставлялось многое, не имевшее повидимому никакой связи между собой. Припомнились странные истории о неграх, похищенных с Африканского материка, о таинственно исчезнувших уже законтрактованных японских и китайских рабочих-кули, о налетах на одиноко лежащие острова Южного Океана и об увозе их обитателей, истории о тайным образом купленных и затем исчезнувших яхтах и торговых пароходах, приметы которых имели отдаленное сходство с приметами судов, увозивших негров, японцев, китайцев и островитян. Задавался вопрос:—где достал Голиаф орудия войны? Предполагаемый ответ был таков: в эксплуатации труда этих выкраденных рабочих. Это они были в том селении, открытом всем ветрам, на острове Палграв. На добытые их трудом средства Голиаф имел возможность покупать яхты и торговые пароходы, которые позволяли его агентам проникать в общество и исполнять его приказы. Из чего же состоял продукт их труда, обогативший Голиафа настолько, что он мог привести в исполнение свои планы? „Радий,—заявляли газеты,—радий, радиозол, аргатиум, аргит и таинственный голит (оказавшийся

неоценимым в металлургической промышленности)“. То были новые составы, открытые в первом десятилетии двадцатого века и нашедшие себе такое обширное применение в торговых и научных целях второго десятилетия двадцатого века.

Суда, нагруженные фруктами, совершавшие рейсы между Гавайскими островами и С. Франциско, как говорили, являлись собственностью Голиафа. Но это было лишь предположение, основанное на том, что нельзя было узнать, кому именно они принадлежат, так как агенты, которые заведывали этими судами, были только агентами. Раз никто другой не являлся владельцем судов с фруктами, то, несомненно, они должны были принадлежать Голиафу. Главная суть была в том, что,—как это выяснилось,—большая часть поставляемых всему миру драгоценных фруктов доставлялась из С. Франциско этими самыми фруктовыми судами.

Что все эти предположения, составляющие звенья одной цепи, были правильными, выяснилось в последующие годы, когда рабы Голиафа были освобождены и награждены приличными пенсиями Интернациональным Мировым Правительством. Тогда же обет молчания был снят с агентов и других посланцев Голиафа, которые почувствовали склонность к раскрытию тайн относительно его методов и организаций, но Ангелы Смерти остались навеки немymi. Кто были эти люди, которые являлись к высокопоставленным людям и убивали их по Голиафа повелению,—останется невыясненным до скончания веков. Но они, действительно, убивали посредством неуловимой, но, в то же время, таинственной силы, открытой Голиафом и названной им „энергон“.

Но в это время „энергон“ никому еще не был известен, и никому даже не снился этот незаметный великан, которому суждено было переделать весь мир. Он был известен только одному Голиафу, но он умел хранить свою тайну. Даже вооруженные им агенты, которые, как это было на яхте „Энергон“, уничтожили могу-

ественный броненосный флот, взорвав его пороховые погреба, не знали, из чего состоит и как готовится его мощная, неуловимая сила. Они только знали один из многих способов его применения, которому их обучил Голиаф. Теперь хорошо известно, что радий, радит, радиозол и другие соединения получались при составлении Голиафом энергона из солнечного света. Но в то время никто не знал, что такое „энергон“. Голиаф продолжал править миром и держать его в ужасе.

Между прочим, энергон находил свое применение и к беспроводному телеграфу. При его посредстве Голиаф имел возможность сноситься со своими агентами по всему миру. В то время аппарат, который агент должен был иметь при себе, был настолько громоздким, что едва укладывался в порядочной величины пароходный чемодан. В настоящее же время, благодаря усовершенствованию Гендеоля, аппарат этот помещается в кармане куртки.

В декабре 1925 г. Голиаф разослал свое известное „Рождественское письмо“, выдержка из которого приводится ниже:

„До сего времени, удерживая остальные страны от безумной резни, я посвятил себя, главным образом, Соединенным Штатам. Но я не дал населению Соединенных Штатов разумной общественной организации. Я только заставил его выработать такую организацию собственными силами. В наши дни в Соединенных Штатах больше счастливого смеха, больше здравого смысла. Пища и кров уже не добываются больше анархическими методами, так называемого индивидуализма, а почти автоматически. А всего лучше то, что население Соединенных Штатов достигло этого собственными силами. Повторяю, они сами достигли этого. Все, что я сделал, ограничилось тем, что я вселил страх смерти в сердца тех немногих, которые занимали высокие посты и преграждали путь разуму и радостному смеху. Страх смерти заставил их уступить дорогу и дать возможность человеческому разуму

познать себя в общественном смысле. В наступающем году я посвящу себя остальной части мира. Я вселю страх смерти в сердца всех тех, которые занимают высокие посты во всех странах. И они сделают то же, что сделали их коллеги в Соединенных Штатах. Сойдут с занимаемых ими высоких постов и дадут человеческому разуму возможность достигнуть общественной разумности. Все страны выйдут на дорогу, на которой находятся теперь Соединенные Штаты.

„И когда они все уже хорошо продвинутся по этой дороге, у меня найдется еще кое-что для них. Но прежде люди сами должны пойти по этой дороге. Они должны доказать, что современный человеческий разум, с имеющейся теперь в его распоряжении механической энергией, способен организовать общество так, что пища и кров станут автоматическими, труд будет низведен до трехчасового рабочего дня, и радость и счастливый смех распространятся по всему миру. И когда все это будет достигнуто, не через меня, а благодаря человеческому разуму, тогда я принесу в дар миру новую механическую энергию. Она открыта мною. Этот „энергон“ не более и не менее, как космическая энергия, заключающаяся в солнечных лучах. Когда человечество к ней приспособится, она будет исполнять работу всего мира. Не будет больше миллионов углекислых газов, всю жизнь трудящихся в недрах земли, ни закоптых кочегаров, ни замасленных механиков. Все, если захотят, могут носить белые одежды. Труд жизни превратится в игру. И старые, и молодые сделаются радостными детьми. Дело жизни превратится в радость, и они будут стремиться к достижению этических замыслов и духовных высот в творчестве картин, песен, в повестях государственности и красоты, в поте и усилиях спортсмена на свежем воздухе—все будет соперничать не ради гнусного металла и жизненных материальных выгод, а для радости, которая будет принадлежать им. Все будут кузнецами радости, и работа

их будет заключаться в том, чтобы выковывать счастливый смех на звенящей наковальне жизни.

„А теперь еще одно слово относительно ближайшего будущего. В день Нового Года все страны разоружатся, все крепости снесутся и все армии будут распущены.

„Голиаф“.

В день Нового Года весь мир разоружился. Миллионы солдат, матросов и рабочих в постоянных войсках, флотах и бесчисленных арсеналах, оружейных заводах и заводах для изготовления предметов военного снаряжения,— были отпущены по домам. Многие миллионы этих людей, равно как и военное снаряжение, содержались на счет труда. Теперь они обратились к полезным занятиям, и освобожденный гигант труда мощно вздохнул облегченной грудью. Надзор за порядком во всем мире был вверен заботам исключительно полицейских чиновников и стал строго общественным делом, тогда как война была абсолютно противообщественным делом.

Девяносто процентов преступлений против общественности были преступлениями против частной собственности. С уничтожением частной собственности, по крайней мере, в способах производства, и с организацией промышленности, уравнивающей шансы всех людей, преступления против частной собственности фактически прекратились. Полицейские силы повсеместно сокращались. Почти все преступники, как случайные, так и рецидивисты, добровольно отказались от своих грабежей. Они не имели больше никакой нужды совершать преступления. Они изменились просто потому, что изменились условия жизни. Меньшее число преступников было помещено в больницы и излечено. Остальная же часть— безнадежно преступные и дегенераты—была отделена. Суды во всех странах были сокращены. Девяносто пять процентов всех гражданских дел состояли из споров об имуществе, о правах собственности, из процессов, оспаривающих духовные за-

вещения, нарушения контрактов, банкротств и проч. С уничтожением частной собственности эти девяносто пять процентов дел, загромаждавших суды, также уничтожились. Судьи превратились в тени, призрачные привидения, пережиток времен анархии, предшествовавшей появлению Голиафа. 1925 год был очень оживленным годом мировой истории. Голиаф правил миром твердою рукою. Короли и императоры посещали остров Палграв, созерцали чудеса энегергона и уезжали со страхом смерти в сердцах, чтобы отречься от престола, корон и наследственных привилегий. Когда Голиаф говорил с политическими деятелями (называемыми „государственными мужами“), они повинивались... или умирали... Он диктовал всемирные реформы, распускал непокладистые парламенты и направил своих Ангелов Смерти на заговор, устроенный несколькими мятежными денежными тузами и промышленными королями. „Пора перестать дурачиться“ — сказал им Голиаф. Вы—анахронизмы. Вы преграждаете путь человечеству, а потому убирайтесь в мусорную кучу!“ Тем, которые протестовали,—а таких было много,—он говорил: „Теперь не время для словопрений. Вы можете спорить целыми веками. Вы это и делали в прошлом. Но у меня нет времени для споров. Прочь с дороги!“

За исключением того, что он положил конец войнам и набросал в крупных чертах общий план, Голиаф ничего не сделал. Вложив страх смерти в сердца тех, которые занимали высокие посты и преграждали путь к прогрессу, он предоставил возможность проявить себя сбросившему с себя оковы разуму лучших мировых мыслителей. Голиаф предоставил этим общественным мыслителям справиться со всеми многочисленными подробностями переустройства мира. Он хотел, чтобы они доказали, что они могут это сделать, и они это доказали. Благодаря им сифилис был сметен с лица земли. Им же были обьянены тем, что, несмотря на множество протестов со-

стороны чувствительных людей, все наследственно в сильной степени нравственно и физически порочные люди и дегенераты были отделены от общества и лишены права вступать в брак.

Голиаф был совершенно непричастен к учреждению институтов изобретений. Эта идея фактически зародилась одновременно в уме тысячи общественных мыслителей. Настало время для осуществления на практике этой мысли, и повсюду возникли великолепные институты изобретений.

В первый раз человеческая даровитость оказалась направленной на задачу упрощения жизни вместо того, чтобы изыскивать способы к наживанию денег. Такие житейские дела, как чистка помещений, мытье окон и посуды, вытирание пыли, стирка и все бесконечные, гнусные, необходимые мелочи будничной жизни были упрощены путем различных изобретений и сделались автоматическими. Мы—люди ныншних дней—не можем себе представить варварски-нечистоплотной и подневольной жизни тех, которые жили до 1925 года.

Идея интернационально-мирового правительства также принадлежала к числу тех, которые одновременно зародились в умах тысяч людей. Успешное осуществление на практике этой идеи явилось сюрпризом для многих, но все эти сюрпризы были ничто в сравнении с тем, чем явился для слабо-протестовавших социологов и биологов неоспоримый факт опровержения доктрины Мальтуса. С наступлением в мире радости и отдохновения, при неизмеримо лучших условиях жизни, когда людям предоставлена была широчайшая возможность отдыха, развития, искания красоты и возвышенных идеалов, рождаемость упала и упала поразительно. Люди перестали размножаться, как кролики. Зато было замечено, что средний уровень рождаемых детей повысился. Доктрина Мальтуса потерпела поражение и была выброшена в мусорную яму, как сказал бы Голиаф. Случилось все, что предсказывал Голиаф, о том,

чего может достигнуть человеческий ум с имеющейся в его распоряжении механической энергией. В людях исчезло недовольство. Больше всех ворчали пожилые люди, но когда, по достижении предельного трудового возраста, они получили отставку с приличной пенсией—они перестали ворчать. Им было лучше жить в старости, ничего не делая. Они могли пользоваться гораздо большими удобствами и удовольствиями, чем при их трудовой молодости, при старом режиме. Люди помоложе легко приспособились к новым порядкам, а самое молодое поколение ничего другого и не знало. Солнце человеческого счастья загорелось ярким пламенем. Люди стали нормальны и веселы. Даже такие старые мумии, как профессора социологии, которые всеми силами восставали против нового режима, и те не жаловались. Вознаграждение их во много раз превосходило получавшееся раньше, работать приходилось гораздо меньше. К тому же они были заняты пересмотром науки о социологии и составлением новых учебников по этому предмету. Здесь и там, правда, встречались атавизмы, в виде людей, вздыхающих по горшкам с мясом и людоедским оргиям старого, так называемого, индивидуализма, людей с длинными зубами, цепкими когтями, желавших жить на счет других. Но на них смотрели, как на больных, и помещали их в больницы для лечения. Небольшое число их все таки оказалось неизлечимыми. Они были помещены в сумасшедшие дома и лишены права вступления в брак. Таким образом у них не оказывалось потомства, которое могло бы унаследовать их атавистические инстинкты.

С течением лет Голиаф отстранился от управления миром. Ему больше нечем было управлять. Мир сам собою управлялся и управлялся спокойно и прекрасно. В 1937 году Голиаф, согласно старому обещанию, подарил миру энегрон. Он сам уже придумал тысячу способов, которыми этот маленький исполин мог-бы исполнять работу мира и опублико-

вал их. Но институты изобретений моментально ухватились за энергон и использовали его еще сотнею тысяч других дополнительных способов. Мало того, как признавался Голиаф в своем письме от марта 1938 года, институты изобретений выяснили несколько непонятных свойств энергона, которые давно смущали его. С введением энергона, двухчасовой рабочий день свелся к нулю. Как и предсказывал Голиаф, труд сделался игрой. И так велика стала, благодаря энергону и рациональному пользованию им, производительная способность человека, что самый скромный гражданин имел возможность, время и досуг гораздо больше наслаждаться жизнью, чем наиболее благоприятствуемые в этом отношении люди при старой анархической системе.

Никто никогда не видел Голиафа, и все народы начали требовать появления своего спасителя. Нимало не уменьшая значения энергона, мир пришел к убеждению, что еще важнее этого открытия оказался кругозор Голиафа. Голиаф был сверх-человек, Сверх-человек науки, и любопытство мира увидеть его стало почти невыносимым. И, наконец, в 1941 году, после многих колебаний, Голиаф окончательно выехал с острова Палграв. Он приехал в С. Франциско 8 июля и в первый раз мир увидел его лицо. Но мир был разочарован. Он создал себе из Голиафа героический образ. По его представлению, это был тот человек, — скорее полу-бог, который перевернул планету. Подвиги Александра Македонского, Цезаря, Чингизхана, Наполеона были детской игрой в сравнении с его колоссальными достижениями.

Сойдя на набережной С. Франциско, по его улицам проехал маленький старичек 65-ти лет, хорошо сохранившийся, со свежим цветом лица и с лысиной на голове, величиною с яблоко. Он был близорук и носил очки. Когда он их снимал, у него были недоумевающие голубые глаза, как у ребенка, глядевшие на мир с тихим, кротким изум-

лением. У него была манера прищуривать глаза, при чем его лицо морщилось, как будто он смеялся над колоссальной шуткой, которую он сыграл над миром, уловив мир, против его воли, в западню счастья и смеха.

Голиаф.

Для ученого сверхчеловека и мирового тирана у него были изумительные слабости. Он любил сладости и больше всего соленый миндаль и соленые орехи, в особенности последние. Он всегда носил их в кармане в бумажном мешке и часто приговаривал, что это полезно для химических реакций его организма. Но самой удивительной его слабостью была боязнь кошек. Он имел непреодолимое отвращение к этому домашнему животному. Многие помнят, что он упал в обморок от страха, когда во время речи, которую он говорил во Дворце Братства, кошка швейцара влезла на эстраду и прикоснулась к его ноге.

Но как только он явился миру, личность его была установлена. Старым друзьям нетрудно было узнать в нем Персиваля Штульца, который с 1898 года работал в Союзе Металлистов в продолжении двух лет и, в то же время, состоял секретарем 369-го отделения Международного Братства механиков. В 1901-м году 25-ти лет от роду, он окончил специально-научные курсы в Калифорнийском университете и добывал средства к жизни в качестве ходатая по делам, называвшимся тогда „страхованием жизни“. Зачетные ведомости его студенческих годов хранятся в университетском музее и очень незавидны. Профессора, лекции которых он слушал, помнят его, главным образом, из за его рассеянности. Несомненно, уже тогда пред-

ним мелькали отблески необъятных видений, которые впоследствии открылись перед ним.

То, что он назвал себя Голиафом и облекся в таинственность, было маленькой шуткой с его стороны, как он объяснил потом. В образе Голиафа или чего нибудь в этом же духе, он мог завладеть воображением людей и перевернуть мир—говорил он. Но как Парсиваль Штульц, человек в очках и с бакенбардами, весом в 59 кило, он не мог бы переместить даже лужицы.

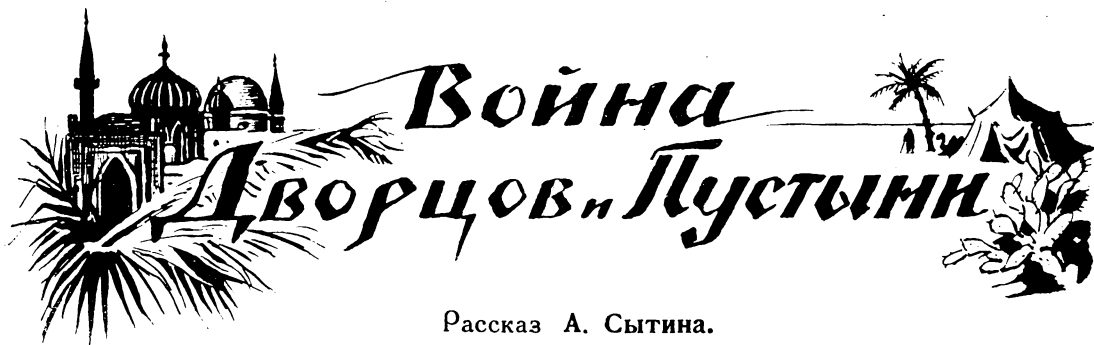
Но мир скоро примирился со своим разочарованием в его наружности и прошлом. Он знал его и почитал, как гения всех веков, любил его за него самого, за его недоумевающие близорукие голубые глаза, за неподражаемую гримасу, в какую превращалось его лицо, когда он смеялся, любил его за его простоту, товарищеское отношение, за высокую гуманность, за пристрастие к соленым фисташкам и за его отвращение к кошкам. И теперь в Азгарде—этом городе чудес, возвышается потрясающей красоты памятник, пред которым кажутся карликами пирамиды и все чудовищные, забрызганные кровью памятники старины. И на этом монументе, как всем известно,

начертано на нетленной бронзе пророчество и его исполнение:

„Все будут кузнецами радости и работа их будет в том, чтобы выковать счастливый смех на блестящей наковальне жизни“.

(Примечание издателя. Это замечательное произведение принадлежит перу Гари Беквита, ученика Ловельской средней школы С. Франциско, и воспроизводится здесь, главным образом, во внимание к молодости его автора. Мы далеки от мысли утруждать наших читателей древней историей. Но если станет известным, что Гарри Беквиту было только 15 лет, когда он написал это произведение, наша цель будет достигнута. „Голиаф“ получил первый приз на конкурсе средней школы в 2254-м году, а в прошлом году Гарри Беквит воспользовался заслуженной им льготой, чтобы провести шесть месяцев в Азгарде. Богатство исторических подробностей, полное соответствие духа того времени и выдержанный стиль этого сочинения особенно замечательны в таком юном писателе).

Рассказ А. Сытина.

Иллюстрации М. Мизернюка.

В 1924 году, 12-го декабря (1343 г. 8 джеляля по лунному мусульманскому летоисчислению), Ибн-Сауд, повелитель ваххабитов, после ряда удачных боев, захватил город Мекку и опубликовал декларацию, которая легла в основание настоящего рассказа.

В ней Ибн-Сауд провозгласил себя халифом (наместником Магомета) и объявил о свержении короля Гуссейна, ставленника англичан, заявив, что он будет бороться за объединение племен всей Аравии и свержение гнета иностранцев. Декларация гласит:

„Я пришел у сильного вырвать правду для слабого. Мы, отрекшиеся от богатства, роскоши и всякого имущества, сильны, а наши деспоты — иностранцы беспомощны“.

Далее Ибн-Сауд призывает к борьбе всех сектантов ваххабитов и между ними всех, проживающих в Индии, (около полумиллиона человек).

Дело объединения Аравии еще не закончено и война продолжается до настоящего дня. Хотя Гуссейн бежал, но его сын Али был провозглашен королем Хейяца и Ибн-Сауд, разгромивший резиденцию Гуссейна город Таиф, вынужден перейти к более длительной борьбе. Мусульманские народы, угнетаемые в европейских колониях, объединяются, и с этой точки зрения кровавая борьба, разразившаяся на Аравийском полуострове, имеет международное значение.

Женщина бедуинов.

Голубая опрокинутая чаша раскаленного аравийского неба оперлась неровными далекими краями на красноватый песчаный океан. Дюны дымилась от малейшего ветра, песок пересыпался, струился, и раскаленные застывшие валы иногда за один день во время самума перемещались к западу, туда, где начиналась цветущая долина города Таифа. Черные, глянцевиные утесы, наполовину погруженные в песок, непоколебимо, как прибрежные скалы, стояли на пути дюн. Здесь начинался берег острова песчаного океана. Яркими светло-зелеными квадратами тянулись поля люцерны, бледные, нежные купы банановых деревьев были разбросаны блеклыми пятнами и над возделанными, орошенными полями долины гордо подымалась матовая темная зелень высоких пальм. Искус-

ственные водоемы, расположенные уступами по склону горы, сооруженные несколько столетий назад, выбрасывали запасы воды, скопленной в период дождей, и звонкие каналы разбегались по всей долине от мрачных каменных бассейнов, громоздившихся кверху, как скалы.

Посреди долины, в черной зелени кипарисов, мерцал белым отсветом мрамор дворцов. Тут находилась летняя резиденция Гуссейна, повелителя всего Хейяца. Мраморная мечеть Ибн Аббаса над могилой двух сыновей пророка, огромный дворец Али паши были окружены зарослями цветов, и розы горели, как пятна крови, возле белого мрамора высоких лестниц.

В северо-западном углу города, где тянулся сумрак от сплошной рощи пальм, поднимались средневековые бастионы и жерла бронзовых пушек грозно смотрели на город.

Посреди города, как насмешка над могуществом крепости и прохладой дворцов, стояли неподвижные каменные идола Аллами и Азза, выстроенные еще идолопоклонниками для посрамления пророка и сохраненные, как памятники старины, до наших дней.

Перед дворцом Али паши, там, где находились покои Зейнаб Эль Самара, теснилась целая толпа бедуинов, которые обыкновенно не решались появляться в городе. Оборванные и грязные, заносчивые и высокомерные, казалось, они принесли с собой весь губительный зной раскаленных песков, и теперь, когда эти горбоносые, стройные пираты песчаного океана грубо кричали на мраморных лестницах, казалось, что вслед за ними вторгнутся пески, среди которых они бродяжничают, и шуршащей лавиной засыплют дворец и город.

Нхар Эль рефуд (день похищения) уже миновал, сегодня был Нхар эль хазам (день пояса). Зейнаб Эль Самар празднует свадьбу с Неддемой, женщиной их племени. Никакие уговоры друзей и даже недовольство Гуссейна не остановили Зейнаба и теперь, среди толпы бедуинов, по мраморным плитам перед дворцом прохаживался разбойник, предводитель табора. Иногда он обходил вокруг всего дворца и его старый плащ с бахромой внизу медленно волочился за ним по цветочным клумбам. Скоро он уселся на ступень лестницы, положив руку на золотую рукоять дамасского кинжала, осыпанного рубинами и изумрудами. Раб короля, проходивший мимо для поздравления, высокомерно огляделся, но предводитель табора слегка сгорбился, как будто готовясь к прыжку, его цепкие пальцы стиснули оружие,—и раб невольно отвел глаза в сторону и улыбка застыла на его губах. Купец, проходивший по улице, одернул его за плащ, так как может быть завтра они встретят этого льва в пустыне. Посланый успокоился, увидев беспечного Зейнаба, раздававшего подарки бедуинам, но когда они под-

няли радостный вой, он содрогнулся и еле выговорил обычные слова свадебного поздравления:

„Пусть сделает Аллах, чтоб ваши лица покраснели от радости“.

Тут он вспомнил, как говорили во дворце, что только ради любимца Зейнаба престарелый могущественный Гуссейн терпит присутствие этих гиен караванов в городе.

Кто учит мудрости льва пустыни? Однако, бедуин, не зная почему он идет в ту или иную сторону, всегда приходит туда, куда надо. Таким же образом Неддема, через месяц после того, как Зейнаб увидел ее в оборванной, грязной толпе, полюбила роскошь и теперь назначенные ей рабыни и слуги еле успевали выполнять ее требования. Она возлежала во внутреннем покое дворца и глядела, как рассыпались брызги фонтана в водоеме. Мозаичный прохладный пол и все стены были покрыты вьющимися растениями.

Неддема оправдывала свое имя и была звездой своего племени. Ее темно-желтые глаза, таинственные, как у льва, следили за брызгами, которые ронял фонтан на папортник. Ее веки были голубые от благородного кося, а ее улыбку Зейнаб сравнивал с жемчугом, оправленным в кораллы. Иногда, не глядя, она протягивала к рабыне руку, белую, как матовое серебро и, взяв из корзины розу, бросала ее в бассейн. Золотые монеты, висевшие гирляндами от ее висков и ниспадавшие на плечи, слегка звенели при каждом движении головы. Диадема над мраморным лбом сверкала каплями крупных бриллиантов.

Скоро отдаленный говор бедуинов затих. Зейнаб одарил их всех и даже те, которые расположились в ближайших покоях на широких диванах с самодельными трубками из костей, покинули дворец.

На улице раздался топот и несколько всадников остановились у дворца. Это были друзья Зейнаба. Их широкогрудые вороные кони были покрыты цветными полосатыми попонами с большими золотыми кистями. На чепраках седел сверкало

золотое шитье изречений корана и у всех у них были сабли с серебряными рукоятками,—знак их высокого положения. Смеясь и болтая, они спешили к Зейнабу, который приветствовал их прикосновением руки без пожатия, по обычаю арабов.

— Дурные вести, Зейнаб!—громко сказал один из них, молодой Керим Абдуллах из свиты Гуссейна,—кажется нам всем придется оставить стихи и взяться за меч, так как фанатики ваххибы позволяют себе слишком много.

Все направились в большую приемную и, пока негры рабы разносили кофе и гости окуривали себя дымом росного ладана и душистого дерева из фарфоровой курильницы, Керим Абдуллах продолжал рассказывать свои новости.—Скоро придут дни сражений,—говорил он с беспечным смехом. Ваххибы недовольны тем, что при дворе нашего повелителя постоянно находятся европейцы, советы которых он слушает. Теперь Ибн Саид, этот король нищих, вспомнил разные старые дела. Его проповедники говорят, что наш повелитель не должен был участвовать в мировой войне, сражаясь за англичан против турок и даже (тут его голос понизился и он стал серьезным) открыто не признают Гуссейна халифом всех правоверных и наместником Магомета на земле потому, что после изгнания султана из Турции наш повелитель прибег к помощи англичан и, овладев Меккой, провозгласил себя халифом.

— А как ты сам думаешь обо всем этом, Керим?—спросил кто-то из гостей.

— Бисмилла! Я не могу жить с людьми, которые не признают ответственности, не носят золота и за куренье наргиллаха (трубки) всенародно бьют палками по спине. Поэтому, кроме верности королю, меня обязывает к борьбе то, что я хочу жить. Зейнаб!—обратился он к хозяйину,—не отдашь ли ты им все твои кофейные плантации или, может быть, медейяхи ваххибов (люди

рвения) безнаказанно будут грабить твои караваны по пути в Дамаск?

Зейнаб хотел возразить, но кто то из гостей перебил его.

— Он отдаст им все, а себе оставит только плащ, да и то без золота,—и говоривший закинул за плечо угол плаща, расшитый золотом и мелким жемчугом.

— Но довольно о политике, о Зейнаб,—сказал Керим Абдуллах, ты должен показать нам твою жену.

Когда он говорил, черная рабыня раздвинула на две стороны огромный плюшевый занавес, заменявший стену, и, в сопровождении рабынь, Неддема вошла в зал.

Гости почтительно встали с мест и Керим Абдуллах, поэт и воин, носивший сабельный шрам во всю голову, полученный в войне с турками, прижал руки к сердцу.

— Все женщины Аравии ходят с открытыми лицами,—медленно проговорил он, но никогда я не видал ничего подобного.

— О, Неддема, звезда бедуинов, продолжал он. Уже темно и крылья ночи сомкнулись над уснувшей землей, но прогони сон, пусть крылья век твоих не закроют очей, поговори с нами.

Неддема покраснела и, опускаясь на приготовленные подушки, проговорила.

— Я дочь пустыни. Наше расположение обращается во все стороны, как тень высокой пальмы, но любовь моего мужа была сильна, как клинок, рубящий дерево. Блуждающая тень остановилась и вот я здесь. Я буду говорить со всеми, но мое внимание будет с ним,—и она пристально улыбнулась своему мужу.

— Пусть красота соединится с храбростью,—сказал Керим Абдуллах, любивший в пылу сражений читать стихи арабских поэтов...

Его сосед, молчаливый гость, хлопнул в ладоши.

— Зейнаб! Мы скрыли от тебя, но с нами пришли танцовщицы, чтобы почтить лучшим танцем молодую чету.

В зал вошли медленные пары танцовщиц. В их руках были отточен-

ные кривые ятаганы и, кружась, одна за другой, они размахивали оружием и широкие полосы от взмахов блестящей стали сумрачно блестели среди белой дымки кисеи, которая вилась в воздухе за танцующими.

Невольники на широких подносах внесли кушанья и фрукты и празднество затянулось далеко за полночь.

Приручение львицы.

Прошло полгода. Неддема скучала и не могла забыть молчаливого очарования пустыни. Когда Зейнаба требовали ко двору халифа его обязанности, она любила ходить по городу. Она проходила мимо продавцов, которые хранили сливочное масло в больших глиняных кувшинах с водой, смотрела на груды фиников и бананов и ей доставляло удовольствие купить за мелкую монету кусочек хлеба и скушать его с маслом где нибудь на базаре. Это напоминало ей детство. Перед выходом из дома она несколько часов посвящала туалету. Рабыни красили ступни ее ног желтой хной и надевали цветные сафьяновые саббот на высоких каблуках. Фиолетовый или синий ханк, широкий как туника, складывали красивыми изломами и закалывали золотыми пряжками. Каждый день выбирала Неддема новые серьги или для ушей, или большие, которые подвешивались у висков к металлическому обручу. Полузакрыв лицо от жгучего солнца фатой, Неддема вешала, как меч, на левое бедро овальное зеркало, оправленное в серебро. Она подводила веки и красила ресницы колем и на запястьях рук и на ногах носила браслеты с камнями.

Но, часто, когда она хотела идти гулять, ее охватывала тоска и тогда, в сопровождении двух вооруженных рабов, она, закутавшись в плащ, отправлялась верхом к краю долины и по целым часам, не отрываясь, смотрела вдаль на мертвые пески.

Сегодня она отправилась бродить по улицам и ее стал обгонять караван, направлявшийся в пустыню.

Оглянувшись, она увидела, что на горячем коне среди охраны каравана ехал знакомый бедуин. Неддема взгляделась и краска залила ее лицо. Это был предводитель табора. Издалека он узнал ее и, приподнявшись на стременах, низко поклонился, печально сложив руки на груди. Когда он проехал мимо, совсем близко, неподвижный, как изваяние, глядя куда-то вперед, слезы навернулись на глаза Неддемы, но в это время с ней поравнялся раб Зейнаба, которого она хорошо знала.

— Не плачь, госпожа! Это караван моего господина Зейнаба! сказал он.—Мы вернемся из Дамасска и у тебя прибавится денег на драгоценности.

— Нет! ответила Неддема, там впереди есть человек, у которого была прекрасная улыбка, а теперь он уходит.

— Моя госпожа! сказал раб. Любовь надо ценить, пока она дает наслаждение, но не долее—это не разумно.

Неддема быстро вскинула глаза и на ее губах задрожала усмешка.

— Так это значит правда, что твоя жена ушла от тебя, не зря болтают об этом люди?—спросила она, и раб, густо покраснев, погнал коня вперед, а Неддема, вздохнув, пошла домой.

Когда она пришла, Зейнаб, знавший ее тоску по пустыне, встревожился, и они прошли в любимую комнату Неддемы к фонтану. Здесь часто они проводили целые дни. Образованный Зейнаб целыми часами рассказывал ей обо всем, она понимала все, что он говорил, никогда не забывала, но тосковала все больше и больше. Ее инстинкт хищника пустыни всегда пробуждал в ней интерес к стихам и картинам, если в них была скрытая боль или открыто изображалось убийство. Тогда ноздри ее раздувались, а глаза пристально смотрели на Зейнаба.

Сегодня, придя к фонтану, она сказала:

— Муж мой, спой мне так, как будто меня нет, спой, как будто мы расстались.

Танцовщицы размахивали оружием, блестящим среди белой дымки кисен...

Зейнаб побледнел и протянул руку к инструменту. Через минуту он начал импровизацию и грустно запел.

— Когда я расстался с моею возлюбленною, я надел ей на шею жемчужное ожерелье, в котором каждая жемчужина была моей слезой.

— Это, наверно, приятно,— потягиваясь как львица, проговорила Неддема и вдруг прервала песню.

— Зейнаб! Приходил раб Керим Абдуллаха. Его господин зовет нас в гости.

Зейнаб не стал петь дальше, радуясь тому, что она оживилась.

Им подали паланкин и через час они были у Керима Абдуллаха.

По обыкновению вошли танцовщицы, но Неддема стала просить своего мужа позволить протанцевать ей. Сперва он оскорбился и решил

дома ее наказать, чтобы она помнила, что теперь она придворная короля Хейяца, но друзья стали просить его и когда Керим Абдуллах сказал:

— Зейнаб! дети должны резвиться, когда захотят,— Зейнаб не мог дольше противиться.

Неддема встала с места и обратилась к своему мужу.

— Мой повелитель! я знаю только три танца, но они моего племени. Быстрокружный танец солнца, печальный и мерный танец луны и горестный, неподвижный танец смерти.

Зейнаб наклонил голову и молчал. Его род насчитывал более восьмисот лет, из его рода происходили короли и принцы Хейяца, а теперь его жена будет плясать при чужих людях. Хорошо, что это его друзья и его честь останется незатронутой.

Через некоторое время он услышал, как она потребовала цветов для танца любви и поднял глаза. Бисмилла! перед ним была бродячая бедуинка, но как она была прекрасна!

Керим Абдуллах встал с места и восторженно стал читать стихи.

— В корзине ее ладоней, при быстром танце, голова ее тяжела, как мир. Детский восторг освещает ее лицо и она протягивает нам свои ладони, душистые от роз.

Зейнаб опомнился и увидел, что рука его лежит на рукояти сабли и в упор на него неподвижно смотрят желтые, таинственные глаза Неддемы. Зейнаб что то хотел сказать, но над городом прогрехотал пушечный выстрел, потом другой, третий, и Керим Абдуллах засмеялся.

— А вот и военные новости.—Но лицо его стало серьезным, когда в комнату вбежал запыхавшийся раб и, низко поклонившись, сказал:

— Повелитель Хейяца, его величество король Гуссейн требует к себе принцев Керима Абдуллаха и Зейнаба-эль-Самара.

Керим одним гибким движением поднялся с места и, придерживая саблю, пошел к выходу, а Зейнаб последовал за ним. По темным улицам мимо них лились потоки конницы и Керим, командовавший лучшим полком кавалерии, объяснил Зейнабу.

— Это бедуины, которые будут сражаться с ваххибами, если начнется война. Здесь два племени, и пушечные выстрелы, очевидно, приветствовали их прибытие.

Керим и Зейнаб вошли в приемный зал, где молча прохаживались вожди бедуинов, вооруженные до зубов, и прошли в следующую залу. Негр остановил их, а через несколько минут ожидания к ним вышел престарелый Гуссейн в сопровождении двух европейцев. Это были английские дипломаты. Зейнаб и Керим высокомерно оглядели их, так как считали европейцев за варваров, и Зейнаб любил их называть ворами арабского наследства, при чем всегда перечислял науки и искусства, которые переняли европейцы

у арабов, добавляя всякий раз, что наука доблести осталась для них недоступной. Оба склонились перед своим королем и Гуссейн приветствовал их отеческим поцелуем.

— Керим Абдуллах, ты примешь под свое командование четыре полка бедуинов, которые прибыли, и будешь ждать артиллерию. Она скоро придет, и он оглянулся на англичанина, который почтительно склонил голову, подтверждая сказанное.

— Можешь идти! продолжал Гуссейн. Впрочем, вы любите друг друга, как братья, и я разрешаю тебе остаться.

Зейнаб! сын мой! я хочу дать тебе опасное поручение, от которого ты можешь отказаться.

— Мне нечего терять, отец мой— печально сказал Зейнаб.

— Ужели так скоро? Медленно и грустно спросил Гуссейн. Зейнаб молча наклонил голову.

— В таком случае поезжай! Опасность излечивает храбрых. Я не дам тебе грамоты, так как ее могут увидеть и фанатичные ваххибы убьют тебя прежде, чем ты передашь ее Ибн Саиду.

При этом имени Зейнаб невольно вздрогнул от гордости и Гуссейн засмеялся.

— Я с удовольствием вижу, что ты такой же, как был. Поезжай завтра в Мекку, ты увидишь и услышишь все сам. А потом скажи Ибн Саиду, чтобы он не проливал напрасной крови.

Напомни ему, что мои сыновья, эмиры Ирака и Моссула, опираются на помощь англичан, и скажи ему, чтобы он не рассчитывал на полмиллиона ваххибов в Индии, так как там эти сектанты давно усмирены и подавлены, и его угрозы в этом направлении не лишат меня дружбы европейцев. Скажи ему, что я, халиф правоверных, в последний раз предлагаю ему мирные переговоры или—бисмилла! Пусть нас рассудит меч! Ты все запомнил, сын мой? Ступай!—Гуссейн поцеловал Зейнаба, ставшего на колени, и посыл вышел, не бросив на англичан ни одного взгляда.

Посол халифа Гуссейна.

Близость опасности и важность поручения совершенно изменили лицо Зейнаба. Холодное и бесстрастное, оно не было похоже на лицо влюбленного, и только в глазах таилась глубокая печаль. Он прошел в опочивальню Неддемы и сказал ей, что завтра, по поручению халифа, он должен ехать в Мекку на два месяца. Неподвижный, как статуя, он глядел на радость, разлившуюся по ее лицу, и медленно сказал:

— Береги мою честь, пока я буду в опасности, чтобы на злые языки мне не пришлось отвечать по возвращении ударами сабли.

— Ты придешь попрощаться со мной? коротко спросила Неддема, перебив на полуслове.

— Да! сухо ответил Зейнаб. Он вышел к себе и приказал слуге снаряжить коня. От Мекки до Недгиеда Зейнаб решил ехать с Али Магомой, имя которого гремело по всей Пустынной Аравии.

Али Магома сделал более важное дело, чем постройка колодца на пути каравана, за что в Аравии человека уже считают святым.

Десять лет тому назад сын Али Магомы пошел с караваном в Дамаск, но в красной пустыне разразился такой самум, что вместо каравана в Дамаск пришел только зловещий слух о его гибели. Тогда Али Магома приступил к бесплатной общественной работе, которая на востоке бывает так редко. Он истратил почти все свое состояние, но четыре каравана по пятисот верблюдов восемь раз направлялись в пустыню, отвозя тяжелые камни, и за год работы Али Магома сложил четыре груды камней, отметив гранитными маяками путь караванов. С тех пор, каждое утро караваны, увидев маяк, возносили молитвы, чтобы дух Зизы, сына Али Магомы, не долго скитался среди песчаных дюн, и ради этого дела полки медеейхов ни разу не упали на спину Али Магомы, хотя он по прежнему любил золото и наживу. Когда все было

готово к отъезду, забрезжил разсвет, и Зейнаб пошел проститься с женой.

— Звезда моя! сказал он, будешь ли ты меня помнить? Если нет, скажи сейчас, чтобы я был спокоен за свою честь. Не бойся ничего, ты ведь самая богатая женщина Таифа! Неддема сняла браслет и медленно уронила его на пол.

— Зейнаб! сказала она. Я люблю пустыню, потом тебя, а от этих красивых вещей я скучаю.

— Хорошо! помни, что я сказал все до конца! ответил Зейнаб и, поцеловав ее, вышел и сел на коня.

Когда стало светло, его конь уже миновал долину и бодро шагал, погружая ноги в ползучий песок. По дороге были колодцы, но у луки седла был приторочен мех с водой, а породистый конь мог двое суток обойтись без воды. К тому же вода нужна и врагам, и друзьям, и теперь, в смутные времена, колодцы стали узлами интриг, шпионажа и убийств. Поэтому, завидев чахлую пальму, Зейнаб брал далеко в сторону и делал крюк.

Через пятнадцать часов пути, когда летний день погас, он переспал, растянувшись на горячем песке, а потом поел фиников с водой и снова тронулся в путь. Время текло однообразно, как движение солнца, и на третий день он увидел долину и Мекку и приближающийся караван мухримов (паломников). К каравану из города приехал далиль (руководитель), и целая тысяча людей начала переодеваться, разбросав одежды по земле. Белый ихрам, похожий на погребальный саван из двух кусков материи, надевался прямо на голое тело, и в сандалиях на босу ногу, с непокрытой головой все направлялись к священному городу.

Зейнаб также исполнил обряд переодевания, предписанный законом, и вмешался в толпу. Но вот потянулись улицы Мекки и началась площадь невольничьяго рынка. Мужчины и женщины, подростки и девушки продавались целыми группами и порознь, и рабовладельцы расхваливали их характер и мускулы.

Главным образом это были бену Кходейр (сыновья зеленого), негры, но Зейнаб видел все это много раз и потому спешил к дому Али Магомы. Люди всех национальностей и стран проходили мимо него. Вот несколько тысяч индусов магометан, исполняя обряд хадж, бежали по мрачной священной улице, бормоча молитвы и мелькая белыми ихрамами. Те, кто опередил и добежал до конца, повернули назад, так как пробег должно повторить семь раз, и на это уходит два дня. Из Мессопотамии, Сирии, Азии, Кавказа, бежали мухримы, бормоча молитвы, шлепая босыми ногами и стуча деревянными сандалиями. Для них день Арифата наступит послезавтра и, вероятно, более чем полумиллионная толпа тронется на поклонение в Мединскую долину, так как ежечасно, со всех концов земли, прибывали караваны паломников.

Зейнаб скоро дошел и его встретил сам хозяин с низким поклоном.

— Может быть господин войдет в кгаву (кофейную комнату) и окажет честь моему дому, выпив финджану кофе?

На подушках сидел персидский наиб, желавший нанять караван до Неджеда, и вежливый араб Али Магома делал вид, что не замечает его выкрашенной шафраном бороды и ногтей и четок—этой скверной привычки шиитов. Перс гадал по каждому поводу и задавал вопрос толь-

— Господин, — сказал негр, — может меня убить...

ко после сухого стука янтарной четки. Али Магома и наиб начали ожесточенный торг, и купец заломил небывалую цену, ссылаясь на то, что теперь месяц рамадан и он, сопровождая шиитов к ваххибам, по всей вероятности, рискует жизнью.

Зейнаб отправился в отведенную для него комнату, но когда он хотел уснуть, в дверь раздался тихий стук и на вопрос—кто там, рыдающий голос ответил:—твой раб хочет тебя видеть, о господин!—В комнату вошел человек, и когда Зейнаб поднес к его лицу светильник, то отшатнулся от изумления—перед ним стоял его раб, приехавший из Таифы.

— Господин! еле слышно сказал негр, я не могу говорить. И он провел рукой по запекшимся губам. Тюрбан его был красный от крови.

Зейнаб усадил его, подал глиняный сосуд с водой и раненый долго и жадно пил, и от каждого его движения с плаща сыпался песок.

— Мой повелитель может меня убить, медленно проговорил он, закрывая от слабости глаза, но я сделал все, что мог.

— Говори, не бойся! спокойно сказал Зейнаб.

— В день твоего отъезда из Таифы, медленно заговорил раненый,—госпожа поехала за город. Ее сопровождали я и Джуль. Оба мы были вооружены. Из-за холма песка выехали бедуины и с ними предводитель табора, якобы уехавший в Дамаск. Госпожа наверное знала, что они тут. Она прищпорила коня и сразу оказалась среди них. Господин, я не лгу, она сама перешла на седло к бедуину, и он поцеловал ее и, бросив на песок ее браслеты, сказал:

— Передайте своему господину, чтобы он сам караулил свои караваны, а я буду с ней, и он опять поцеловал Неддему.

Биссила! мы бросились на них со шпагами, господин, за твою честь, но их было девятеро и силы были слишком неравны. Предводитель табора ускакал, и хотя мы свалили трех, это не дало нам победы. Я

получил удар саблей по голове, и когда очнулся, рядом увидал коня. Бедуины не могли его поймать. Я не пошел в город, чтобы разносить по городу позор нашего дома, и оставил браслеты на песке... Зейнаб кивнул головой. Я сел на коня, без воды и пищи, и вот я здесь.

Он покачулся и затих.

Зейнаб наклонился и поцеловал раненого, потом хлопнул в ладоши и приказал слуге Али Магомы позаботиться о нем.

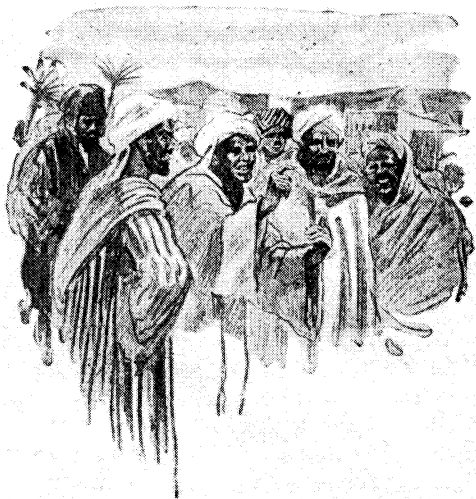
Потом Ель Самар сел возле светильника и, неподвижно уставившись на огонь, просидел всю ночь. Стало совсем светло, когда он опомнился и, совершив утренний намаз, он отправился к центру города, где высокая стена окружала мечеть Аль-Месжудуль. Кольцом вокруг расположилось несколько сот тысяч паломников в белом, которые совершали молитву, одновременно кланяясь в землю и вставая. По данному знаку через все девятнадцать ворот хлынули белые потоки людей. По мраморным дорожкам монотонно шаркали тысячи ног мимо медных резных корчаг индийской работы. Иногда кто-нибудь останавливался и пил, это была вода из бездонного колодца Зем-Зем, дававшая бессмертие.

Зейнаб вместе со всеми поднял руки к небу. Между ними была Кааба. Вдруг с той стороны, где был вделан небесный камень, окованный серебряной полосой, открылась небольшая дверь, и слабо блеснули золотые литые кувшины, висящие на веревке в Каабе. Оттуда вышел человек, и Зейнаб содрогнулся.

Это был медейях, бродячий дервиш ваххибов. Там, внутри Каабы, в сердце святыни халифы несколько столетий хранили все государственные тайны Хейяца, и договоры с европейцами были известны Ибн Саиду.

Дервиш заговорил, и с первых же слов Зейнаб невольно схватился за левый бок, там, где всегда была рукоять сабли.

— Спасите святыни божие, кричал дервиш, ударяя себя в грудь. Самозванный халиф хочет сделать

— Самозванный халиф хочет вас сделать рабами европейцев—кричал дервиш....

вас рабами европейцев. Европейцы, которых убивали согласно закона, если они проникали сюда, теперь дали вам своего халифа. Нечестивые бедуины, солдаты самозванного халифа, за золото будут убивать вас, вырубят пальмы ваших садов и выпустят колодцы ваши в песок, чтобы вы были рабами англичан.

Громоподобный вздох толпы и гул от ударов в грудь были ответом на речь оратора. Дервиш продолжал оскорблять халифа и кругом поднялись вопли: Ислам! Ислам! Дервиш соскользнул с возвышения вниз в толпу и начались обычные молитвы.

За весь день Зейнаб не увидел здесь, около Каабы, ни одного бедуина и когда, при выходе, он остановил мухримов и нарочно спрашивал их, не случилось ли сегодня чтонибудь новое, то никто ни одним словом не обмолвился ему о проповеди медейяха, а какой то индес спросил:

— Не соглядатай-ли ты короля Гуссейна?

Вслед за вопросом тесно сгрудилась толпа и Зейнаб с трудом успокоил людей, из глаз которых смотрела смерть. Мрачный и молчаливый направился он к дому Али Магомы и всю дорогу думал о том, что война грянет со дня на день.

Страна врагов.

На рассвете Али Магома выступил с караваном и к вечеру началась страна ваххабитов. Зейнаб ехал на верблюде в плетеном тюрдюфе и, упираясь ногами в дно, чтоб меньше качало, терпеливо слушал как где то недалеко булькала вода в кирбе, сшитой из овечьих шкур. По другую сторону в такой же кубической плетенке сидел Али Магома.

Зейнаб старался не выходить лишний раз из тюрдюфа и ехал с опущенным занавесом, чтобы не показывать своего лица.

До Задика, где сейчас находился Ибн Саид, было больше двух недель пути, но уже через три дня Зейнаб начал беспокоиться. Оба колодца, которые они встретили, были мутны и вода разлита из водоемов. Здесь не только пили воду, но и купались, а это бывает только во время войны, когда каждый думает о себе. Подле второго колодца они увидели на земле трупы двух изрубленных бедуинов. Очевидно они пролежали здесь не меньше трех дней, так как жгучее солнце совершенно высушило мертвецов и их кости были туго обтянуты высохшей кожей.

На пятый день караван вошел в узкую щель, заваленную обломками скал, и верблюды медленно пробирались по опасным карнизам, а впереди каравана, на поворотах, мелькали зловещие белые плащи ваххабитов.

— Эль бегед би ахлихи (о стране надо судить по ее обитателям) громко сказал Али Магома по другую сторону верблюда, когда к вечеру караван выбрался на ровное место.

Зейнаб откинул занавес тюрдюфа. В стороне буграми тянулось кладбище ваххабитов и ни одна могила не имела памятника, так как, по мнению ваххабитов, ни один отдельный человек не заслуживает, чтобы имя его сохранилось перед лицом всего племени. И в первый раз подумал Зейнаб о грозной силе этих людей, слившихся в одну массу и прееребравших собой. Каждая могила

женщины была придавлена парой тяжелых камней, так как из-за них мужчина начинает любить роскошь и приобретать собственность.

Пустыня молчала и даже Зейнабу, хорошо знавшему эту страну, многое было непонятно... За неделю пути они не встретили никого, хотя тревожный храп коней при ночных остановках и свежий конский навоз у колодцев и по пути, обозначали, что вокруг караванов неотступно рыщут неизвестные всадники.

Али Магома опасался, что бродячие бедуины ждут удобного случая для нападения и бдительного расставлял на ночь часовых, уложив вокруг верблюдов, но нападения не было и Зейнаб решил, отделившись от каравана, ехать вперед верхом, так как эти зловещие признаки обозначали близость войны и посол боялся опоздать со своей миссией.

На утро Зейнаб пересел на коня и, взяв в запас лучший свой плащ, отважно тронулся вперед. За один час он обогнал караван. На третий день пути, когда у него окончились финики и последнюю воду пришлось отдать коню, к вечеру показались кровли Коби.

В этом году пост рамадана был летом и ваххабиты, не принимавшие ни воды ни пищи от зари до зари и проводившие ночь в молитве, днем должны были бы спать поголовно, как они всегда делают в таких случаях, но теперь Зейнаб увидел, что все крыши были усеяны вооруженными людьми.

Какой то караван заворачивал за угол и перс купец, высунувшись из тюрдюфа с отчаянием закричал Зейнабу, что каравану не позволено на ночь располагаться в Кобе и они идут в пустыню.

— Проезжай, не останавливайся! закричал с крыши какой то старик, обращаясь к Зейнабу.

Посол понял, что ваххибы кого то оберегают и решительно остановил коня. Из за угла кривой узкой улицы показалось целое шествие. Медейяхи шли с факелами, освещая дорогу, а за ними, с саблями наголо, двойным кольцом поперек ули-

цы медленно двигались войны. Зейнаб огляделся и увидел Ибн Саида, который на целую голову был выше всех.

Зейнаб прыгнул с коня, вынул из седельной сумы драгоценный плащ, усеянный камнями и жемчугом, и, сбросив его на себя, медленно пошел навстречу.

Через несколько шагов медейхи яростно завопили, но Ибн Саид поднял руку.

— Жестокой смертью умрет тот, кто поднимет руку на посла, торжественно сказал он и конвой расступился перед Зейнабом.

— Приветствую тебя, сын мой! ласково обратился он к склонившемуся послу, которого он раньше знал в лицо. — Я иду в мечеть, ты пойдешь со мной, а потом мы поговорим о делах. Я рад, что ты так хорошо одет, сын мой, — добавил он и в голосе его зазвучала насмешка.

— Я последний из слуг священного халифа, ответил Зейнаб, но Ибн Саид добродушно засмеялся и ударил его по плечу.

— Не будем ссориться раньше времени, — сказал он тронулся вперед.

Зейнаб стал рядом с его ад'ютантом и шествие продолжалось. Когда они вошли в мечеть, на мраморном балкончике для проповедников появился мрачный медейх.

— Братья! Сегодня вы увидите здесь богатого молодого человека, который носит на плаще жемчуг и золото. Да вот он уже здесь, насмешливо сказал он, протянув руку и все оглянувшись на посла, а Ибн Саид засмеялся. — Он привез новости, продолжал дервиш. Мы должны признать Гуссейна халифом. Толпа дрогнула от негодования, но дервиш продолжал: — мы должны забыть наших братьев в Индии, Эмиры Ирака и Моссула против нас, но, братья, — продолжал дервиш, подняв руки к небу, и голос его стал грозным. — Пусть сердце ваше не содрогнется перед борьбой. Пусть не прельстит вас украденный труд, нашитый на плаще этого человека драгоценными камнями, и слезы его рабов, упавшие

жемчугом на его плечи. Дети Аравии! Только ваши сабли освободят вас от европейцев. Истинный халиф Магмета, нищий Ибн Саид, да пронесет и слам с мечем в руке по нечестивым народам.

Истущим воплем:

— Клянемся! отвечала толпа и клинки сверкнули в воздухе.

— Не сердись на него, — улыбался Ибн-Саид. Ты видишь, меня он обругал нищим, тебя — богатым. Этим фанатикам угодить трудно, и, совершив краткую молитву, король направился к выходу.

Войдя в бедную комнату, сел на жесткую подушку и, усадив Зейнаба, выслав ад'ютанта из комнаты.

— Говори, сын мой! я слушаю, сказал он.

— Мне нечего говорить — печально опустив голову сказал Зейнаб. — Тайны моего короля носит ветер по всем пустыням.

— Мне тебя очень жаль, сказал Ибн Саид, я люблю храбрых. Говорят, твои семейные дела тоже совсем плохи.

В его голосе было искреннее участие и Зейнаб с благодарностью посмотрел на него.

Ибн Саид поднял руку: — Жестокой смертью умрет тот, кто поднимет руку на посла, — торжественно сказал он.

— Ты великий человек, Ибн Саид, сказал он, даже маленькую песчинку видишь ты во время самума.

— Утешься и ложись спать, сын мой, перебил его Ибн Саид, только не жалуйся, что подушки жесткие. Глаза его засветились лукавством и он продолжал. Я так много денег отдал англичанам за пушки, которые скоро будут около Таифа, что у меня ничего не осталось на шелковые одеяла.

Зейнаб слушал, потрясенный таким беспримерным предательством англичан, а Ибн Саид встал и с усмешкой добавил:

— Да скажи когданибудь Гуссейну, чтобы он меньше верил бедуинам. Они слишком любят золото. И, бросив ласковым голосом эту последнюю страшную угрозу мраморным дворцам Таифа, Ибн Саид вышел из комнаты.

Воин, низко поклонившись, внес в комнату блюдо вареного риса и Зейнаб, с'ев одну горсть растянулся на подстилке из грубой верблюжьей шерсти и заснул.

Пушечный грохот, заставил его вскочить на ноги и он бросился к двери. На улице, окруженный своей свитой, стоял Ибн Саид и факелы воинов бросали красные блики на его плащ.

— Ты не спишь, сын мой? спросил Ибн Саид Зейнаба и, не дожидаясь ответа, со смехом прибавил. Тебя верно разбудил выстрел из пушки, но тут приехали два бедняка, которые заявили, что видели молодой месяц и мы празднуем окончание рамадана. Зейнаб принес свои поздравления, но в это время слышался грозный топот и лавина вооруженных медейхов пронеслась мимо по улице.

Покрывая гром копыт, Ибн Саид вскричал:

— Я, Халиф Магомета, отпускаю вам ссегейр денуб (малые грехи), но кебейр эдд (смертные грехи) вы смоете кровью врагов.

Копья склонились и сталь длинных сабель сверкнула вниз, но всадники мчались, не отвечая ни слова.

— Куда едут эти люди? холодно спросил Зейнаб Эль Самар.

— Это богомольцы—отвечал Ибн Саид. Ты видишь, они спешат в Мекку. И повернувшись он стал отдавать приказания.

По темному небу, покрывая пламенное мерцание звезд, сверкнула зарница, потом еще и еще, и глухие удары пушек раздались далеко в пустыне.

— Ты громко празднуешь конец рамадана, Ибн Саид,—горько сказал Зейнаб, но тот сделал вид, что не слышит.

— Войдем в дом, сын мой, тут холодно и ты простудишься—ласково обратился он к Зейнабу и посол мрачно шагнул за ним, решив не говорить ни слова.

Ад'ютант Ибн Саида почтительно подал Зейнабу целое блюдо бананов и фиников, но Зейнаб, протянув руку в камин, взял горсть золы и высыпал на фрукты.

— Зейнаб! я люблю тебя, грустно сказал Ибн Саид, оставайся со мною, твоя смерть в бою никому не поможет, но Зейнаб отрицательно покачал головой и Ибн Саид хлопнул в ладоши.

— Подать принцу коня и оружие, пусть его проводят на поле брани.

Зейнаб не успел поблагодарить, как в комнату вбежал ваххабит, залитый кровью и засыпанный песком.

— О халиф правоверных! бедуины перешли на нашу сторону, как обещали, но Керим Абдуллах со своим полком все-таки пробивается к Таифу и меня прислали за помощью.

— Неужели я, старик, возьму в руки саблю? — грозно сказал Ибн Саид и что то приказал ад'ютанту, но Зейнаб, услышав, что Керим Абдуллах погибает, выбежал на улицу и воздуху на коня.

День встреч.

Когда Зейнаб выехал из Коба стало светать и, оглянувшись, он увидел, что за ним следует спутник. Недалеко в стороне вспыхнула частая ружейная стрельба.

— Господин! сказал ваххабит останавливая коня, нам надо ехать туда, там твои братья.

День наступил и Зейнаб увидал с полсотни всадников, которые мчались к Кобу, и все отчетливее были видны их белые плащи. Выстрелы ваххабитов гремели с высоких пальм, окружавших оазис. Иногда отдельные кони подымались на дыбы и падали, но остальные воины гнали коней во весь опор. Это было покушение на самого Ибн Саида и Зейнаб вздрогнул от волнения. Если даже они не достигнут цели, то наде-

Со всего хода Зейнаб ворвался в толпу наперерез и, нанося и отражая удары, стал пробираться к своим. Это были аристократы Таифа. Они сбились в кучу и падали один за другим. Загремели в упор выстрелы из кремневых пистолетов и сквозь дым и пыль Зейнаб близко увидел лица ваххабитов. Два раза он ударил по голове одного, потом другого, но тут что то сильно ударило его в плечо и он грохнулся на ле-

...Навстречу атакующим вылетело несколько сот человек и облако пыли закрыло место схватки.

ают такого переполоха, что резервы замедлятся и Керим Абдуллах пробьется к Таифу.

Пока он размышлял таким образом, позади грянул пушечный выстрел и над атакующими рвануло желтое облако английской шрапнели. Зейнаб с ужасом подумал о бронзовых пушках Гуссейна и, отпустив ваххабита, быстро снял тюрбан и, распустив длинную материя, навязал ее серединой на острие копья. Так делал пророк в дни великих сражений. Но прежде, чем он покрыл половину расстояния, из Коба волнующимся галопом навстречу атакующим вылетело несколько сот человек и через минуту облако пыли закрыло место схватки.

сок, упустив повод и выронив саблю.

Ему показалось, что он только на мгновенье закрыл глаза, но когда он очнулся и поднял голову, он понял, что прошло несколько часов.

Кругом все было тихо. По песку в разных местах валялись трупы и белые плащи, залитые кровью, были как крылья убитых птиц.

Зейнаб встал и с трудом сделал несколько шагов.

Недалеко лежал убитый конь ваххабита, с деревянным седлом и в тороках Зейнаб увидел кирбу с водой. Напившись, он с горестью посмотрел на товарищей, которым судьба во время послала смерть, и прислушался. Со стороны Кобы донесся про-

тяжный шум. Зейнаб лег. Вереницей, сопровождаемые всадниками, в сторону Мекки и Таифа дребезжали английские пушки. Артиллерия шла чуть не рысью, торопясь к ближайшему колодцу, так как с севера начались легкие порывы ветра и можно было ожидать бури. Поглядев в сторону, Зейнаб увидел нечто, отчего сердце в нем упало. Бедуины в своих черных накидках крались пешком, как гиены на падаль, прячась за холмы песка, и мысль о том, что его раненого и беспомощного прирежут мародеры, заставила его застонать. Зейнаб опустил на бок и, положив руку на рукоять пистолета, прикрыл глаза. Скоро он услышал вопли и проклятия. Бедуины добивали раненых и грабили их. Потом совсем близко показалась какая-то фигура, которая, наклонившись, шла к нему и когда черная накидка была совсем близко, Зейнаб открыл глаза, поднял руку и выстрелил. Бедуин взмахнул руками и упал навзничь. Остальные обратились в бегство, так как выстрел могли слышать ваххабиты и тогда разбойников ждала лютая смерть.

Не зная почему, Зейнаб вскочил и сделал несколько шагов.

— Алла! перед ним на песке лежал убитый начальник табора, похитивший Неддему. Зейнаб вернулся, поднял саблю, перевязал плечо и внимательно осмотрелся. Какая-то мысль жгла его и глаза его горели от мрачной ненависти.

Между дюн уныло бродили кони со сбившимися на бок седлами и, преодолевая боль и слабость, Зейнаб приблизился к одному из них и поймал за повод. С трудом поднялся он на седло и поехал шагом.

Ветер усиливался, вздымая песок, и дышал таким зноем, что даже привычный конь отворачивал голову, но, закрыв рот плащом, Зейнаб все осматривался по сторонам и почему-то вдруг свернул в сторону и стал кружить между дюн, как орел в небе.

А! а! за холмом бедуинские женщины устанавливали черный шатер, чтобы укрыться от приближающейся бури и среди них была Неддема. Она увидела мужа и осталась стоять неподвижно, скрестив руки на груди.

Зейнаб направил коня к ней. Неддема стояла грязная, оборванная. Она похудела и была еще более прекрасна, чем всегда, и голубые звездочки татуировки на лбу и щеках были отчетливо видны, так как ее белую кожу не обжигал даже зной пустыни. Она открыто и прямо смотрела в глаза Зейнабу и ее печальная улыбка выражала ее искреннее сожаление, но Зейнаб поднялся на стременах и холодно сказал:

— Сегодня день встреч.

Вслед за тем раздался короткий скрежет железных ножен, широко сверкнула сабля и ужасный звук глухого удара слился с коротким стоном. Убийца спрыгнул с коня и, отбросив окровавленное оружие, пошел на встречу самому. Небо стало медно красным и внезапные сумерки

разостлались, закрыв яркий голубой день. Валы песчаного океана пришли в движение и вихри песка хлестали убийцу, а он, шатаясь и падая, шел на встречу своей смерти, потому что не хотел умереть от руки палача.

ТАЙНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ.

VII

ТАЙНА АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ.

Рассказ К. Фезандие. С английского.

Выдержка из книги Фредерика Садди „О радие“:

Открытие радия привело к новым заключениям в нашем представлении о материи. Древние философы уже знали, что атомы всякого тела составляют особую планетную систему. Но только современная наука познала, что булыжник заключает в себе достаточно атомной энергии, чтобы взорвать целый город. Ученые пытаются теперь найти способы использования этой скрытой энергии. Надо надеяться, что они не найдут их, пока люди не научатся разумно пользоваться огромными силами, скрытыми повсюду вокруг нас.

Глава I.

— Пеп, — радостно крикнул доктор Хэкенсоу, — я нашел!

— Что ты еще нашел? — спросила мисс Пепита Перкинс, неохотно отвываясь от романа, который читала.

— Я только что сделал величайшее в мире открытие!

— Я слышу это от тебя не в первый раз. Каждое новое открытие кажется тебе величайшим из всех, сделанных до сих пор.

Доктор Хэкенсоу засмеялся.

— Да, — сказал он, — я думаю, что в этом отношении исследователи похожи на матерей: — их последний ребенок кажется им всегда лучшим.

— Так какое же ты сделал открытие на этот раз?

— Я нашел способ освобождать атомную энергию!

Пеп посмотрела на него с недоумением.

— Что это такое? — спросила она.

— Да неужели же ты никогда не слышала об атомной энергии? Так я объясню тебе с самого начала, чтобы ты лучше поняла. Прежде всего скажу тебе то, что давно уже известно: материя содержит в себе скрытые запасы энергии, которая могла бы освободиться при известных условиях. Кусок угля, например, кажется лишенным каких бы то ни было сил. Однако, когда мы его зажигаем, в угле оказывается достаточно сил, чтобы двигать наши поезда и паро-

ходы. Но мы поняли только с открытием радия, что всякая материя заключает в себе огромные невидимые силы. Если бы мы только знали способ, мы извлекли бы гораздо больше пользы из булыжника, чем из куска угля того же размера. Оба кажутся одинаково неподвижными и безобидными, но в них заключаются те же силы. Ураний очень медленно перерождается в радий, радий — в свинец, и при этом процессе освобождается большое количество радия. Тут перерождение происходит естественным путем. Мы не знаем способов ускорить или замедлить его. Ученые уверены, что всякий элемент, превращаясь в нисший, должен освобождать известное количество энергии, и считают, что превращение хотя бы урания, происходит очень медленно — так медленно, что процесс этот совершенно незаметен. Надо было найти способ ускорить его. Если дать куску дерева разрушиться, то процесс этот даст столько же жару, как если бы этот кусок дерева сгорел, но разложение потребует годы, а не часы. Мы должны зажечь этот кусок дерева, чтобы получить жар или энергию сейчас же. Так же точно мы должны зажечь уголь, чтобы получить энергию из угля. Нужно только зажечь уголь и он будет гореть безконечно долго. То же самое должно произойти и при извлечении энергии из камня. Нам лишь нужно дать так сказать толчек пе-

перерождению, зажечь атомный огонь. Раз начавшееся перерождение будет развиваться достаточно „жара“, чтобы продолжать процесс. Мое открытие заключается в том, что я нашел способ, как давать толчек движению молекул и атомному перерождению в камне или, вернее говоря, в песке, так как камни, по моему мнению, слишком велики и с ними опасно иметь дело. С песком легче действовать и его можно получить везде.

— Фью!—свистнула Пеп.

— Я долго колебался обнаружить ли мое открытие. Моральное развитие человечества идет медленнее научного прогресса и опасно дать людям в руки слишком много могущества. Новые изобретения, как автомобиль, аэроплан, пароход используются для войны, для убийства людей, а взрывчатые вещества столько же служат для военных целей, как для прорытия каналов и других полезных работ. Открыть людям секрет атомной энергии, благодаря которой достаточно одной тачки песку, чтобы взорвать Нью-Йорк,—это все равно, что дать в руки двухлетнему младенцу бритву или бомбу. Он наверняка убил бы себя и причинил бы огромный вред окружающим. До сих пор я держал свое изобретение в секрете, но в то же время, втайне, делал приготовления к использованию энергии для различных целей с огромной пользой для человечества.

Я выбрал агентов из людей, на которых вполне можно положиться, но ни одному из них не открыл настоящего секрета — способа давать толчек к перерождению и не менее важного способа — прекращать его, вернее говоря,—уменьшать его разрушительную силу. Дело в том, что до сих пор я не нашел средства сразу прекращать этот процесс. Я только могу изолировать горящую часть и дать ей потухнуть, когда перерождение закончится.

Я употребляю термин — горение, потому что он мне удобен, хотя в этом процессе вообще с настоящим сожжением только то, что материя при этом процессе освобождает энергию, а эта энергия, как и тепло, мо-

жет быть превращена в свет, звук, жар, электричество.

— Как ты ее изолируешь?—спросила Пеп.

— Ах, дитя мое, эту задачу было трудно разрешить, но это было необходимо сделать с самого начала. Иначе, если бы я начал перерождение малого количества земли, огонь,—если можно его так назвать,—распространился бы вокруг, камни и скалы начали бы также перерождаться и сгорел бы весь земной шар. Представь себе, что земля—шар из угля, и его подожгли бы с какой-нибудь стороны. Огонь распространился бы до тех пор, пока слой пеплу не был бы достаточно толст, чтобы помешать проникновению воздуха и дальнейшему горению. В некоторых угольных копях годами продолжалось угольное горение. Но довольно этих разговоров. Завтра утром я отправляюсь на аэроплане, чтобы посетить некоторые мои атомные предприятия. Я рад буду, если ты захочешь поехать. Первая остановка будет на моих плантациях на Южном Полюсе. Я три месяца тому назад привел там песок в состояние горения и мы должны уже иметь осязаемые результаты.

Г л а в а II.

Полярные страны стали тропическими.

— Вот мы и приехали, Пеп!—воскликнул доктор Хэкенсоу, снижая аэроплан возле леса высоких пальмовых деревьев.—Что ты скажешь по поводу того, что я выращиваю в полярной стране пальмы?

Пеп не верила своим глазам. Перед ней был типичный тропический ландшафт с финиковыми, банановыми и кокосовыми пальмами, с лугами, покрытыми травой и разнообразными цветами. И все на расстоянии не более пяти миль было окружено безконечной пустыней полярного льда.

— Как ты это сделал, Док?—воскликнула Пеп.

— Очень просто. Чтобы превратить полюс в тропики, нужно тепло,

а любая энергия может быть превращена в тепло. Мы находимся на южном материке и тут, конечно, достаточно земли, которая мне даст атомной энергии на тысячи лет. Я привез с собой небольшое количество мелкоистолченного песка, чтобы начать процесс перерождения. Я, ведь, должен был растопить лед, чтобы добраться до земли. После этого я мог измельчить и просеять через решето землю для топки. Я употребляю слова „топка“ и „просеять“ потому, что других слов для этого еще не существует. Мне нужна почти неосязаемая пыль, чтобы удержать атомную энергию под контролем. И еще эту пыль я должен разжижить нейтральным газом, иначе мои машины разлетелись бы на куски.

— Но, ведь, ты мне говорил, что начал здесь работы только три месяца назад?

— Да.

— Но у тебя здесь растут пальмовые деревья старше пятидесяти лет и полные плодов?

— Да, Пеп. Я думал, что ты знаешь, что в настоящее время большие деревья пересаживаются так же легко, как и маленькие. Некий гений нашел, что удача пересадки зависит от количества сохранившихся корней. Садоводы целыми годами готовят деревья для пересадки. Они загибают корни растущего дерева так, чтобы новые ростки выходили у самого дерева. Через несколько лет все корни окружают пучком ствол, вместо того, чтобы расплестись на сто футов в окружности. Взрослое дерево со всеми корнями

легко пересаживается, и можно выстроить себе дом в пустыне и в течение месяца обсадить его такими деревьями, вместо того, чтобы ждать пятьдесят лет, пока они вырастут. Я нашел эти деревья уже готовыми и построил специальный аэропландроги, чтобы перевести их, как только приготовлю здесь почву.

А как тебе нравится моя ферма на Южном Полюсе? У меня здесь соединены тропики, умеренные стра-

ны и полюсы. У меня может быть знойная летняя погода, а в расстоянии пяти миль можно кататься на коньках и санках и охотиться на полярных медведей и тюленей. Воздух у меня здесь почти совершенно чистый, хотя это, конечно, не надолго. Когда ты достаточно налюбуйешься на все, прыгни в аэроплан и я свезу тебя в пустыню Сахару и покажу, чего достиг там с помощью этой же атомной энергии. Ты оценишь мое изобретение, когда увидишь, как, благодаря ему, можно сделать обитаемой

Перед нею был типичный тропический ландшафт, а на расстоянии 5 миль была пустыня полярного льда.

для людей каждую область земли.

Глава III.

Канал через Сахару.

— Мы в Тунисе, Пеп, и ты увидишь здесь начало моего канала через Сахару. Канал проходит через пустыню Тимбукту. Даже с помощью атомной энергии было не легко прорыть эти сотни миль в пустыне и влить в них воды Средиземного моря.

Тут мне нужно было не просто тепло, а взрывчатая энергия. Меня заставляли задумываться две вещи. Первое было, что взрыв уничтожил бы изоляторы и перерождение распространилось бы на всю пустыню. Второе—это, что взрыв отбрасывал бы соседние песчинки на расстояние и задерживал бы работу до нового взрыва.

Употребляя песок в виде очень тонкого порошка, я избегал первой опасности. Порошок перерождался легко, но не развивал достаточно энергии, нужной для того, чтобы начать перерождение обыкновенного песка. Таким образом мне не надо было заботиться об изоляторе, Мне нужно было урегулировать взрыв, чтобы пользоваться удобным инструментом, который я мог бы возить в автомобиле и с помощью рукава медленно соединять пыль с нейтральным газом. Пыль должна была взрываться, как только она касалась земли. Это была медленная работа, но еще медленнее было бы превращать энергию в тепло и этим теплом двигать землечерпалку, прорывавшую бы канал.

Теперь мы полетим вдоль берегов канала к Тимбукту. Ты уже сама видишь преимущества этого нового канала в пустыне, потому что вдоль его берегов уже расположились кочевья арабов. Там же, где я взорвал небольшие озера, уже выросли целые деревни.

Радость доктора была велика, когда он увидел корабли, идущие по каналу через Сахару.

— Но я думала,— сказала Пеп,— что вода в Средиземном море соленая.

— Это так и есть, но ее дистиллируют и делают, таким образом, возможной для питья. Кроме того, колодцы снабжены достаточным количеством свежей воды. Соленая вода годится вполне для орошения, так как соль фильтруется, когда вода проходит через песок.

Радость доктора Хэкенсоу была велика, когда он увидел, как несколько кораблей уже делали первый рейс по каналу.

— Не много времени пройдет,— сказал он.— как вдоль канала побегит поезд.

Часа через четыре они достигли Тимбукту и переночевали там.

— А теперь,— сказал доктор Хэкенсоу молодой девушке,— я покажу тебе еще одно достижение, к которому привела победа над атомной энергией. Ты видела на Южном Полюсе, как легко переделать полярные области.

Тут ты видишь, как я переделываю эту пустыню, более обширную по размерам, чем Соединенные Штаты. Дальше я тебе покажу, как могу победить даже океан. Это великое открытие, так как на поверхности земного шара столько же воды, сколько земли. Мы теперь отправляемся к новому матерiku, так как я начал создавать новую землю в центре Тихого океана.

„Материк Тихого океана“ — новая земля.

— Что это!?

— Да, Пеп. Скоро на карте появится новый материк. Ты, вероятно, знаешь, что во время землетрясений

поднимались над водой и также исчезали целые материки. Мне пришла в голову мысль произвести искусственное землетрясение с помощью атомной энергии и, таким образом, создать для своих собственных нужд материк. Колумб открыл Америку, я же пойду дальше: я создам свой „Материк Тихого океана“.

Работы уже начаты. Я выбрал приподнятую часть морского дна. В древние времена здесь, вероятно, уже существовал материк. После долгих соображений, я с помощью подводных лодок, приспособленных для больших глубин, начал освобождать под дном океана атомную энергию так, чтобы медленно поднять это дно, как оно иногда поднимается естественным образом. Чтобы упростить работу, я поднял этот остров в виде кольца, с лагуной в центре. Потом я могу поднять середину и закончить таким образом мой остров. До сегодняшнего дня я поднял только один островок в виде эксперимента. К этому я прибавлю другие острова и, наконец, составлю из них материк.

Поездка к новому острову была очень скучна для Пеп, хоть она и развлекалась тем, что сидела за рулевым колесом. Когда же, наконец, появился остров, она была разочарована при виде грязных берегов. Единственной растительностью их были мертвые и неприятные на вид морские травы,

среди которых валялись полуразложившиеся рыбы и морские чудовища.

— О, не надо здесь спускаться,— воскликнула Пеп,—это такое ужасное место!

Хорошо,—согласился доктор Хэкенсоу, обоняние которого тоже было оскорблено.— Подождем, пока здесь все вычистят и засадят. Я уверен, что ты приедешь тогда сюда с удовольствием. Запомни мои слова, что немного времени пройдет, пока у меня здесь будет целый большой материк. Потом я построю перешеек, чтобы с одной стороны соединить его с Китаем, а с другой,—с Соединенными Штатами, и у нас будет Транс-Тихоокеанская железная дорога.

И я буду добывать на своем новом материке атомную энергию для народов всего мира в виде света, тепла и силы. Народы будут ею двигать свои корабли, поезда, и фабрики и, вообще, все машины. А теперь—домой!

Глава IV.

Изобретатель—конкурент.

— Послушай, Поп,— воскликнула Пеп Перкинс, не ты один нашел атомную энергию. Вот еще один изобретатель!

— Я поднял этот остров в виде кольца, с лагуной в центре...

С этими словами она передала доктору газету и указала на объявление:

„Атомная Энергия“.

Нижеподписавшийся извещает правительство всего мира, что он открыл секрет атомной энергии и способ ее использования. Другими словами, он нашел силу, которая даст любой нации возможность легко уничтожить неприятеля.

Я предлагаю мой секрет правительству, которое даст мне за него наивысшую цену. Предложения прошу делать в этой же газете.

Как образец силы этой атомной энергии будет взрыв, который я произведу на месте карусели в Центральном парке в субботу, в пять часов дня. Властей просят принять предосторожности против несчастных случаев.

И. З. Обретатель.

Доктор Хэкенсоу читал это объявление нахмурившись. Он желал добра своим ближним, но все же для него было ударом сознание, что его предупредил другой изобретатель. Вдруг, громко вскрикнув, он подбежал к несгораемому шкафу, где держал свои ленты. Для удобства и безопасности он заготовил большие свертки лент, вроде телеграфных. Эти ленты были покрыты тонкой пылью, связанной одним химическим веществом. Таким способом доктор мог контролировать атомную энергию.

— Пеп, — воскликнул он полурадостно, полуогорченно, — этот человек мошенник! Он ничего не изобрел. Он просто украл множество моих заготовленных лент. И еще—

он украл одну из моих радио-машин, чтобы произвести перерождение. Я должен сейчас же заняться этим делом. Неизвестно, какой вред может причинить человек, не имеющий понятия об этом веществе.

Глава V.

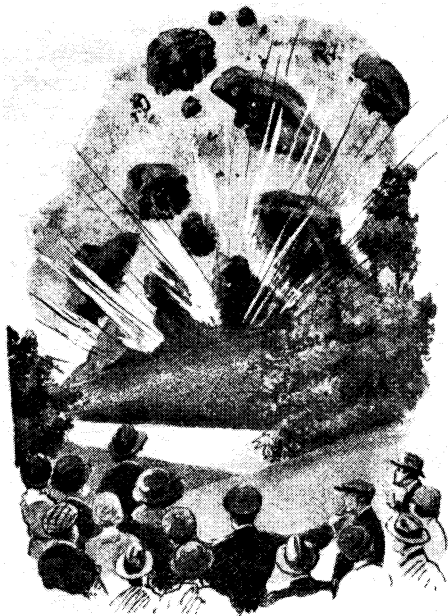
Настала суббота и вся местность вокруг карусели в Центральном парке была запружена любопытным народом.

Без четверти пять, маленький мальчик пробрался сквозь толпу и передал начальнику полиции листок бумаги. На нем было написано:

В виду большой толпы я взорву не карусель, а скалы на футбольном поле.

И. З. Обретатель.

По случаю предстоящего опыта, был установлен громкоговоритель и начальник полиции объявил о перемене программы. Все взгляды устремились на скалы, знакомые всякому жителю Нью-Йорка. Поколения детей скатывались с них и если бы вы спросили, почему

Скалы рассыпались на куски при ужасающем взрыве.

их поверхность так отполирована, вам большинство ответило-бы, что это сделали задние места панталон мальчуганов, катавшихся тут. На самом же деле скалы эти были отполированы самой природой много тысяч лет назад, в ледниковом периоде, когда лед прорыл цепь Великих Озер и тех малых озер, которые так украшают Соединенные Штаты.

Когда часы пробили пять, земля начала заметно дрожать. Это дрожание усилилось и много людей попадало на землю. Потом огромные скалы в южной части футбольного поля стали медленно подниматься на воздух.

Раздались громкие удары, скалы рассыпались на куски и, при ужасающем взрыве, были разбросаны в разные стороны. Колебание почвы продолжалось еще пять минут, но не было видно, что происходит, потому что все вокруг было окутано облаком пыли. Представление было окончено!

Глава VI.

— Все в порядке, Пеп,—воскликнул на следующий день доктор Хэкенсоу.—Обманщик наказан по заслугам и страна спасена!

— Но как же это случилось? Он погиб при взрыве?

— Нет, его постиг более прозаический конец. Он приехал в парк на автомобиле. Таким способом он мог совершенно спрятать от любопытных взоров радио-аппарат для про-

изводства перерождения. Но он так торопился уехать, что столкнулся с другим автомобилем и был убит. Я читал отчет об этом в газете и описание радио-аппарата и красных лент сразу мне все объяснило. Полиция не знает, чей это был автомобиль и мне не нужно хлопотать о возвращении этих лент. А на будущее я спрячу эти сильные разрушительные машины в самых надежных помещениях. Они слишком опасны, чтобы подвергаться риску.

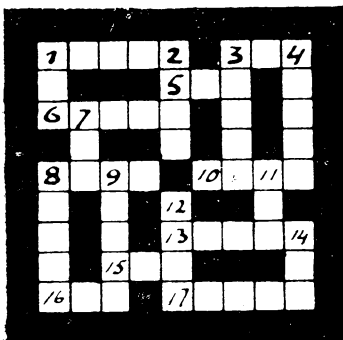
Я, вообще, начинаю бояться, что мне придется отказаться от всех моих планов применения атомной энергии. Мир еще не достаточно развит, чтобы уметь разумно использовать ее. Наши войны стали бы еще более разрушительны и человечество по своей глупости могло бы окончательно смести себя с лица земли.

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА.

Отдел под редакцией В. П. Мелентьева.

(см. „Мир Приключений“ № 2).

ЗАДАЧА № 3.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

№ 1.

Г	Р	О	М	К	Р	У	Г
Р	О	Л	Р				
О	О	Р	Г	И	Я	И	
Г	О	Н	Г	О	Л	А	Ф
			А			И	
Т	И	Г	Р	И	К	Р	А
А	Р	Е	М	Н	И	Н	
Р		П	О			И	
А	Р	Ф	А	К	Р	И	С

№ 2.

Р	У	К	А	С	К	И	Т
А	Л			А	Р		
С	Т	О	Н	А	Р	К	А
А	К	О	Ш	К	А	П	
			М	Т			
С	П	Е	Р	Е	Ц	Н	
К	А	И	Р	Р	И	Г	А
А	С			А	У		
Т	О	К	И	Г	Н	О	М

Значение слов в задаче № 3:

Горизонтальных: 1) Части улья. 3) Мера площади. 5) Германский бог. 6) Спортивные принадлежности. 8) Спор. 10) Плоскогорье. 13) Правило. 15) Глаз. 16) Река. 17) Судья красоты.

Вертикальных: 1) Канавка. 2) Английский учебный центр. 3) Английский король. 4) Произведение. 7) Кушанье. 8) Военная экспедиция. 9) Сверток. 11) Город. 12) Васнописец. 14) Часть лица.

НА МЕЛЯХ ТУЛАНГА

Рассказ Германа Георга Шеффауера.

Китайское море раскинулось, сверкая, точно расплавленная ртуть. Как легкая, прозрачная завеса трепетал воздух над морской поверхностью. Наверху ослепительно сияло солнце, похожее на круглое, блестящее окошко в раскаленной печи из голубой стали.

Как черное пятно на морской глади ташилось с юга судно — дряхлый, полусгнивший „Томар“. Из его заржавленной трубы прямо кверху поднимался в безветряной тишине прозрачный, коричневый дым. Вода не пенилась у бортов и за кормой лениво расходились круглые, жирные волны. В душной тишине заглушенно раздавались стуки и громохание старых машин судна. Деревянные и железные части на палубе были раскалены, а из рей сочилась смола. Все на корабле было старое, запущенное и грязное. Медь везде позеленела, палуба стояла невытая. Все было покрыто прахом и пылью двадцати гаваней. Лениво плелось к северу дряхлое судно.

Прямо в курсе, которого держался „Томар“, из воды выглянул кончик какого-то небольшого черного предмета. Это, по всему вероятно, был обломанный ствол дерева. Большие, темные глаза красавца — юноши у руля, — рассеянно смотрели на плывущий предмет. Он мечтал о белой девушке, которую встретил в последней гавани, о незнакомом ему аромате ее тела, о ее смехе и кроваво-красных губах.

„Томар“ был когда-то американским невольничьим судном. Это было в те дни, когда еще торговали

людьми, потом судно приспособили для перевозки скота. Теперь же на сене под палубой, в вонючих загородах для скота, жалось сто двадцать семь китайцев со скованными ногами. Это были повстанцы, схваченные в провинции Фо-Кианг. Их отправляли теперь в Нинг-По, на суд и на казнь.

Через несколько дней, на твердо утрамбованную глину базарной площади в Нинг-По упадут сто двадцать семь голов бунтовщиков. Узники были скованы вместе по пять человек теми же старыми, заржавленными кандалами, которые впивались когда-то в ноги африканских невольников. Через открытые люки навверх доносилось бормотание и болтовня приговоренных повстанцев. Некоторые из них подкупили стражу, чтобы получить одуряющий опиум. Они лежали на боку и курили с фаталистическим спокойствием. Дурной, тошнотворный запах поднимался на палубу. Три стражника в блестящих мундирах сонно кивали в своих углах, зажав между колен заряженные ружья.

Вдруг из машинного отделения раздался жуткий, полуживотный крик. Тошная, желтая фигура кули с высохшими ногами и руками выскочила на палубу. Он был совсем обнажен. Тело его блестело от пота, а в руке сверкал нож. Глаза были налиты кровью. Это был Ва-Хинг, один из кочегаров. Нечеловеческая жара у котлов и самсу, рисовая водка, привели его в буйное умопомешательство. Ва-Хинг снова издал дикий, звероподобный крик; по-

том прыгнул, как обезьяна, на фок-мачту и полез наверх. Нож ему мешал, и он взял его в зубы. Кули взобрался до середины мачты, остановился и стал развязывать косу. Он болтал и визжал в своем безумии и лез все выше. За ним, как змея, развевалась длинная, черная коса.

Миловидный юноша — штурман, стоявший под покровом грязного холста, который должен был защищать его от солнечного удара, позвал на помощь. Но никто не приходил, а Ва-Хинг лез все выше. Юноша позвал снова. Тогда открылась дверь каюты и из нее вышел капитан.

Это был старый негр, ростом более шести футов. Он был известен по всему китайскому побережью под именем Дамсона, произведенным из двух слов—Адама и сына¹⁾.

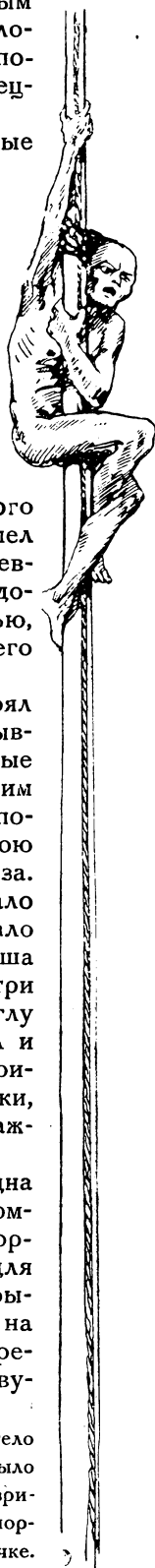
Дамсон был одет в старый мундир французского адмирала, который он купил у старьевщика в порте Сайгон. К этому же мундиру принадлежала и шпага, висевшая, точно детская игрушка, на тяжелой портупей с узорчатой медной пряжкой. Массивные золотые эполеты мундира потускнели и сидели вкривь. Во многих местах не хватало золотого шитья и медных пуговиц. Синее сукно выгорело от солнца и стало зеленовато-коричневым, но под мышками и в некоторых других местах еще сохранился его первоначальный цвет. Рукава мундира и белые, порванные брюки были слишком коротки и из них вылезали костистые руки и ноги. Дамсон никогда не носил сапог. Но в торжественных случаях он появлялся в гавани в белых бумажных перчатках. На груди мундира висел ряд орденов, и Дамсон всегда заботился, чтобы они были ярко начищены. Это были по большей части военные французские и английские ордена. Дамсон скупал их у обедневших моряков и ветеранов всыны. Рядом с орденами красовался и серебряный с голубым значок женского общества трезвости. На голове негра

была белая фуражка с зеленым козырьком и множеством золотых шнуров, которую ему подарил капитан большого немецкого парохода.

Пушистая борода и густые волосы негра были седые. Во всей его представительной фигуре было что-то патриархальное. Станный наряд не лишал негра представительности. Он держался с большим достоинством. Он воспринял культуру, которую можно было усвоить на Китайском море, но сердце в его широкой груди осталось нетронутым. Он был сын „большого вождя“ и по своей природе умел властвовать над людьми. Древнее судно, которым он командовал, было его собственностью, и он любил его больше всего на свете.

Однажды он чуть не потерял „Томар“, налетев ночью на плывший обломок корабля. Белые издевались над его морским искусством и спрашивали, почему он не спустил на дно свою джонку из листового железа. Страховое общество отказало ему в полисе. На негра напало тогда странное уныние и душа его страдала от позора. Он три дня сидел в самом дальнем углу трюма, ничего не ел, не пил и не желал разговаривать. Причиной этого были насмешки, которыми его встречали в каждой гавани.

— „Когда обломок судна встречается с другим обломком“—стало обидной поговоркой. Каждое слово было для него болезненно, точно открытая рана на его теле или на бортах его судна. Его стал преследовать страх перед плывущим по морю разбитым кораблем. Он объявил всыну этим кораблям и взрывал дина-

¹⁾ son—сын по английски.

митом все обломки, попадавшие ему на пути.

Юноша у руля указал капитану на обнаженного кули, который добрался теперь до самого верха мачты. Негр взглянул на верх и крикнул несколько китайских слов. Ва-Хинг, как обезьяна, оскалил зубы, плюнул на негра и замахнулся ножом. Потом китаец принялся закручивать косу вокруг мачты, а одним из канатов такелажа стал привязывать себя к ней. В своем безумии он поднимал лицо к жгучему небу и что-то жалобно выкрикивал. Снизу его желтое тело, обвивающееся вокруг мачты, с болтающимися с нею обрезанными канатами, было похоже на разрисованного чортика на палочке.

Ва-Хинг, — крикнул Дамсон своим глубоким, серьезным голосом. — Спускайся вниз! Спускайся сейчас же вниз!

Но сумасшедший кочегар не переставал выкрикивать что-то резкой фистулой, глядя на небо. Из люка поднялся на палубу один из солдат, стороживший сто двадцать семь узников. Грудь его мундира украшала большая красная бляха с нарисованными на ней китайскими эмблемами. Он угрожающе направил на кули ружье и посмотрел, ухмыляясь, на капитана. Дамсон нахмурился и покачал могучей головой. На палубу вылезли и китайцы-матросы.

Дамсон сделал знак юноше у руля и приказал одному из моряков заменить его. Когда молодой человек подошел к Дамсону, негр передал ему связку каната и указал на верх. Юноша вздрогнул при одной мысли о безумном кули и его ноже и посмотрел искоса в глаза Дамсону, которого любил, как отца. Потом накинуд канат на шею и начал взбираться по винтам.

— Послушай, Зарзэ, обвяжи веревку ему вокруг ног, — крикнул капитан, — и потом спускайся.

Ловкий молодой Зарзэ лез вверх. Его белые штаны и белая рубаха с желтыми крапинками резко выделялись на бледно-голубом небе. Когда юноша был уже только в шести фу-

тах от сумасшедшего кочегара, китаец вдруг заметил его. Он опустил голову, которую все время вытягивал кверху точно собака, оскалил желтые зубы и уставился на юношу налитыми кровью глазами. Юноша завязал из каната петлю и сделал попытку закинуть ее на выпачканную углем ногу Ва-Хинга. Кочегар с молниеносной быстротой взмахнул левой рукой, чтобы ударить ножом юношу, но не попал в него. Зарзэ снова и снова закидывал петлю, которая зацепила, наконец, одну из костлявых ног. Ва-Хинг издал крик злости. Выше ему некуда было лезть; не мог он спуститься и вниз, потому что крепко привязал себя канатом к мачте. Он стал болтать ногой, чтобы сбросить стягивавшую ему ногу петлю.

Юноша взглянул вниз. Ему было видно поднятое кверху черное, полное достоинства, лицо капитана, лунообразные с узкими глазами лица матросов и три великолепных мундира китайской стражи, выбежавшей на палубу посмотреть, что происходит. Через широкие, открытые люки он видел арестантов, спавших на полу, игравших в кости или же равнодушно смотревших на двух людей на мачте. И китайский матрос, заменивший его у руля, тоже глазел на верх. Кругом до горизонта раскинулся замкнутый круг морской поверхности, сверкающей и бродящей, точно готовой закипеть.

Прямо перед носом юноша заметил что-то черное, какую-то плывущую в море массу, конусом поднимающуюся над водой. Большая часть, находившаяся под водой, была покрыта черными и зелеными водорослями, блестящими на солнце, когда остов корабля слегка поднимался над водой. Юноша указал рукой за борт и громко крикнул:

— Ах, Дамсон! разбитый корабль! разбитый корабль!

Он увидел выражение ужаса, искажившее лицо Дамсона. Потом закрыл глаза и судорожно обхватил мачту руками и ногами. В то же мгновение последовал сильный удар, сотрясший и мачту. Если бы Ва-Хинг

не цеплялся в своем безумии за мачту и не привязал бы себя к ней канатом, он, конечно, слетел бы в море, описывая в воздухе дугу. Мачта наклонилась под ужасным углом сначала в одну сторону, потом в другую. Юноша выпустил из рук канат с петлей и торопливо стал спускаться.

Нос „Томара“ представлял безформенную массу погнутых и перемешавшихся ржавых железных частей. Разбитый корабль, повстречавшийся с „Томаром“, плыл теперь уже позади парохода. Он, кивая, поднимался и опускался над волнами, точно насмешливо прощался с судном. Беспорядочно болтали что-то настигнутые судьбой сто двадцать семь преступников, головы которых должны были скатиться несколько дней спустя в пыль базарной площади в Нинг-По.

— Спуститесь вниз, мистер Ли,— сказал Дамсон одному из своих помощников—китайцев,—и посмотрите, что случилось.

Но не успел китаец спуститься, как из машинного отделения вынырнула рыжеватая голова и появился маленький белолицый человек. Это был механик, единственный европеец на „Томаре“.

— Машинное помещение под водой,—заявил он хладнокровно.

Он казался карликом перед негром. Капитан не сразу отозвался, он был точно ошеломлен.

— Судно не продержится и часа над водой,—добавил ирландец, вынул кусок прессованного жевательного табаку и отломал от него немного.

Арестанты в трюме подняли крик. Вода проникала уже и в их загородки. Многие из них рвали цепи и ревели, как одержимые. Дамсон подошел к открытому люку и заглянул вниз. Приговоренные к смерти стояли по щиколотку в воде. Некоторые—неподвижно, точно выточенные из желтой сосны фигуры; другие пронзительно кричали, вытянув вверх костлявые руки. Лица их были подняты кверху и голубой отсвет неба придавал им зеленоватый оттенок.

— Снимите с них цепи! — сказал Дамсон страже.

— Мы не имеем права, — ответил один из солдат.

— Снимите с них цепи! — приказал Дамсон.

— Нас накажет за это губернатор,—возразил другой солдат.

— Зачем?—сказал третий.—Они, ведь, все равно, что мертвые. Палач сбережет по крайней свой меч.

— Снимите с них цепи!—вне себя закричал Дамсон, выпрямляясь во весь рост и вытаскивая шпагу.

Стража с ворчанием спустилась в трюм. Послышался звон снимаемых цепей, плеск воды и взволнованные крики. Узники стремились выйти на палубу, некоторые уже без цепей, другие—еще скованные по пять человек и волочившие на худых ногах ржавые цепи. Они бегали туда и сюда, испуганно оглядывались вокруг, или же неподвижно стояли и бессмысленно смотрели на море, медленно поднимавшееся на их глазах, или же на палубу, которая все больше и больше накренилась. Некоторые усталились на Ва-Хинга, который снова бушевал и что-то жалобно выкрикивал. В воздухе разносились его нечеловеческие вопли.

Дамсон приказал спустить лодки. Их имелось только две и они уже давно лежали просто на палубе, где ржавели уключины и оковка и разрушались под тропическим дождем и палящим солнцем стенки. Одну лодку никакими силами нельзя было сдвинуть с места, другая трещала и шаталась, но ее все же удалось спустить.

— Первыми—арестантов!—хладнокровно сказал Дамсон, — я отвечаю за то, чтобы их доставить живыми.

— Их сто двадцать семь человек,—заметил механик, а лодка вмещает двадцать два.

Некоторые китайцы прыгнули в качающуюся лодку. Один пробил ногой гнилое дно. Лодка наполнилась водой и скрылась под волнами. Двух арестантов снова подняли на судно, остальные исчезли.

— Достаньте спасательные пояса,—приказал капитан.

Китайцы-матросы побежали вниз и вернулись на палубу, нагруженные множеством поясов. Дамсон купил более двухсот этих поясов у судового поставщика, который получил их со старого судна, ходившего когда то по Тихому океану между Сан-Франциско и Шанхаем. Эта была замечательно удачная покупка, потому что поставщик уверял, что пояса сделаны из лучшей пробки.

— Паровой котел взорвется, когда до него дойдет вода,—сказал механик своему черному капитану.

— Пойдемте на нос,—сказал негр и пошел вперед.

Волоча ногу, последовал за ним механик.

— Я думаю, что мы должны быть у самых Тулангских мелей,—сказал он.

Дамсон окинул пустынный горизонт своим непроницаемым взглядом.

— Разбитый корабль! — бормотал он.— Вот я ему и попался!

Потом прибавил уже спокойно:

— Я должен спасти арестантов — это моя обязанность.

— Эти бедные черти могут и утонуть вместо того, чтобы быть зарезанными. Так они, по крайней мере, избегают пыток.

— Я дал губернатору слово, что доведу их до Нинг-По, — ответил Дамсон голосом человека, которому мир стал безразличен.

Китайцы дрались на палубе из-за поясов и, завладев ими, торопливо привязывали их к ногам.

— Стойте вы,—закричал им механик, — проклятые желтые бездельники!

Он, хромя, подбежал к ним.

— Подвяжите их под мышками,—кричал он, указывая на пояса.

Они не слушали его, да и не понимали его слов. Он снял с одного из арестантов пояс и попробовал ему показать, как его надеть. Рослый китаец бросился на маленького машиниста и вырвал у него из рук пояс. Китайцы следовали примеру одного из своих же, который был у них предводителем во время восстания. Они и теперь слушались его так же,

как и тогда. А он показывал им, как надо привязывать пояса к ногам. Таким образом они будут держаться над водой и не промокнут,—говорил он. Иначе их схватят за ноги злые духи из моря и утащат в глубину.

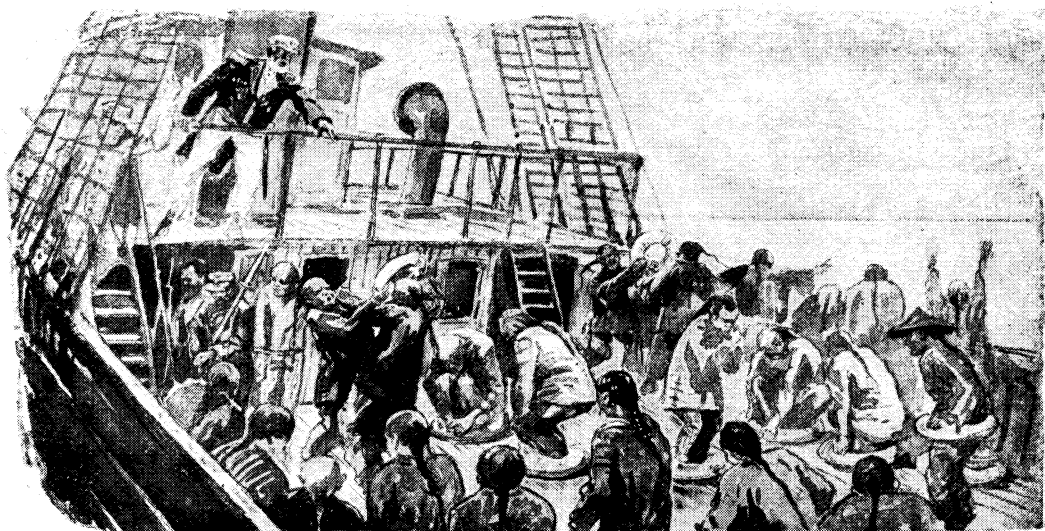
Механик вернулся к капитану, который поднялся на верхнюю палубу. Негр стоял и молча смотрел вниз на кричавших и метавшихся в страхе китайцев. Он три раза крикнул им по-китайски, чтобы они подвязали спасательные пояса под мышками, но голос его потонул в ужасном шуме. Сверху фокмачты раздавались крики и визг безумного кочегара. Юноша — штурман подошел к капитану и робко дотронулся до его руки. Негр погладил юношу по голове и ласково посоветовал ему спастись.

— Да, теперь уж, действительно, пора и нам подумать о спасении, — сказал механик и взял в рот здоровую порцию жевательного табаку.

Негр, погруженный в глубокую тоску, поднял на него большие, грустные глаза. В них была трагедия всех морей во всех временах и широтах. Одно мгновение на лице его как-будто бы появилось выражение презрения и удивления. Разве на море не было своих трагедий? О чем думали такие люди, как этот белолицый?

Теперь раздался глухой шум и пароход весь сотрясся. С одной стороны палуба провалилась, труба закачалась и упала на палубу. Снизу вырывались огромные клубы дыма. Вдруг нижняя палуба опустилась под воду и из трюма с бульканьем поднялась грязная вода, смешиваясь с чистой зеленой водой, вливающейся со всех четырех сторон в люки.

Китайцы-матросы и арестанты с криками бросились на корму, которая теперь высоко поднялась, обнажая зеленый, весь источенный винт и заржавленный корпус судна. Светлая вода настигала спасавшихся китайцев, которые бежали, прыгали или ползли, стесненные цепями или спасательными поясами на ногах. Три солдата все еще держали в руках ружья и стояли с неподвижными ли-

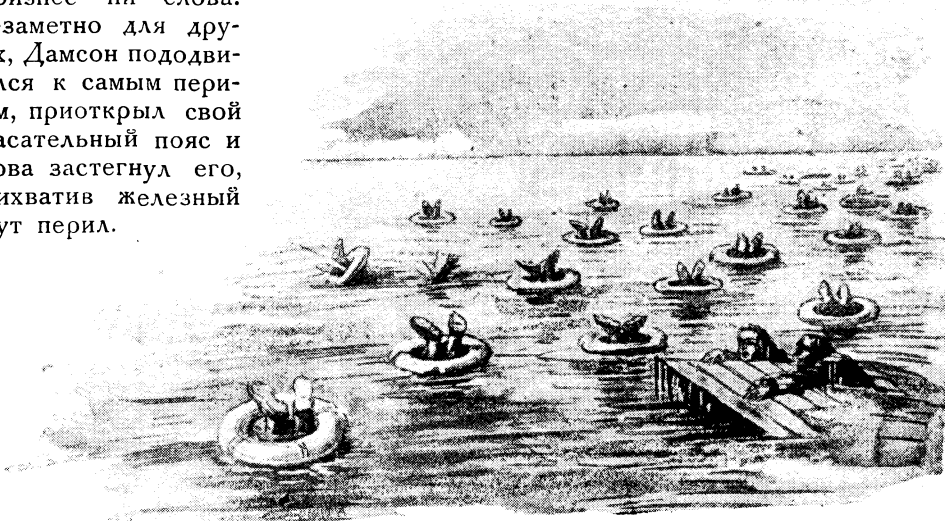
Капитан негр крикнул китайцам, чтобы они подвязали спасательные пояса под мышками, а не к ногам...

цами, точно на страже судна, приговоренного к гибели.

„Томар“ содрогался, уходя дюйм за дюймом в зеркальную воду. Мачты дрожали и качались, как тростинки. Дамсон стоял впереди на верхней палубе. Мундир его выделялся на фоне пустынного горизонта, ордена сверкали. Возле него стояли механик и юноша—рулевой. Все трое не двигались. Ни один из них не произнес ни слова. Незаметно для других, Дамсон подошел к самым перилам, приоткрыл свой спасательный пояс и снова застегнул его, прихватив железный прут перил.

Кипение воды, ужаснейшее бульканье и шипение. Корпус „Томара“ лег на бок и пошел ко дну. Раздался громкий крик, в котором слилось множество голосов, но его заглушил шум волн, сомкнувшихся над палубой судна. На поверхности моря играли и плясали водовороты и воронки.

Бездна проглотила большую часть китайцев. Механик и молодой штур-

Больше ста китайцев плыли головой вниз... Сотни болтающихся ног в белых чулках и сандалиях...

ман исчезли первыми, но снова вынырнули и стали бороться с волнами. Возле них всплыла дверца люка. Они судорожно ухватились за нее.

Вблизи плыла фуражка Дамсона с золотыми галунами. Механик поймал ее и надел себе на голову.

Море начало выбрасывать свою живую добычу там, где минуту назад была палуба судна. Над зеркальной водой показались сотни болтающихся ног в белых чулках и сандалиях. Спасательные пояса поднимали ноги кверху и они напрасно боролись и дергались над поверхностью. Больше ста китайцев плыли головой вниз, в то время, как другие, не имевшие поясов, как безумные барахтались в воде и шли ко дну. Многих ташили под воду руки погибающих, которые судорожно искали спасенья. Скоро торчавшие из воды ноги перестали болтаться и трепетать. Но они усеяли море, тихо покачиваясь на его поверхности то в одиночку, то целыми группами. Дверца люка была настолько велика, что юноша и машинист могли держаться на воде, опираясь на нее руками. К удивлению механика, фокмачта, на верхушке которой был привязан Ва-Хинг, не скрылась в море. Она наклонно поднималась над водой футов на пятнадцать.

— Посмотри-ка, Зарзэ, — сказал рыжеволосый механик, — судно наскочило на мели, на мели Туланга, как я и говорил Дамсону.

По лицу юноши потекли слезы. Он выпустил из рук дверцу и, казалось, готов был итти ко дну. Но механик схватил его за руку.

— Нет, нет, Зарзэ, проклятый дурак, еще не время, еще не время!

Он крепко держался одной рукой за дверцу и поплыл к мачте. Ва-Хинг странно затих. Голова его низко склонилась, лицо прижалось к мачте. Длинный канат, который Зарзэ закинул ему на ногу, свисал и плавал в воде. Механик схватил и дернул его. Это вывело Ва-Хинга из полубезсознательного состояния. Он стал с диким, пронзительным криком вырываться из канатов, привязывавших его к мачте. Он плевал на людей,

державшихся под ним на воде, и трещал, как попугай. Потом в приступе бешеной злобы бросил в механика ножом. Оружие, сверкая, пролетело возле самой головы машиниста и вонзилось в дверцу люка. Он вытащил его и засунул за золотые галуны на фуражке Дамсона, которая опустилась ему по самые уши.

— Желтый бездельник висит, точно разбойник на кресте, — сказал он. — Но теперь нож его у нас и он ничего не может нам сделать.

— Взгляни-ка, Зарзэ, — продолжал он, показывая на ноги, которые постепенно несло течением к мачте. — Вот они возвращаются домой, счастливые простофили. Им повезло! Они спаслись, по крайней мере, от меча палача. Они сами сыграли с собой глупую штуку, но для них счастье эта смерть, в сравнении с тем, что их ожидало на берегу.

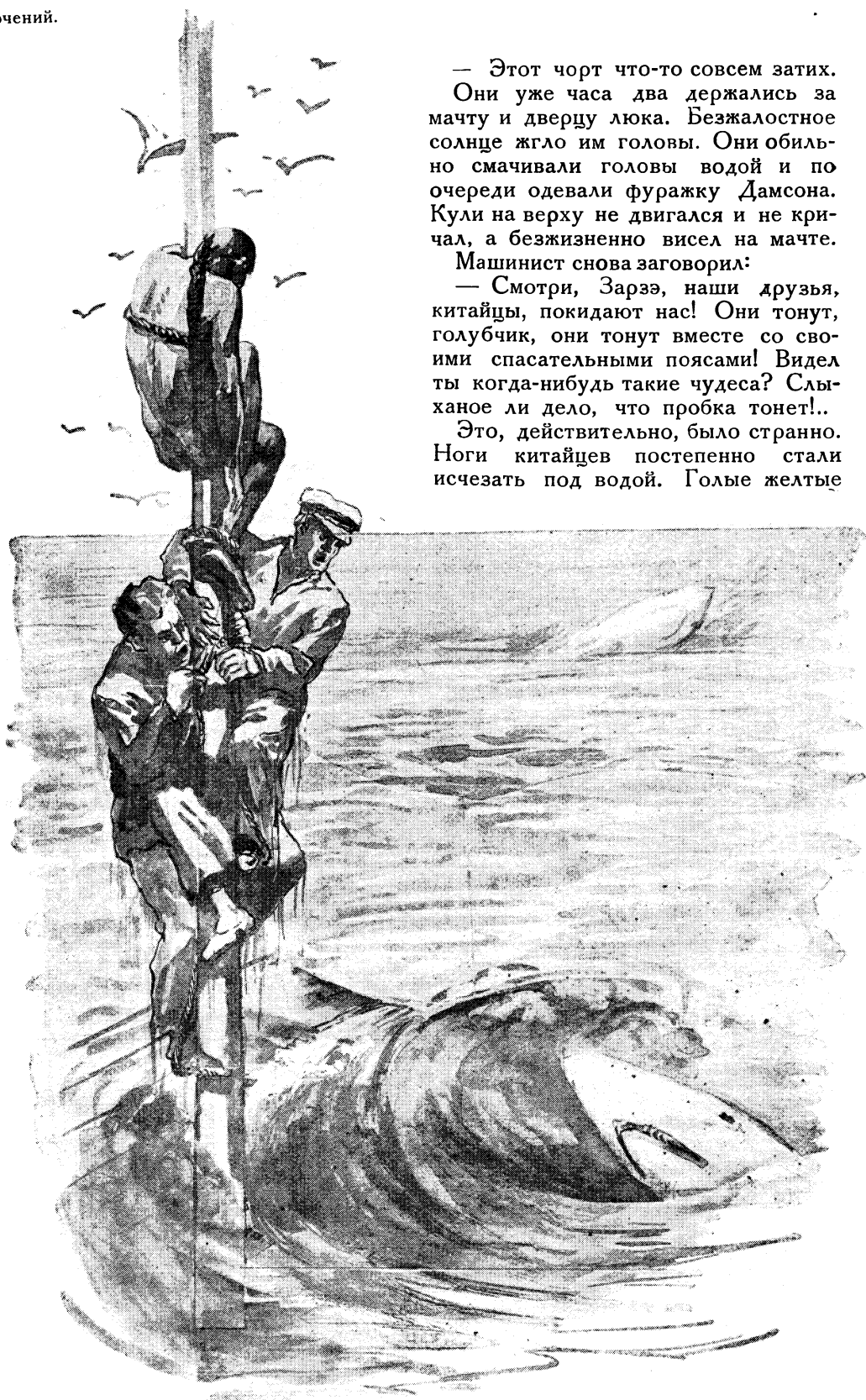
Юноша с оливковым лицом молчал. Он думал о Дамсоне, который был ему как отец, — о большом, представительном Дамсоне, тело которого было приковано к перилам палубы, которая находилась теперь глубоко под водой. Механик пытался ободрить юношу и говорил короткими, безсвязными фразами.

— Смотри, смотри, как они пляшут, точно джигу на ярмарке. Наше общество им, верно, нравится. А вот опять пара ног отправилась в плавание на север, к Нинг-По. Может быть, они желают явиться там палачу, ха, ха! Это нагнало бы на него страху и он, пожалуй, отказался бы от своего славного, сытного ремесла. Сколько голов — столько денег. Да, если бы не этот чорт там на мачте, ты бы не полез на верх и мы никогда не наткнулись бы на разбитый корабль.

— Моя вина, моя вина, — рыдал юноша, — Дамсон всегда мне говорил, чтобы я остерегался разбитых кораблей. Это моя вина, моя вина!

— Ты тут не при чем, — возразил механик, — старик уже много лет ждал этого и надо было предвидеть такой конец.

Он закинул голову и продолжал:

— Этот чорт что-то совсем затих. Они уже часа два держались за мачту и дверцу люка. Безжалостное солнце жгло им головы. Они обильно смачивали головы водой и по очереди одевали фуражку Дамсона. Кули наверху не двигался и не кричал, а безжизненно висел на мачте.

Машинист снова заговорил:

— Смотри, Зарзэ, наши друзья, китайцы, покидают нас! Они тонут, голубчик, они тонут вместе со своими спасательными поясами! Видел ты когда-нибудь такие чудеса? Слыханое ли дело, что пробка тонет!..

Это, действительно, было странно. Ноги китайцев постепенно стали исчезать под водой. Голые желтые

Акула выскакивала из воды, точно ракета, и делала попытку схватить машиниста за ногу.

пятки и ноги в сандалиях медленно скрывались в темнозеленой прозрачной глубине. Скоро с морской поверхности убрались все повстанцы из Фокианга. Судьба не пожелала, чтобы они вставали на колени перед палачом в Нинг-По. Механик ломал себе голову над разгадкой тайны спасательных поясов, которые не держатся на воде. Но судовой поставщик из Шанхая, купивший пояса на судне на Тихом океане и перепродавший их старому Дамсону, легко бы мог открыть эту тайну. Дело в том, что пояса были не из пробки, а из „туле“, толстой, пористой тростниковой сердцевины. Этот тростник растет на болотах Калифорнии и некоторое время держится на воде.

Вдруг механик переменил шуточный тон и в голосе его послышался ужас.

— Скорей, скорей, Зарзэ,—крикнул он.—Залезай, залезай выше!

С отчаянным напряжением сил он стал помогать юноше лезть на мачту. Потом и сам последовал за ним, но медленно и с трудом. Зарзэ протянул ему руку и втащил к себе маленького машиниста. В это мгновение под ними разступилась вода и высунилось нечто длинное и черное, раскрылась красная пасть с мелкими, острыми зубами, всего в нескольких дюймах от ног машиниста,—и снова закрылась.

— Акулы! — задыхаясь крикнул механик. — Я увидел, как ее плавники разрезали воду. Где появилась одна, должны быть и другие.

И, действительно, море кругом стали бороздить острые, трехугольные плавники. То тут, то там сверкало белое, отвратительное брюхо, и свиные глазки холодно поблескивали, глядя на людей. По временам акула выскакивала из воды, точно ракета и делала попытку схватить машиниста за ногу. Механик плюнул в морду чудовищу и табачная слюна попала ему прямо в глаз. Механик засмеялся.

Зарзэ завязал петли на концах висевших с мачты канатов и они просунули в эти петли руки и ноги. Это облегчило страшное напряжение

мускулов. Они попробовали разбудить толчком кочегара. Но голова кули только безжизненно откинулась назад.

— Солнечный удар,—сказал машинист.

Зарзэ попросил у машиниста нож, чтобы разрезать канат, привязывавший кули к мачте.

— Нет,—ответил механик,—мы не отдадим его на поживу этим бестиям. Пусть его высушат солнце и ветер.

— Разбитый корабль,—вдруг кричал в ужасе Зарзэ.

— Эта пададь вернулась, чтобы прикончить нас,—воскликнул механик.—Не довольно с него всех этих человеческих жизней! Посмотри-ка, его нос теперь выше поднялся над водой. Мы, верно, пробили ему носом палубу.

На носу разбитого корабля вывоченные балки и доски, и они подняли над водой часть палубы. Остов корабля неся прямо на мачту, на которой висело двое живых людей и мертвец.

— Его несет течением в Желтое море,—крикнул машинист Зарзэ,—боюсь, что мы попадемся ему на пути! Готовься к прыжку, голубчик, и постарайся не дать промаха.

Несущий гибель остов мертвого корабля все приближался, слегка покачиваясь на волнах. Оба человека, уцелевшие после крушения „Томара“, смотрели вниз на акул, отвратительные тела которых то появлялись, то исчезали в зеленой воде. Когда разбитый корабль донесло течением до мачты, он только концом слегка задел ее.

Механик и Зарзэ сделали прыжок по воздуху и упали на скользкую зеленую палубу. Они ухватились, точно обезумевшие, за илестые травы и водоросли.

И их понесло на гонимом течением разбитом корабле на север, а за ними плыли акулы, ныряя и снова поднимаясь над водой. Они сели, прислонившись к обломку мачты. Они взглянули на юг и увидели, как все меньше и меньше становилась обнаженная фигура, висевшая на мачте.

ЖЕНЩИНА С ШУМОМ В УШАХ

Рассказ Арнольда Хельригеля.

I.

История начинается с того, что Пепи Хок, толстый Хок, известный ушной врач и шутник, моет себе руки в своем приемном кабинете. Он сейчас странно похож на жреца, потому что забыл снять со лба блестящее ушное зеркало. Доктор Хок еще не снял и белого докторского передника. Но на сегодня кончено! Ужасное мучение — эти приемы больных в такую жару!

Но молодая ассистентка, которая уже совсем было распрощалась, снова входит в кабинет.

— Господин доцент, там пришел господин с дамой.

Она подает ему конверт с чьей-то визитной карточкой. Толстый доктор Хок делает недовольное лицо. Нет, он никого больше не примет! У него есть официальные часы приема, зачем же люди приходят так поздно?!

Но он, конечно, уступил бы и на этот раз. А тут еще на карточке стояло имя его школьного товарища: Петер Леонард, журналист. Толстый Пепи Хок обрадован и хочет пойти навстречу приятелю. Но на карточке написано еще что-то:

— Пожалуйста, прими меня сначала одного, без моей сестры!

На слишком толстом лице ушного врача отражается недоумение. Потом он с улыбкой говорит ассистентке:

— Скажите, пожалуйста, что я переодеваюсь и могу принять даму только через минуту. Но ее спутник может войти сейчас.

Минуту спустя в кабинет доктора входит Петер Леонард. Он длинный, худой, черный и странно застенчивый для своей специальности. Доктор и журналист давно не виделись, но симпатизируют друг другу. У Леонарда нет и минуты времени на излияния.

— Это моя сестра, — говорит он. — Да, у меня есть сестра. Ты ее не знаешь, я извлекаю из нее мало пользы. По призванию — ипохондрик. Ужасная женщина! Ты сам увидишь. Короче говоря, у нее шум в ушах. С тех пор, как она счастливо переехала на новую квартиру на Ватмангассе, у нее начало шуметь в ушах. На прежней квартире у нее был рак груди из-за расположения квартиры. Одним словом: совсем съума сошла, должно быть, истеричка. Но, это ты...

Доктор Хок, на лбу которого все еще красуется ушное зеркало, поднимает жирную руку.

— Ватмангассе? Какой номер?

— Одиннадцать! — отвечает слегка удивленно его приятель. — Как она меня мучила из-за этой новой квартиры! Наконец-то я ей ее устроил, я знаю кое-кого в бюро по найму квартир. Она переехала, симптомы рака груди исчезли, и вдруг, бум! у нее делается шум в ушах! Она еще не знает хорошенько, бросилась ли болезнь с груди на ухо или у нее лопнула барабанная перепонка оттого, что вдруг закричал попугай. Надо сказать, что она живет одна, с попугаем. Хоть у нее каждую неделю новая тяжелая болезнь, но она не переносит, чтобы с ней спала прислуга. Что мне тут делать? Я должен тебе сказать, что такие люди на совести у вас, врачей. Ты четвертый ушной врач, к которому она обращается. Ты, может быть, думаешь, что первые три выгнали ее из кабинета? И не подумали! Каждый из них торжественно брался лечить ее, осматривал ее, спринцовал ухо и чего еще только не делал. Три различных диагноза, а я клянусь, что она совершенно здорова. Она же уверяет, что шум в ушах становится все сильнее, особенно по ночам.

— Особенно по ночам?—спрашивает доктор Хок.

— Да,—стонет его друг,—может быть, она просто видит во сне. Но что ты хочешь? Она приходит ко мне и разливается в слезах. Я—ее последнее прибежище. Она сойдет с ума, если я ею не займусь. И оглохнет! Она знает, что умрет от этой болезни. Ни один врач ее не понимает. Если бы она только знала санаторию, в которой могла бы поместиться. Она не может больше оставаться в своей квартире. Эти ночи ужасны. Шумы в ушах и голоса...

— Голоса?—очень серьезно спрашивает доктор.

Леонард обезпокоен.

— Ты думаешь, что тут, действительно, что-нибудь может быть? Пожалуйста, осмотри ее хорошенько. Я заставил ее притти к тебе, потому что хотел знать, в чем же, наконец, дело. Она не хотела. Говорит...

Толстый Пепи посмеивается.

— Она говорит, что я известный в городе чудак и грубиян? Но я охотно ее осмотрую и скажу, смогу ли ей помочь. Она слушается, когда ей дают советы?

— О, да, — ответил Леонард. — Первые три дня она исполняет все, что предписал врач. На четвертый день она говорит, что это обман или массовое убийство и идет к другому врачу. Да ты сам увидишь, что это за ужасная женщина!

— Если бы ты не был ее братом, — сказал Хок, — ты бы внимательнее отнесся к одинокой женщине. Братья всегда имеют что-нибудь против сестер. Поверь мне, что всякий ипохондрик—больной человек и нуждается в лечении. Воображать себя больным уже само по себе болезнь. Позовем ее теперь сюда. Такие люди всегда уверены, что за их спиной обсуждают с доктором ужасные вещи.

Журналист кивает головой. Когда он оставил сестру одну в приемной, она сказала ему, что он затевает с доцентом какой-то отвратительный заговор против нее.

Леонард с трудом буксирует сестру в кабинет доктора. Вдова финан-

сового советника, высокая и стройная, как и брат, но белокурая и с водянистыми глазами, настолько овладевает собою, чтобы с достоинством пройти через формальности знакомства с доктором. Но когда он ей предлагает снять шляпу, у нее на глазах снова навертываются слезы и она сидит несчастная и сгорбленная. Нет, она этого не переживет! Она знает, что должна умереть. Но сойти сначала с ума, какой ужас! И оглохнуть! Этот шум в ушах, всю долгую ночь...

Доктор Хок просит приятеля уйти в соседнюю комнату. Он хочет подробно осмотреть его сестру. Все органы, не только ухо. Его жирный голос звучит успокоительно, почти нежно. Сестра Леонарда затихает. В присутствии этого толстяка с уверенным взглядом умных глаз нельзя волноваться.

Некоторое время спустя доктор Хок приходит за Леонардом. Он сильно взволнован.

— Так, действительно, есть что-нибудь?—шепотом спрашивает Леонард. Он, все таки, привязан к сестре и не желал бы ее видеть серьезно больной. Она сидит в кресле бледная, с красными глазами и вся дрожит. Но это теперь умный ребенок, которому страшно. Доктор укротил ее. Толстяк стоит посреди комнаты, протянув к ней руки. Ясно, что он отчасти гипнотизирует ее и имеет над ней большое влияние.

— Итак,—говорит он медленно и торжественно,—твоя сестра мне все сказала. Как с первой же ночи в новой квартире у нее начался в ушах шум, странные, отвратительные звуки, голоса, говорящие непонятные или совершенно бессмысленные вещи. Тут уж бедняга, конечно, не может спать. Я ее очень внимательно осмотрел. Пожалуйста, дорогой мой, не делай такого лица, точно она совсем здорова.

Жена финансового советника начинает тихо плакать.

— Да, ведь, я же вам сказал, — торопливо говорит доктор,—что у вас нет ничего серьезного. Но, конечно, ваша болезнь бросилась на ухо.

Петер Леонард застывает, как ледяная сосулька. Что за чепуху болтает этот толстяк? Разве доктор может так говорить?

— Ваша болезнь бросилась на ухо, — спокойно продолжает доктор Хок. — Но это вполне можно вылечить. Все, что вам нужно, это — впрыскивание одного нового средства. Но это необходимо сделать немедленно, сегодня же. Я вам торжественно даю свое честное слово, что вы после этого уже сегодня не услышите ни малейшего шума и будете хорошо спать, но у себя я вам не могу сделать впрыскивания. Вам нужна санатория. Я предлагаю парковую санаторию. Я дружен там со старшим врачом, доктором Хюттером, и за вами там будет хороший уход. Но, пожалуйста, сейчас же. Сегодня же. Прямо отсюда!

Сестра Леонарда заплакала сильнее. Петер Леонард не знал, во сне все это происходит, или на яву. Что это за ушная болезнь, требующая немедленного впрыскивания?

Доктор Хок продолжает быстро говорить, не давая никому опомниться.

— Мы возьмем автомобиль и втроем сейчас же отправимся в санаторию. Да, не заезжая к вам домой. Вам нужны кое-какие вещи. Знаете, что? Вы дадите ключи вашему брату, и пока вам будут делать впрыскивание, он поедет в Ватмангассе и привезет сам или пришлет вам чемоданчик с вещами, которые понадобятся вам в первую ночь. Завтра вы можете сами поехать на час домой и уложить все, что вам нужно, если вы захотите пробыть еще несколько дней в санатории.

Вдова финансового советника перестает плакать. Она в первый раз слышит от врача, что положение ее внушает некоторые опасения. Ведь, иначе нельзя понять доктора. Сестра Петера Леонарда сразу ободрилась. Она говорит только из приличия.

Когда доктор предлагает ей снять шляпу, у нее наворачиваются слезы и она сидит несчастная и сгорбленная!..

— Ах, я знаю, что я не выйду живой из этой санатории!..

Она умоляюще смотрит на доктора. Он улыбается; это хорошая улыбка. И она хочет ему верить.

II.

Сестра Леонарда не успевает опомниться, как уже сидит в автомобиле. Дорогой толстый доктор рассказывает не совсем приличные, но зато веселые анекдоты. Он никому не дает рта раскрыть. Что с ним? — спрашивает себя слегка обезпокоенный журналист. Такое впечатление, что доктор хочет скрыть свое волнение. Неужели...

Все таки Леонард — брат, и они были с сестрой когда-то вместе молоды. В санатории доктор вкатывает свой стокиловый жир с захватывающей дух быстротой в кабинет старшего врача. Когда оба доктора выходят оттуда, старший врач уже все знает. Да, конечно, нужно впрыскивание. Да, лучше сейчас же его сделать. Сестра милосердия может сопровождать редактора в квартиру его сестры и привезти все нужное на ночь. Завтра, будет видно дальше. Да, нет же, не беспокойтесь, это ведь не операция, легенький укол маленькой иглой, совсем нечувствительно...

Петеру Леонарду кажется, что и этот доктор смущен. У него становится тяжело на душе. — *Ne quid periculosi?*, — спрашивает он в присутствии пациентки на сомнительном латинском языке. Как это сказать по-латыни: опасное заболевание.

Но толстый Хок решительно перебивает его.

— Побереги свои три с половиной слога, идиот! С твоей сестрой ничего не случится. Если ты хочешь упражняться в своем жалком латинском языке, так делай это в другом месте, а не тогда, когда бедняжка может думать, что мы скрываем от нее что-то. Поверьте мне, сударыня, он просто важничает.

Он выталкивает Леонарда раз — два к автомобилю, который все еще ждет их у подъезда. С ним едет сиделка

из санатории. Дорогой толстый Хок остерегается проронить хотя-бы одно слово. Он только жалуется на жару. Но зачем же он тоже едет? Почему он не остался в санатории, чтобы присутствовать при впрыскивании и, вообще, при том, что будут делать с его бедной Альмой?

Но доктор не делает никаких пояснений. Он лениво развалился в автомобиле и оживает только, когда они останавливаются перед домом в Ватмангассе.

Тут он становится подвижным. Как круглый резиновый мяч выкатывается он из автомобиля и смотрит на крышу маленького флигеля, бежит на угол улицы, снова поднимает голову, точно собирается ловить воробьев... Леонард думает: не сошел ли он съума?

На лестнице и перед дверью в квартиру повторяются те же эксцентричности. Что за дело доктору, кто еще, кроме сестры Леонарда, живет в этом доме? Что это за пенсионер живет на той же площадке в соседней квартире? Но что же тут общего с поврежденной барабанной перепонкой? Право, этот молодчик ведет себя странно! С какой поспешностью он сам помогает сиделке собирать все нужное для больной. Когда журналист не сразу находит ночную рубашку сестры, Хок, положительно, начинает рвать и метать. Сестра Леонарда, конечно, не проспит в санатории ни одной ночи, если с ней не будет попугая и она строго наказала сиделке привезти его. Но доктор Хок не позволяет этого, он говорит, что хочет послушать. Но для чего? Этот попугай не говорит теперь ничего разумного, все только шепчет что-то странное... Никто не понимает этого карканья. Но сиделка стоит на своем. Она не хочет ехать без попугая. В конце концов доктор сердито выталкивает ее за дверь вместе с попугаем. Пусть она поторопится в санаторию, — рычит он ей вслед, — и скажет там, что они сейчас еще не приедут, им нужно поговорить.

— Поговорить? — спрашивает совсем расстроенный Леонард. — Зачем

нам здесь оставаться? Разве ты не хочешь присутствовать, когда моей бедной сестре...

Толстый доктор начинает вдруг смеяться.

— Твоей сестре, — говорит он, — дадут самое невинное из всех средств, успокаивающих нервы. Я уже сговорился с доктором Хюттером. Она после этого отлично проспит ночь. Успокой свое братнее сердце!

Он делает шаг по направлению к спальне сестры Леонарда, но снова останавливается.

— Чорт возьми, — говорит он, — я не должен был бы позволять брату попугая, он издает такие странные звуки.

Он резким движением открывает дверь спальни и врывается в комнату.

— Скорей, — командует он, — помоги мне немножко!

Он указывает на кровать, стоящую у стены. Леонард не понимает, что ему надо делать.

— Помоги же отодвинуть! — нетерпеливо говорит Хок, точно требует самую естественную вещь.

— Зачем? — удивленно спрашивает его друг.

— Чтобы можно было встать у стены, — говорит доктор. Мне нужно сделать кое-какие наблюдения... по поводу шума в ушах у твоей сестры...

Он сьема сошел, — думает Леонард, но послушно помогает отодвинуть кровать и поставить у стены два кресла. Теперь Леонард и доктор сидят между стеной и кроватью. Они долго молчат. Журналист, наконец, не выдерживает больше.

— Но, что же, чорт возьми, с моей сестрой? Почему...

— У твоей сестры, — говорит врач, — самые здоровые уши из всех, какие я когда-либо осматривал. Она страдает, как тебе известно, базетовой болезнью, а это делает ее, конечно, слабой, раздражительной и восприимчивой и прежде всего обостряет, конечно, слух. Завтра доктор Хюттер будет ее уговаривать начать систематическое лечение по великоллепному новому методу профессора В. Сегодня же ей нужно

Он вскакивает, точно его ужалила змея, и прикивает ухом к стене.

только снотворное средство и другую постель.

Он слегка толкает кровать ногой.

— Твоя сестра, — говорит он, — вовсе не такая сумасшедшая, как любезно предполагает добрый брат и... тише!

Он вскакивает, точно его ужалила змея, и прикивает ухом к стене.

Леонард подражает ему, сам не зная для чего. Вдруг он пугается, чуть не падает на пол, судорожно хватается за стену.

У него шум в ушах!

Это похоже, точно...

Что - это, — крикание, бормотание? Такие же звуки издавал попугай.

Кажется, точно сразу, беспорядочно, непонятно, вполголоса и как-то совсем странно говорят множество голосов...

Вдруг снова наступает тишина и потом раздается заглушенный мужской голос, который медленно и раздельно произносит за стеной несколько слов. Он говорит: Gallia est omnis divisa in partes tres...

Потом снова начинается бессмысленный шум, стук, громыхание, звон. Сотни различных тихих и более громких звуков. Ничего нельзя больше понять.

— Что это такое?—вскрикивает журналист.

— Нет!—останавливает его доктор. Он сам теперь совсем спокоен. Он садится и кладет руки на широкие ляжки.

— Откуда же я могу знать что это такое,—говорит он с притворным равнодушием.—Может быть это был голос самого Юлия Цезаря, диктовавшего секретарю первую фразу из комментария о Гальской войне. А может быть, это школьник шестнадцатого, семнадцатого или любого другого столетия, повторял вслух отрывок из Цезаря...

Леонард беспомощно таращит на доктора глаза.

— Merde! — кричит чей-то голос из-за стены.

Это,—медленно и торжественно говорит ушной врач,—был кто-нибудь из миллионов, которые со времен Карла Великого кричат „г...о“, когда их что-нибудь сердит.

Леонард начинает смеяться.

— Но что же происходит в квартире рядом? Кто там забавляется?

— В квартире рядом,—шепчет доктор Хок,—совершается сейчас одно из величайших открытий, на которые только способен человек. Сиди спокойно и слушай, что говорят эти голоса. Ты когда-нибудь сможешь сказать: я присутствовал при этом!

Он замолчал. Молчали и голоса. Потом снова начались тихие, неясные звуки.

— Вот так,—говорит доктор под аккомпанимент этого жужжания,—вот так, ухом к этой стене, лежала твоя сестра каждую ночь...

— Удипари акак беталга...—раздается из-за стены на незнаком языке, но совершенно ясно. Это поет нежный женский голос.

Леонард обеими руками хватается за голову:

— Что же это такое?...

— Карину акак, акак... поет великолепный контраalto на том же языке.

Глаза толстого доктора блестят.

— Женщина инков поет колыбельную песню своему сыну. Или, может быть, пастушка—татарка пасет коз и поет...

В это мгновение,—точно удивительная песня была таинственными чарами, полными магической силы,—за стеной начинается настоящий ад звуков, жуткий хаос, крики тысяч отдельных голосов. Петер Леонард затыкает уши пальцами. От ужаснейших мук, причиняемых этими звуками, он теряет на мгновение сознание. Он приходит в себя на полу, у ног Хока, который стоит, широко раскрыв рот и со странным экстазом во взгляде. Тысячи ужасных беспорядочных голосов замолкли, но тишина действует почти так же мучительно, как и адский шум за стеной. Потом вдруг раздаются звуки совсем другого рода, звон, треск, что-то разбивается...

III.

Петер Леонард оправился и бежит следом за приятелем, который вдруг выскакивает на лестницу и ломится в дверь соседней квартиры. Вокруг него собрались чуть ли не все жильцы дома и полицейский уже бежит снизу по лестнице. Даже на соседних улицах был слышен этот ужасный шум.

Дверь оказалась старательно запертой и ее открывает только призванный слесарь. Первыми входят доктор Хок и полицейский. Они находят старого пенсионера в углу его рабочего кабинета. Он сидит на полу и по его длинной зеленовато-серой бороде течет слюна. Из раны на лбу у него сочится кровь. Он, очевидно, вдруг сошел съума и разбил большой радиоаппарат, разломанные, растоптанные и невероятно изуродованные части которого валяются по всей комнате. Доктор Хок прежде всего бросается к аппарату и потом только принимается за пациента. Но и тут и там уж не поможет никакое искусство.

Пока доктор бинтует легкую рану сумасшедшего, в Леонарде просы-

пается журналист и он начинает разговор с хозяйкой квартиры. Она знала, что старик спит. Но что это за дом! Сначала один жилец, Рубин, потом вдова советника финансов... вдруг теперь...

Хозяйка квартиры вспоминает, что перед ней брат вдовы и говорит что-то невнятное про нервы. Леонард хочет спросить, что же было с жильцом Рубином, но тут подъезжает автомобиль скорой помощи и хозяйка квартиры бежит вниз встретить его.

Доктор Хок передает старика, который сидит в углу с вытаращенными глазами, врачу, приехавшему с автомобилем скорой помощи, называет уже оказавшемуся тут инспектору полиции свое имя и адрес, и кладет затем приятелю на плечо руку.

— Пойдем, а то и ты еще сойдешь съума...

Он уводит его снова в квартиру его сестры, находит там в буфете бутылку хереса и немного печенья и начинает объяснять все происшедшее только после того, как Леонард выпивает рюмку и грызет печенье.

— Прежде всего, — говорит он сердито, — чтобы ничего не попало в твою газету! Ты был чертовски близок к тому, чтобы опубликовать величайшую сенсацию, ты сам присутствовал... Тебе повезло! Но доказать, ведь, ничего нельзя, и лучше не выставлять себя на посмешище. Ни слова в твою газету! Самое большее, если хочешь, дай заметку: пенсионер такой-то на Ватмангассе неожиданно сошел съума. Состояние пациента внушает большие опасения, и тому подобное. Я думаю, что этот человек никогда уж не выздоровеет.

Доктор Хок вдруг громко выкрикивает:

— Это был величайший гений нашего времени!

— Я-то, во всяком случае, уверен в этом, — говорит он потом уже спокойнее, — я сам делаю опыты такого же рода. Ты знаешь, что я такой чудак, что для меня искусство отологии не заключается только в том,

чтобы вытаскивать изу шей пациентов серу. Меня уже давно интересуют некоторые необъясненные до сих пор странности слуха... Скажи мне, разве ты не слышишь иногда, особенно перед самым сном, как тебе совсем ясно кричат что то в ухо? Безмысленную фразу, или просто два, три слова? Я это слышу. Не полна ли вся вселенная трепещущих голосов? Со времени изобретения радио мы знаем, что самым простым, маленьким аппаратом можно принимать звуки, раздавшиеся где-нибудь в Новой Зеландии за несколько минут... Почему же нельзя принимать и слова, которые произносились тысячу лет назад?

— Физическая теория не знает конца идущей волны. Слово, которое я тебе сказал сейчас, несется дальше в пространстве еще сотни, тысячи лет. Надо уметь его поймать. Нам не хватает только бесконечно-чувствительного аппарата, который мог бы принимать звуки прошлого, самые тихие колебания, которые не могли еще совсем замереть.

— Такой радиоаппарат...

— Слушай же. Я должен объяснить тебе мое сегодняшнее поведение, которое должно было показаться тебе диким. Мне уже знаком этот дом на Ватмангассе. Меня пригласили несколько недель тому назад на консилиум. Один торговец, по имени Рубин, сошел съума и как раз в квартире твоей сестры.

Леонард делает торопливый жест. Конечно! Вот откуда он знал это название!

— Да, — продолжает его друг, — вот почему твоя сестра и получила эту квартиру. Эта квартира не годится для нервных людей. За этой стеной великий и бедный изобретатель делал опыты. Неудивительно, что тот, кто лежал на кровати возле этой стены, начинал воображать себя больным. Этого Рубина перевезли в клинику для нервных, и я осмотрел его там и установил, что его слуховой аппарат совершенно невредим. Сознаюсь, что я сначала ничего не подозревал. Но потом я все вспоминал этого человека. Я уже го-

Ученый принимал голоса прошедшего, голоса, переполняющие вселенную...

ворил, что сам делаю опыты, но пока без всякого результата. Но я знал, что может существовать какой-нибудь совсем простой аппарат, который принимает последние и самые слабые колебания древних волн...

— Подумай только, что это означает! — снесва кричит доктор Хок. — Можно было бы услышать каждое когда-либо прозвучавшее слово. Каждая тайна древности открылась бы!

Может быть, я и сам сумасшедший, но у меня из головы не выходит этот Элиас Рубин, который воображал, что его кровать разговаривает с ним. Я вчера был первый раз в этой улице и...

Для профессионального наблюдателя ты довольно слеп, мой сын. Я отлично видел, как ты таращил на меня глаза и все таки ничего не заметил, когда мы подъехали к этому дому. Когда мы теперь отправимся домой, будь добр, обрати внимание на странную антенну, которая видна на крыше. Это антенна невиданной до сих пор формы и совершенно нового сплава металлов, в этом я уверен. Я заметил это с первого же взгляда.

Ты теперь поймешь остальное. Ко мне неожиданно является твоя сестра. Я поражен, когда узнаю, где она живет и что у нее за болезнь. Надо сознаться, что я совершил маленькое ме-

дицинское преступление, запрятав ее в санаторию доктора Хюттера, где она сейчас, без сомнения, великолепно спит. Мне необходимо было иметь ее спальню в своем распоряжении...

Длинный Леонард взволнованно ходит взад и вперед по комнате.

— Но, я все таки, не понимаю,— говорит он,— что случилось со стариком, соседом моей сестры?

— Всего только почти неизбежный несчастный случай во время опыта. Ему уже удавалось принимать аппаратом голоса прошедшего, но аппарат этот не был еще так совершенен, чтобы по желанию изобретателя отделить один голос от другого, приводить в порядок весь этот хаос звуков. Что за адский шум голосов должен постоянно переполнять вселенную! К счастью, наши чувства слишком грубы, чтобы воспринимать их. В течение коротких мгновений мы слышали не весь ужаснейший хаос звуковых волн, а всего лишь крошечную, смехотворную частицу. Но ты уже и от этого упал в обморок, да и я не особенно-то сохра-

нял равновесие. Вот и представь себе нашего соседа, старого ученого. Он не был безучастен, как и мы, он переживал величайший и самый желанный момент своей жизни. Все его чувства напряжены до последней степени. Если его опыты уже свели сумму его соседей, то в каком же состоянии должны быть его нервы! Последним ударом для него был звуковой взрыв, который мы тоже слышали...

Толстый доктор умолкает. Он с горечью говорит после долгого молчания:

— Я испробую завтра эту антенну, может быть обломки аппарата скажут мне что-нибудь. Но у меня нет надежды. Судьба, которая так поступает с великим, благородным человеком, не позволит, чтобы кто-нибудь портил ей ее жестокое удовольствие. Я сознаю, что он уж не выздоровеет и что я не спасу ему его славы величайшего изобретателя. Когда-нибудь кто-то другой сделает это, потому что кто же может сомневаться, что в наши дни рассеивается последний туман, окутывавший явления физического мира?

НЕ ПОДУМАВ НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 13,— так называемая «Испанского узника».

Предание гласит, в 1486 году, в городе Толедо, жил ученый математик Паоло Вальмес. Случайно у одного знакомого он повстречался с великим инквизитором Торквемадой, тоже любителем математики, хотя и не столь сведущим. В разговоре речь зашла об уравнениях 4-ой степени. Торквемада заявил, что они не могут быть решены; что 4-ая степень уравнения волею господней недостижима для людского разума. Вальмес, не думая о последствиях, ответил, что—уравнения 4-й степени им решены весьма простым путем. Торквемада не стал возражать, но в тот же вечер Вальмес был брошен в темницу инквизиции за „борьбу с божественной волей“. Через три недели Вальмес был сожжен на костре, не успев никому объяснить свое открытие. Ученики мученика знали лишь одно, а именно, что Вальмес приводил уравнение 4-ой степени к двум уравнениям уже не с одним, а с двумя неизвестными.

$$\begin{aligned} X^2 + Y &= A \\ X + Y^2 &= B \end{aligned}$$

и, решая их, получал корни начального уравнения.

Полстолетия спустя Лодовико Феррари (1552—1565) обнародовал свое решение уравнений 4-й степени. Торквемада был давно в могиле, поэтому Феррари жизнью не поплатился. Способ Феррари страшно сложен и, хотя и строго математичен, почти не применяется, уступая место способам Грегфе и др., решающим уравнения не хотя и приближенно, но с любой точностью и быстро.

Но, даже и способ Грегфе слишком сложен в применении его к решению двух данных уравнений.

Предлагается читателям найти простой и быстрый приближенный способ решения системы уравнений:

$$\begin{aligned} X^2 + Y &= A \\ X + Y^2 &= B \end{aligned}$$

и применить его к случаю $A = 7$; $B = 11$.

Один такой способ в портфеле отдела задач уже имеется, но будут помещены и другие, наиболее интересные.

ТАЙНА СПИРИТИЧЕСКИХ СЕАНСОВ.

Очерк О. Г.

За несколько последних десятков лет увлечение спиритизмом охватило всю Европу, но особенно сильного развития оно достигло в Соединенных Штатах. Число спиритических обществ растет там с неизменной быстротой; основана даже международная лига спиритов с известным писателем Артуром Конан-Дойлем во главе. Спиритизм насчитывает в своих рядах видных политических деятелей, ученых и писателей.

Таинственный мрак, царящий на спиритических сеансах; могучая сила медиумов, вызывающая материализацию духов; сообщаемые духами сведения, часто проникающие в самые сокровенные тайники души; возможность общения с загробным миром— все это ежегодно вербует в ряды сторонников спиритизма десятки тысяч человек.

Что же на самом деле проделывается на сеансах и в чем заключается сила медиумов?

Интересные данные по этому поводу дает известный американский фокусник Гудини. Последний, в отличие от большинства своих коллег, является разносторонне образованным человеком и в своих фокусах пользуется всеми достижениями науки. Необычайная ловкость, с какой он проделывает фокусы, ставит публику в тупик и она очень часто ищет их объяснения в оккультной силе. Это обстоятельство и натолкнуло Гудини на мысль исследовать спиритизм. Изъездив для этой цели все страны света, он пришел к заключению, что вся пресловутая сила медиумов базируется на их ловкости и доверчивости публики.

В настоящем очерке приводятся несколько случаев разоблачений и описаний наиболее характерных приемов, употребляемых медиумами.

Предоставим слово самому разоблачителю.

— Однажды,—пишет Гудини—когда мне пришлось выступить в театре в небольшом городке, на западе Америки, ко мне явился знакомый репортер и сказал, что в городе имеется очень известный медиум, практикующий здесь уже более 25 лет. Получить сообщение, что в одном городе со мной живет настоящий медиум, для меня все равно, что для охотника напасть на след зверя. Я отправился к упомянутому медиуму в сопровождении должностного лица.

Разочарование постигло меня и на сей раз.

Пойманный мною мошенник принадлежал к числу „трубных“ медиумов, вызывающих духа при помощи расширяющейся металлической трубы, нечто в роде старинного рупора. Она кладется на стол, вокруг которого присутствующие, в том числе и медиум, образуют цепь, — держа друг друга за руки. Таким образом, находясь в цепи, медиум не может двигать руками, чтобы это не было замечено его соседями. Но вот, как только тушится свет, начинают происходить очень странные явления. Вы начинаете слышать голос „духа“ и начинаете чувствовать прикосновение чьих то таинственных рук; слышатся странные, глухие шаги по полу, по стенам и по потолку. Слышатся шелестящие звуки, шуршание платяев „духа“. Очень часто труба, различаемая в темноте, благодаря светящимся кольцам, подвешенным над нею, подымается и буквально начинает носиться по воздуху.

Для тех, кто первый раз присутствует на спиритическом сеансе, подобные явления кажутся необъяснимыми и они на самом деле начинают верить в существование духов. Зная, что медиума держат за обе руки, вы вполне уверены, что это не он говорит в трубку, подымает ее на воздух и стучает ею по потолку.

Но мне, который в течение 36 лет освобождался от всяких пут и наручников, позвольте вас уверить, что медиум легко освобождается от держащих его рук и тогда все эти продолки с трубой превращаются в детскую игру. Более опытные медиумы освобождаются сами, другим помогают сообщники.

Голос „духа“ — ничто иное, как измененный трубой голос медиума; в темноте же, вдобавок, совершенно невозможно определить причину этих звуков. Это легко проверить на опыте самому. Стуки и шелест крыльев „духа“ производятся ногтем по трубе. Прикосновения, ощущаемые присутствующими, точно также производятся с помощью трубы. Чтобы достать до потолка или до сидящего вдали от него участника сеанса, медиум вытягивает трубу, составленную из труб, входящих одна в другую. Есть медиумы, у которых „духи“ разговаривают и при полном освещении. Это делается следующим образом: медиум приближает широкое отверстие трубы ко рту и шепчет в промежутке в разговоре с соседом нужные слова, не двигая мускулов лица так, как это на сцене прodelывают чрево вещатели.

Медиум, о котором только что шла речь, тоже прodelал свои обычные фокусы с трубой и заставил звучать гитару, лежавшую рядом с трубой на столе, оставаясь недвижимым, причем публика была уверена в том, что оба его соседа держат его за руки. Он также установил связь с „духом“ сына одного из присутствующих, с „духом“ какого то индейского вождя, говорившего сдавленным голосом на ломаном английском языке и, наконец, с „духом“ какого то французского оперного

певца, покинувшего сеанс с пением псалма.

Как я уже говорил, я отправился на сеанс, тая надежду, что уж этот то медиум должен оказаться настоящим и что я увижу проявление оккультных сил. Но приемы его оказались настолько шаблонными, что мне лишь оставалось досадовать на мое разочарование и, выбрав момент, я выскользнул из цепи и посыпал сажей трубу. Затем, выждав время, когда медиум окончил свои манипуляции с трубой, я вытащил карманный электрический фонарь, зажег его и направил струю яркого света на стол.

Получилось очень комическое зрелище. В цепи сидел медиум, причем как раз в этот момент он держал гитару над головой, а его лицо и руки оказались черными от моей сажи. Очень остроумным способом он сумел высвободить свою руку, что и дало ему возможность действовать гитарой и трубой.

Он спросил своего соседа заметил ли бы последний, если бы он поднял руку. Затем он поднял руку, но не вернул ее на прежнее место, а вместо нее всунул в руку соседа камень, формой напоминающий руку и такого же веса.

Камень был завернут в носовой платок. Сосед, не замечая разницы в весе, не обратил на происшедшее внимания. На этом фокусе и держалось все искусство медиума.

В течение своей 35 летней деятельности, я пришел к убеждению, что подобные субъекты представляют собой наиболее опасный тип преступника, гораздо опаснее грабителей с большой дороги: те по крайней мере действуют открыто и их профессия требует не мало храбрости, силы и сопряжена с большим риском.

Медиум с трубой.

Чтобы быть медиумом, ничего этого не требуется. Клиентура медиума состоит из людей, потерявших близких, выбитых из колеи жизненными неудачами, словом — нравственно потрясенных. Они все приходят к нему за утешением, твердо веруя в то, что они получают искомое. И вот медиум, ловко выведав их тайны, действует на их расстроенное воображение посредством своих фокусов с трубами, писанием на досках, вращением столов, таинственными явлениями, фотографиями „духов“, искусно комбинируя явления.

Темнота, царящая на сеансах, облегчает обман, увеличивая вместе с тем эффект. Явления, будь они вызваны этими способами при освещении, возбудили бы общий смех, между тем как темнота придает им таинственный и жуткий характер.

Одного медиума я поймал в тот момент, когда он, поднявшись с места, потянул вверх стол при помощи крючка, прикрепленного к поясу, в то время, как его сообщник приподнимал стол с другой стороны.

Да разве с такими приемами мог бы выступить самый простой фокусник? Или вы представляете фокусника, воздействующего на зрителей тем, что его помощник хлопает их по плечам или проводит пальцами по волосам? А тут под покровом темноты и религии сплошь и рядом творятся такие обманы.

Я помню, как в Чикаго был удивительный медиум женщина. У ней на сеансах, как только тушили свет, чьи то руки начинали бегать по присутствующим, из их карманов вытаскивались часы и летели в противоположный конец комнаты. Сколько времени я ее пытался поймать, но все безрезультатно. Наконец, я догадался и вымазал себе волосы чернилами. Прикосновение „духа“ к моим волосам не заставило себя долго ждать, причем я движением головы старался это прикосновение продлить. Когда же зажгли свет, то обнаружилось, что у маленькой старушки, сидевшей во время сеансов в самой глубине комнаты, с самым

невинным видом, вся рука была вымазана этими самыми чернилами.

Во всяком случае могу засвидетельствовать тот факт, что приемы современных медиумов мало отличаются от приемов первых медиумов, вырвавшихся буквально как грибы после 1848 года с легкой руки знаменитых сестер Фокс.

Последние являются основательницами современного спиритизма. Их изумительные „медиумические“ силы очень заинтересовали известного русского спирита Аксакова. Это были две дерзкие девченки в возрасте 6 и 8 лет, жившие в ферме Гейдевилл, в окрестностях Нью-Йорка. Они начали с того, что бросали по ночам на пол яблоки и производили шум в своей спальне, чтобы напугать мать. Впоследствии они продельвали это более остроумными способами и суеверие приписало им сверхестественную силу. Их старшая замужняя сестра увидела в этом возможность заработать и стала их широко эксплуатировать в целях наживы. Это было только начало спиритизма, но когда Маргарита Фокс сделала в 1888 году полное признание в том, что только дурачила доверчивую публику и подробно рассказала, как она это делала — спиритизм нашел широкое распространение и образовалась целая профессия медиумов.

Между прочим, могу указать на то, что разговор „материализованных“ духов никогда не бывает выше умственного развития самих медиумов.

Так например, однажды я спросил „духа“ Авраама Линкольна об одном случае из его жизни, известном всем, скольконибудь интересовавшимся историей, и получил ответ, не только не соответствовавший действительности, но представлявший собой явную нелепицу.

Следует указать еще на один прием, часто употребляемый медиумами: внезапно в темноте появляются, окруженные таинственным сиянием, лица усопших. Они представляются собой маски, покрытые каким-нибудь светящимся составом, прикрепленные к длинным шестам. Ими обычно орудует помощник, скрытый занавесью.

На помещаемом снимке Гудини показывает, как при помощи самого простого физического способа и плутовской сноровки получается таинственная прозрачная субстанция, так называемая „эктоплазма“, в которой обычно появляются „духи“. Во рту Гудини держит конец чехла из тончайшей материи, который, надуваясь, отлетает к находящейся позади светящейся маске.

— Помнится мне, — рассказывает Гудини — в юношеские годы я очень часто посещал сеансы одного медиума. Особенно привлекло мое внимание, что сколько бы „духов“ ни вызывалось, голос менялся лишь 3 раза. Когда я спросил о причине этого явления самого медиума, он, очень сконфуженный, ответил: „чорт возьми! вы поймали меня. Но все таки вы должны признать пользу, которую я оказываю, принося утешение тем, кто надеется получить весточку от умершего друга“.

Поймать его? да у меня вовсе и не было этого намерения. Напротив, я был очень разочарован, увидав, что тот, в кого я так верил, признался в мошенничестве. И когда я спросил его, существуют ли настоящие медиумы, то он, не задумываясь, ответил: „Ни одного, по крайней мере из тех, кого я знаю. Все они такие же фокусники, как и я“.

Очень часто на сцене я воспроизводил фокусы медиумов и затем объяснял изумленной публике способы, какими они производят. Моя работа была настолько успешна, что сторонники спиритизма объявили, что я

сам являюсь медиумом, но лишь не желаю признать этого. Конечно, это сплошной вымысел. Ведь все мои фокусы достигаются весьма естественными способами и становятся понятными всем, давшим себе труд внимательно выслушать мои объяснения.

Очень часто медиумы, разоблаченные мною, яростно защищаются их сторонниками, которые находят для этого множество предлогов. Напр., утверждают, что как раз в этот момент медиума покинули его таинственные силы, и что он лишь на это время прибег к помощи фокусов и т. д. Я, конечно, опровергал эти доводы, и эти споры становились суровым испытанием моего терпения.

Сам Артур Конан-Дойль, автор всемирно известного „Шерлока Холмса“, выступил против меня с подобными же доводами, когда я своими разоблачениями поколебал самые основы спиритизма.

— Отлично, — ответил я ему, —

если бы можно было запереть меня вместе со всеми вашими спиритами и женами, их поддерживающими, в железный сундук и сбросить этот сундук на дно морское, то из всех выбрался бы лишь один я, и то лишь благодаря моим фокусам.

Очень часто рассуждают таким образом: „этот медиум не может быть обманщиком. Духи, вызванные им, говорили вещи, лишь одному мне известные“. Я могу опровергнуть такой взгляд нижеследующим: если у медиума есть где либо имя, адрес и род занятий — а эти справки легко

„Эктоплазма“ — таинственная субстанция „духов“.

можно получить в городском справочнике—то он с помощью нескольких наводящих вопросов и маленькой дедукции легко может убедить это лицо в том, что он знает все его сокровенные тайны.

Я часто проделываю это на сцене, объясняя в чем тут дело, чтобы публика была менее легковверной по отношению к спиритам. У меня в библиотеке для этой цели имеются справочники всех крупных городов Америки.

Недавно, когда я выступал в одном Нью-Йоркском театре, мой помощник, который для этой цели прогуливался по фойе театра, сообщил мне следующий разговор между двумя людьми, встретившимися в фойе.

— Ну, м-р Бланк, — сказал один из них, — как обстоят дела в С. Луи?

— Отлично, — ответил другой: в этом году мы продали там большую партию автомобилей.

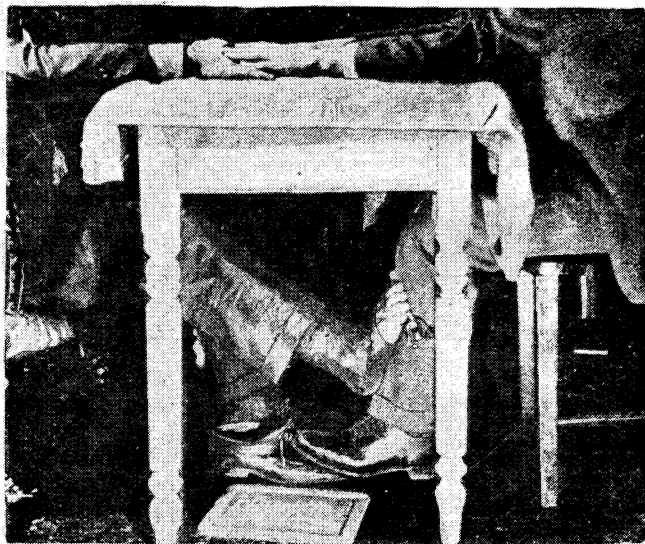
Этих сведений было для меня совершенно достаточно и я, справившись по книгам, узнал адрес Бланка, владельца автомобильного предприятия в г. Сан-Луи. Затем я со сцены вызвал его по имени, сообщил причины его приезда в Нью-Йорк, причем „дух“ заверил его, что все его начинания будут успешны. Изумление м-ра Бланка не было границ.

Одним из излюбленных медиумами приемов является прием с сапогами. Медиум садится за стол, причем сосед, держа его обе руки, наступая ногами на концы ботинок

медиума. Таким образом медиум не может освободить ни рук, ни ног, без того, чтобы его малейшее движение не было замечено. Тем не менее остроумное устройство ботинка дает возможность незаметно вынуть из него ногу. Хорошо развитыми пальцами ног можно звонить в колокольчик, завязывать узлом носовые платки и даже писать.

Очень часто, для большего впечатления, медиумы применяют на сеансах звуковые эффекты.

Вот, что по этому поводу рассказывает Гудини. На одном сеансе

Медиум, освободив ногу, звонит в колокольчик.

был вызван дух утонувшего человека. Появление его было крайне эффектно: сначала раздались отчаянные мольбы о помощи, затем слышно было, как несчастный захлебывался водой и, наконец, как вода сомкну-

лась над головой жертвы.

Желая спасти „утопающего“ духа и заодно узнать в чем тут дело, я направил свет потайного фонаря на медиума, при чем оказалось, что он производил эти звуки дутьем через соломинку в таз, наполовину наполненный водой, каким то образом очутившийся на столе. Другой раз дух полковника Рузвельта, летчика, убитого во Франции, сына президента, явился на сеанс на аэроплане. Звук мотора был ясно слышен всеми присутствующими. Оказалось, что этот звук производился при помощи электрической сушилки для волос сообщником медиума.

Всякий ловкий медиум может кого угодно сделать своим сообщником.

Это совершается таким образом. Кто-нибудь берет в руку карандаш и ставит его конец на бумагу, медиум же приближает указательные пальцы обеих рук к его глазам. Очень естественно, что тот закрывает глаза и тотчас же чувствует прикосновение указательных пальцев. На самом же деле медиум нажимает на его закрытые глаза двумя пальцами одной руки, между тем как его вторая рука начинает водить карандаш по бумаге.

Что касается до экспериментов с писанием „духами“ на аспидной доске, то они очень разнообразны и способы их доходят до 200. Один из наиболее распространенных приемов заключается в следующем: клиент держит чистую доску над головой, медиум делает вид, что берет ее из его рук. На самом же деле чистую доску берет его помощник, передавая в то же время написанную доску в руку медиума. Надписи, сделанные „духами“, часто поражают широкую публику. Способы, какими „духи“ добиваются такой осведомленности, уже изложены в этом очерке. Кроме того, имеется много других: например медиум рассылает своих агентов под видом торговцев

Невольное
общество.

по домам, где они выпытывают у словоохотливых прислуг нужные сведения об их хозяевах или соседях. Известен случай, когда один из подобных медиумов умудрился поместить в одном доме диктофон. Кроме того не стесняются делать присоединения и к телефонным проводам.

В Америке имеется целая сеть школ, где за очень короткое время и скромную плату в 150 долларов можно получить знания, необходимые для того, чтобы стать медиумом. Что это занятие выгодно, доказывает тот факт, что есть медиумы, не имевшие в начале карьеры ни копейки и нажившие в течение нескольких лет миллионы.

Эксперимент с аспидной доской.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

Откровения науки и чудеса техники.

Человек—источник электромагнитных волн.

В газетах и журналах все чаще и чаще появляются заметки о работах различных ученых, поставивших себе целью сконструировать аппараты, автоматически регистрирующие наши мысли и переживания. (См. № 1 „Мира Приключений“, зам. „Электромагнитизм человеческого глаза“). Люди науки твердо верят в полную возможность скорого осуществления того, что иным кажется только плодом неудержимой фантазии.

На чем же ученые основывают свою уверенность?

Если по проводнику идет электрический ток, то в окружающем пространстве возникают магнитные силы. При размыкании и замыкании тока—происходит изменение напряжения этих магнитных сил. В случае, если циркулирующий ток является переменным, то напряжения в магнитном поле меняются в секунду столько раз, с какой частотой изменяется направление тока. Эти колебания напряжений распространяются от места их возникновения со скоростью света (300.000 килом. в секунду). Они получили название электромагнитных или радио-волн. Достигая другого замкнутого проводника, радио-волны могут вызвать в нем переменные электрические токи такой же частоты, как и ток, вызвавший их появление.

Возникновение этих токов легко отметить с помощью несложных приборов. Таков, в общих чертах, принцип радиотелеграфии.

В начале этого столетия было установлено, что все физиологические и психические процессы в организме человека или животных вызывают переменные электрические то-

ки, которые распространяются по проводящим нервным путям. А так как всякий переменный электрический ток является источником электромагнитных колебаний, то, несомненно, и названные выше процессы в нашем организме вызывают в окружающем пространстве волны электромагнитного характера.

Подобную мысль высказал еще в 1900-м году гениальный Фламарион, а несколько позднее ее развил и научно обосновал другой французский ученый А. Фуйе.

Более поздние исследования, произведенные Крисом, Ферворном и известным русским академиком П. П. Лазаревым, подтверждают, что нервные возбуждения сопровождаются электромагнитными волнами.

Несомненно, излучаемые человеческим мозгом волны могут быть восприняты тем или иным способом; во всяком случае, они могут оказывать воздействия на другой человеческий мозг. Однако, для наличия указанного выше воздействия необходимо известное сходство в строении воспринимающих частей, одинаковая „настройка“, как говорят музыканты и электротехники.

Возьмите две струны, настройте их на одну ноту и ударьте по одной из них,—вы заметите, что и другая начнет колебаться и издавать звук. Это явление носит название резонанса и хорошо изучено в физике. Если имеется несколько десятков струн, издающих различные ноты, и раздастся звук, соответствующий тону одной из них, то начнет звучать только одна она, другие же будут безмолвны.

Явлением резонанса теперь особенно широко пользуются радиотехники для приема электромагнитных волн.

У людей, долго живущих вместе, связанных общими интересами, повидимому, некоторые части мозгового аппарата имеют одинаковую настройку (в униссон). На излучения мозга одного субъекта способен отзываться мозг другого.

Каждому из читателей приходилось замечать, как некоторая мысль, возникнув у одного из близких друг другу людей, тотчас же появляется у другого, и они оба одновременно произносят те же слова, или только что скажет один, как другой воскликнет:

— И я хотел сказать то же самое!

Явления гипноза также объясняются в настоящее время в связи с электромагнитными излучениями человеческого организма. Несомненно, мозг гипнотизера излучает электромагнитные волны, которые воспринимаются мозгом загипнотизированного субъекта.

Телепатические явления, существование которых надо считать безусловно доказанным, также объясняются излучениями человеческого мозга. Почему они чаще всего связаны со смертью? Несомненно, в момент смерти человеческого мозг излучает значительно большее количество энергии, чем при обычных, менее сильных переживаниях; эти излучения и производят сильное впечатление на некоторых родственников и друзей умирающего, удаленных на громадное расстояние.

Всего лишь 35 лет тому назад мы познакомились с радио-волнами, научились их вызывать и улавливать, а уже теперь радио-техника властно вторглась в нашу жизнь, открыла нам мир чудесных возможностей. Передача концертов, речей ораторов на расстоянии в тысячи километров, управление механизмами по радио, дальновидение...

Еще больший переворот произведе-

дет в нашей жизни последующее детальное изучение высшей нервной и мозговой деятельности человека и широкое применение для различных практических целей электромагнитных волн, излучаемых нашим организмом.

Мы верим в возможность передачи людьми мыслей друг другу, не пользуясь никакими аппаратами. Достаточно будет только подумать, как-то сосредоточить свою волю, и твоя мысль уже воспринята тем, к кому она адресована, несмотря на то, что этот человек, может быть, находится на противоположном конце земного шара.

Мы верим в возможность точной записи всех наших переживаний. Раз они вызывают электромагнитные волны различной длины, то нет, повидимому, препятствий к их фиксированию, подобно записи тех волн, которыми пользуется радиотехника. Мы верим в возможность искусственного создания у нас того или иного настроения путем воздействия на наш организм электромагнитных волн такой длины и такого характера, которые соответствуют именно этому настроению. Появятся аппараты, вызывающие подобные волны. Это вызовет переворот в медицине!

Когда американский ученый Лоренц Хорль 5 лет тому назад указал предположение, что бабочки, светляки и некоторые другие насекомые способны сноситься друг с другом посредством испускаемых ими электромагнитных волн,—это не вызвало удивления у широкой публики.

Будем же последовательны. Если насекомые способны создавать волны электромагнитного характера, то отчего же мозг человека не может производить подобных излучений?

Несомненно, настанет время, когда наука подробно познакомит нас с этой интересной областью. Мы твердо верим, что это будет в самом непродолжительном времени.

П. Рымкевич.

Великий Сфинкс.

Кто его видел раз, тот никогда не забудет прекрасное чудовище, задумчиво смотрящее обезображенным лицом из песков пустыни!

Дошла очередь и до Великого Сфинкса, — гизехского, как его называют по имени скверной арабской деревушки. Раскопки, давшие такие неожиданно блестящие результаты в Фивах (гробница Тут-Анк-Аммона), побудили заняться и древнейшим из всех исторических сооружений человечества — сфинксом вблизи Каира, у пирамид Хеопса, Хефрена и Мекерина.

Чудовище полу-человек, полу-лев, как символ мудрости и силы, поистине грандиозен. Его высота более 10 саженей. Он весь изсечен из одной громадной скалы желтоватого песчаника и только часть лап составная.

„Страж пустыни“ — называют его арабы, а древние египтяне видели в нем олицетворение солнца — Ра. Повернувшись лицом на восток, он лежит, вытянув лапы, и смотрит на плодородную долину Нила, точно сторожит ее от надвигающейся сзади пустыни.

Кое-где еще сохранилась красная краска на голове. Ветры пустыни разрушают легкий материал, выветривают его. Отбившихся кусточков, ломающихся в пальцах, — множество, и редкий турист не берет себе на память.

Варварское ядро мамелюков изуродовало прекрасную голову сфинкса, разбило ему нос, вырвало кусок щеки. Исказились благородные черты, .. И уже нет былого спокойного величия в пристальном взгляде этого грандиознейшего из созданий человеческих.

Пески не раз заносили сфинкса, и время от времени подымались целые горы песка, чтобы явить его людям. До последних дней он был открыт не весь. Стоит он в ложбине, и смотришь ему в лицо с песочного холма. Нужно опуститься глубоко вниз, встать у подножия его лап, среди которых сооружен целый храм, и только тогда проникнешься подавляющей мощью человека-льва. Какими пигмеями кажутся верблюды у подножия сфинкса! Точно мухи — арабы, забравшиеся к его ушам, к его подбородку... Самое лучшее отъехать дальше, возможно дальше, чтобы скрылась резкость изборожденного ядром лица, и тогда смотреть на сфинкса. Тогда только он зачаровывает своим камненным, но ясным и живым взглядом, столько видевшим на протяжении тысячелетий.

В древнем Египте, где все, начиная от статуй царей, преувеличено, нет ничего действительно более величественного и более таинственного, чем этот сфинкс.

При заделке трещины на голове сфинкса было обнаружено углубление. Его сочли за замурованный вход в подземный храм. В воображение рисовало уже лестницы сквозе все тело сфинкса, быть может полные драгоценностей святилища... Но хода не оказалось и ученые пришли к выводу, что в этом углублении была укреплена золоченая диадема, венчавшая исполнскую голову.

Совершенно днях закончились работы по открытию сфинкса. Сотни феллахов вытаскали в корзинах песок, засыпавший гигантскую

фигуру. На нашем фотографическом снимке Великий Сфинкс вилен уже весь, со своими лапами и с реставрируемой головой. Таким он сейчас высится в Египте, но... ненадолго. Пески пустыни скоро снова засыпят его...

На снимке заметно, что Сфинкс стоит как бы в котловине. Это, однако, не природная котловина, это выемка, потому что горы песку вокруг. Такие же горы пришлось пудами вынести, чтобы обнажить сфинкса из под сычущих волн.

За тысячи лет до нашей эры, величественный и прекрасный, он стоял на ровной земле и издали видна была его цветная, точно опаленная солнцем голова, с сверкающим золотым сиянием над ней. Тогда он был страж Пустыни у преддверия ее. Но и теперь—он все же чудесный символ человеческого могущества, преоборвавшего самую смерть, не погибшего от злого Сэта—пустыни.

З. Б.

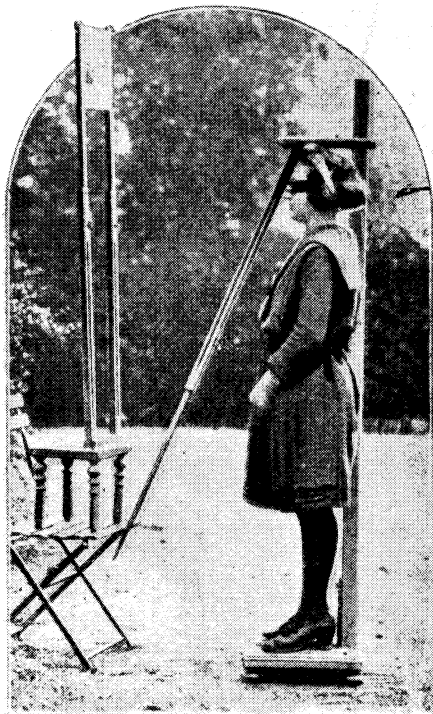
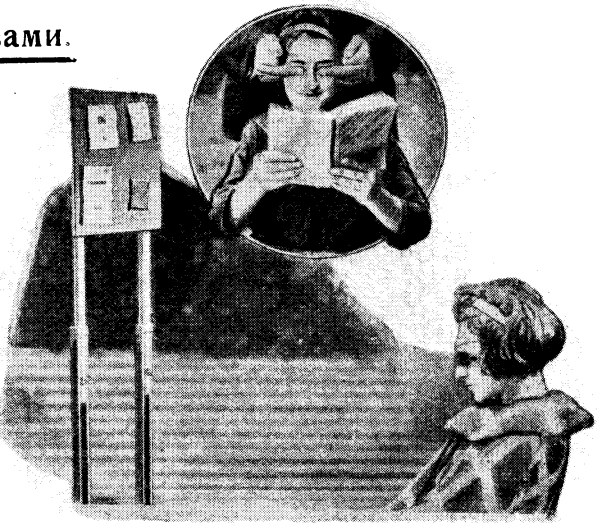
Чтение с закрытыми глазами.

О так называемом ясновидении о чтении мыслей и писем в закрытых оболочках написаны целые томы, и вставки внутренняя, физическая сущность этих явлений остается попрежнему темна.

Современная наука не в состоянии еще дать исчерпывающих объяснений этих явлений и потому ближайшей ее задачей будет—внимательно и точно изучать их, определяя условия и обстановку их возникновения.

Вот, почему значительный интерес представляют опыты, проделанные в недавнее время несколькими наблюдателями во Франции—Л. Фаригуль (в литературе известный под именем Жюль Ромена) и Жаном Лабадь.

В опытах Фаригуль, глаза ясновидящей закрывались тройным слоем повязок и ваты и тщательно контролировались несколькими лицами. В большинстве случаев опыты были

удачны—ясновидящая верно называла подносимые к ее лицу карты и крупные буквы.

Опыты Лабадь производились над одной девочкой лет 15, причем были приняты предосторожности, устранявшие всякую возможность обмана и неточности. Повязка была абсолютно непроницаема, ни снизу, ни сверху глаз не мог получить ни одного луча света. Показываемый предмет (карта, листок календаря), наугад брался экспериментатором, и притом так, что он сам не видел, что изображено на вынимаемой карте. Этим устранялась возможность невольного внушения с его стороны лицу, над которым делался опыт. Кроме того, вся обстановка опыта снималась кинематографом.

Эти опыты производились в присутствии нескольких свидетелей и также дали в высшей степени интересные результаты. Было бы еще преждевременно строить по их поводу какие-нибудь теории, но несомненно, что в некоторых неизвестных еще для нас случаях, часть зрительной способности человека, (а так же повидимому и животных) может сосредоточиваться на разных участках кожи лица и других органов, напр. поверхности рук. Ближайшие годы, будем надеяться, принесут нам разгадку этого интереснейшего явления...

В. Д. Н.

На гибель человечества.

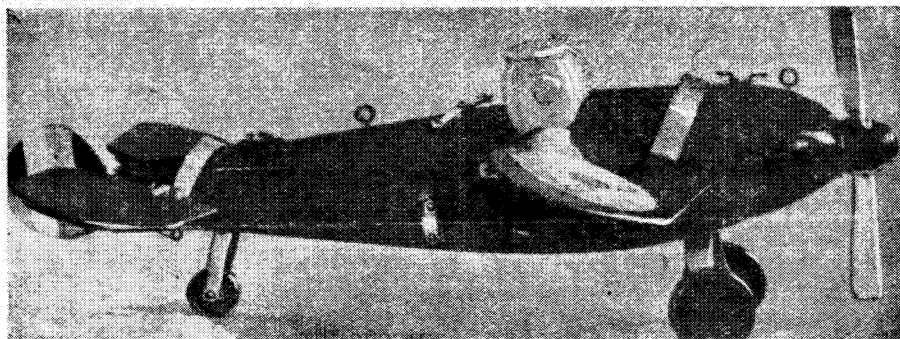
Аэроплан без пилота.

При беглом взгляде на помещенный выше рисунок нам невольно покажется, что это какое то новое жесткокрылое насекомое, снятое в полете... Вот голова, брюшко, крылья, и только сеть каких то проволок, натянутых вдоль спины, говорит, что здесь нечто гораздо менее безобидное.

Действительно, это новейший американский аэроплан—бомбоносец, могущий летать над вражеским городом без помощи летчика, управляемый на расстоянии радио-волнами. Сотни таких воздушных истребителей, с запасом автоматически падающих бомб огромной разрушительной силы, могут теперь выпускаться с аэродрома, находящегося в глубоком тылу, прорываться через воздушную полосу заграждения, сбросить где надо свой смертоносный груз и вернуться обратно. Часть этих воздушных миноносок конечно будет сбиты зенитной противозенитной артиллерией, но зато во всяком случае будут сохранены жизни пилотов.

Подводные аэропланы.

В испытательном бассейне военно-морского ведомства С. А. Соединенных Штатов производится в настоящее время деятельные опыты с „подводными аэропланами“. Корпус их (см. нижний снимок) строится водонепроницаемым, так же, как у подводной лодки. Пилот помещается в стеклянной будке, расположенной в верхней части корпуса. Аэроплан погружается в воду и забирает глубину при помощи легкого наклона впереди его несущих плоскостей (крыльев). Главными выгодами таких подводных аэропланов в сравнении с подводными лодками являются, во-первых, сравнительная дешевизна их постройки (на сумму, расходуемую на сооружение подводной лодки, можно построить 10 таких аэропланов), и, во-вторых — большая гарантированность экипажа в случае какой-либо аварии. В самом деле, при остановке мотора, подводный аэроплан, сам собою, действием своего удельного веса, всплывает на поверхность воды.

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Издатсойкин

Телефон № 58-02.

О. Р. (Здесь).—Рассказ Ваш, может быть, и представляет какой-нибудь интерес для кружка шахматистов, но он слишком длинен и скучен, чтобы дать его для всех читателей журнала.

Е. А. (Здесь).—Не в наших нравах такие „шутки“, а если их продельвают, то разве только хулиганы с Лиговки, но хулиганы не горят лощеным языком „светских гостинных“, как у Вас. В общем, получилось что-то надуманное и искусственное.

В. Д. (Москва).—Да, неудачно и теперь! Вы хотели „разоблачить привидения“, а сами устроили такое нагромождение романтических несообразностей! Тут у Вас и перстень, и браслет, и высохший труп удушенницы... Все это 300 лет, можно сказать, на виду у всех пребывало в ожидании Вашего расквашика. Нужно чувство меры!

С. А. К. (Москва).—Приходится повторять все одно и тоже: не пишите о жизни, которой не знаете. У Вас „пфенниги“ в Париже—обычная ходячая мелкая монета... И остальное в этом же роде!

В. П. (Ростов н/Д).—„Преступление“ никуда не годится. Не тратьте сил на детективные рассказы. Теперь не время для них. И, вообще, для печати Вам еще рано писать.

С. П. З. (Северный Кавказ)—„Тень, которая шевелится на стене“, имеет еще подзаголовок: „Раскрытие одной ужасной тайны“. Все это вместе взятое—очень наивно и взято с французского без указания, что это перевод.

А. А. (Владивосток).—Ваш „Рассказ боцмана“ похож на помещенный у нас год назад рассказ „Бегство Рошфора“. Согласно Вашей просьбе, переслали в указанное Вами московское издательство.

А. И. П. (Лукоянов).—„Воздушная драма“ сделана совсем не драматически. Читаешь—и не страшно, и не волнуешься за героев. Нет элемента художественности. И „Горилла“ Ваш начинается так же точно, как „Воздушная драма“. Это называется „танцевать непременно от печки“. Ну, какой же это студент держит в своей убогой комнатенке гориллу для опытов!

А. Д. (Баку).—„Атлантида“ не годится. Очень многое хотели вместить в Ваш рассказ.

Е. М. (Одесса).—„Да здравствует независимость!“ Из мексиканской жизни... Рано Вам писать для печати.

Ю. Г. (Самара).—Рано писать еще! У Вас ни мыслей своих, ни слов своих. Все, что услышали, плохо пережевываете и плохо перевариваете. Не торопитесь!

Е. И. Ш. (Екатеринослав).—„Первый дебют“—неудачная попытка перевезти довольно нелепое иностранное приключение (таинственная отправка змей в ящике)... по русским железным дорогам.

С. И. В. (Ижевск).—„Далекий Мир“ свидетельствует, что Вы интересуетесь Марсом и кое-что почитывали. Но этого мало, чтобы написать интересный для других рассказ. Вы просто толково изложили немного, известное Вам.

Л. В. С. (Коканд).—Подробное письмо Вам послано. Заставьте Вашего сарта говорить его языком, а не гладким, литературным—автора. Пишете Вы не плохо и мысли есть у Вас. Присылайте! Колорит местности и людей Вы чувствуете. Это хорошо!

Г. К. Э. (Киев).—Такого сорта пошлые приключения на улицах больших городов,—как плохо и длинно рассказанное Вами,—ежедневно, в нескольких строках, сообщаются в газетах, в конце хроник городских происшествий...

НАУЧНО-ОБОСНОВАННАЯ ИГРА „ВОЗДУШНЫЙ БОЙ“.

Составил А. Д. МАЛИНОВСКИЙ.

Игра состоит: из шахматной доски с изображением поля сражения, с 16 металлическими аэропланами, с 7 чертежами и брошюрой „Воздушный Бой“, объясняющей правила игры. Многочисленность возможных комбинаций в группировке и столкновении фигур делает игру крайне интересной и игра приобретает характер шахматной партии.

Цена 2 рубля с пересылкой.

С требованиями обращаться в Изд-во „П. П. СОЙКИН“. Ленинград, Стремянная, 8.

Поступил в продажу полный комплект журнала
(с № 1 по № 24—за 1925 г.)

Вестник Знания

В №№ журнала «Вестник Знания» в течение 1925 г. в числе других статей были помещены следующие произведения наших выдающихся ученых:

Проф. В. А. Вагнер „Пессимизм и перспективы науки“. „Поэзия и проза науки“ и др. Проф. Л. Л. Васильев „Биологические лучи“ (открытие проф. А. Г. Гурвича). Проф. Б. И. Вейбер „Как влияет человек на судьбы солнечной мощности“ и др. Проф. А. Г. Генкель „Революция в геологии“ и др. Проф. О. П. Глазенап „Астрономия XX в.“ Проф. О. О. Грузенберг „Художник-бунтарь“ и др. Радио-инженер В. А. Гуров „Как возможно видеть предметы на расстоянии тысячи верст“. Проф. Н. С. Державин „Искусство и литература“ и др. Проф. В. И. Ковалевский „Умственное движение в Китае“. Поч. Чл. Всесоюз. Акад. Наук А. Ф. Кони „К юбилею Академии“. Акад. Нестор Котляревский „О малом театре“. Проф. П. А. Колосовский „Мироздание в своей современной науке“. д-р Г. О. Манойлов. „Определение пола зародыша по крови“. Акад. Н. Я. Марр „Письмо и язык будущего“. Проф. Н. А. Морозов „Памяти М. В. Новорусского“. Проф. М. В. Новорусский „Пути моего самообразования“. Проф. А. М. Никольский „Значение атмосферы в жизни человека и животных“. Акад. С. Ф. Ольденбург „200 лет научной работы“. Акад. С. Ф. Платонов „Дя мрачных страня прошлого“. Проф. А. Е. Пресняков „Декабристы“. Проф. В. В. Сиповский „Что такое поэзия“. Проф. В. Г. Там-Болораз „Распространение культуры на земле“ и др. Проф. А. Е. Фереман „Новые малки культуры“ и др. Проф. С. В. Фарфоровский „Страницка истории культуры“. Проф. Л. И. Френкель „Мистика мирового эфира“. „Открытие академика Иоффе“ и др. Проф. П. Ю. Шмидт—Целый ряд руководящих статей по вопросам биологии. Э. Э. Эссен „Дарвинизм и марксизм“

Кроме того напечатан цикл статей редактора журнала акад.-проф. Вл. М. Бехтерева по вопросу о гипнозе и ряд его заметок и очерков публицистического характера.

Цена полного комплекта журнала «Вестник Знания» за 1925 г. без приложений 6 руб. с перес. С приложением 12 книг «Библиотека Знания» 9 рублей с пересылкой.

С требованиями обращаться в Изд-во «П. П. СОЙКИН».
Ленинград, Стремянная, 8.

КНИЖНАЯ ЛЕТОПИСЬ

XX год
издания.

Государственной Центральной Книжной Палаты

1926 г.

Выходит еженедельно.

С 1-го января 1926 года журнал выдается на новых основаниях: Государственная Центральная Книжная Палата выдает издание журнала целиком в свои руки. В связи с этим безусловно гарантируется:

- регулярный и срочный выход журнала еженедельно в определенный день недели;
- некредитная и регулярная его доставка подписчикам, как в Москве так и в провинции;
- срочность доставки в «Книжной Летописи» материала, поступающего в Книжную Палату.

При таких условиях «Книжная Летопись», регистрирующая все книги, выходящие из печати в пределах РСФСР, приобретает значение универсального издательского каталога-справочника, необходимого каждому издательскому и книгопродавческому учреждению, библиотекам, библиографам и научным работникам различных специальностей: это единственный орган, срочно и точно информирующий о всех новинках книжного рынка.

Кроме обыкновенных экземпляров, с 1-го января 1926 года печатаются односторонние экземпляры (на одной стороне листа), специально приспособленные для разрезки и закладки на каталожные карточки.

Подписка и объявления принимаются: 1) в Государственной Центральной Книжной Палате (Москва, Новинский бульвар, 36, телеф. 3-01-33). 2) у Представителя Государственной Центральной Книжной Палаты в Ленинграде (Ленинград, Моховая, 22, кв. 25, проф. М. Н. Куфаев, тел. 1-85-65).

Подписная плата: На 1 год—10 руб., на 6 мес.—5 руб., на 3 мес.—3 руб. За границу: на 1 год—10 с. амер. долл. Односторонний экземпляр: На 1 год—15 руб., на 6 мес.—8 руб. Библиотечные учреждения, библиографические общества и члены таковых при представлении соответствующих удостоверений пользуются 20% скидкой.

Ленинградский Гублет № 9593.

Печатано 25000 экз.

Литография арендованная В. Д. Горюновым, Ленинград, Ковенский 14.